Суслов

ПОЛИТИЧ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ Сов-Польск. КАМПАНИИ 1920

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
IK 460
C 964

1 р. 40 к.

ГК460
С964

П. В. СУСЛОВ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1920 ГОДА

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ РККА ИМЕНИ ТОЛМАЧЕВА

П. В. СУСЛОВ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1920 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГК460
С964 Р

П. В. Суслов. — «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 г.». Изданием этой работы положено начало исследованию опыта политического обеспечения советско-польской кампании. Автор, исходя из оценки общеполитической обстановки накануне кампании и анализа причин советско-польской войны, — подробно останавливается на политической подготовке кампании в советских республиках и организации политработы и политического обеспечения в частях Красной армии. На основе большого архивного материала дана оценка работы политорганов Западного и Юго-Западного фронтов как в период наступления на Варшаву, так и в период нашего отступления. Большой интерес представляют главы, посвященные политической работе среди войск противника и населения. Книга представляет значительный интерес для начсостава РККА и может служить пособием по изучению опыта политической работы в гражданской войне.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
~~19599~~
СФ 11523
~~6711~~ ~~1930~~
19599

Типография „Печатный Двор". Ленинград, Гатчинская, 26.

В, 11. Гиз № 38684. Ленинградский Областлит № 57484. 11 л. Тираж 5000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	4
Глава I. Общеполитическая обстановка накануне кампании. Причины и характер войны	5
Глава II. Политическая подготовка кампании в советских республиках. Соотношение вооруженных сил на фронтах	25
Глава III. Политическая работа в частях Красной армии	38
Состояние политической работы в частях Красной армии к началу кампании	—
Работа политорганов Юго-западного фронта в начале кампании	46
Работа политорганов Западного фронта в начале кампании	54
Политическое обеспечение июльского наступления	70
Политработа в период Варшавской операции и нашего отступления.	89
Работа белополяков по разложению наших частей и контр-мероприятия политорганов	99
Глава IV. Работа по разложению польской армии	104
Глава V. Работа среди населения. Из опыта советизации	118
Состояние прифронтовой полосы к началу войны	—
Работа политорганов Западного фронта. Советизация Белоруссии . .	120
Работа политорганов Юго-западного фронта	131
Из опыта советизации Польши и Западной Украины	135
Глава VI. Некоторые итоги	150
Приложения	158
Указатель основных источников и материалов, использованных автором	173

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Работа над вопросами политического обеспечения советско-польской кампании 1920 г. представляет большие трудности.

1920 г. далеко не полностью отошел в распоряжение истории. События этого года крепкими нитями связаны с современной политической действительностью. Последнее слово историей еще не сказано. Многие важнейшие документы кампании еще не могут быть предоставлены архивам и исследователям.

Затем архивы политорганов находятся в неизмеримо худшем состоянии нежели архивы штабов и командования. В 1920 г. никто из политработников о нуждах будущего обобщения их опыта не думал... Кроме того многие армейские и дивизионные политорганы в Архиве Красной армии ко времени нашей работы совсем не были представлены.

Наконец так как опыта исследования политического обеспечения операций гражданской войны наша литература пока еще не знает, не представлялось возможным на каком-либо примере поучиться методологии подобного исследования.

Опубликованием этой работы мы надеемся положить начало исследованию опыта политического обеспечения советско-польской кампании 1920 г. Ясно представляя неизбежные недостатки начального этапа и первого опыта работы, мы ставим себе задачу дальнейшего и более углубленного изучения партийно-политической работы Красной армии в войне с белополяками.

Автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НАКАНУНЕ КАМПАНИИ. ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ВОЙНЫ.

★

1920 г. начался для советских республик при благоприятных в военном отношении условиях. Уничтожались остатки колчаковских армий. 7 февраля Колчак расстреливается по постановлению Иркутского ревкома. В мае образовывается дружественная Дальневосточная республика. 21 февраля Красная армия занимает Архангельск, 13 марта — Мурманск, а 23 марта занятием Печенеги окончательно ликвидируется Северный фронт. На Туркестанском фронте также одерживаются большие победы и в конце февраля частями 1-й армии Туркестанского фронта занимается Хива. Катастрофическое отступление Деникина под натиском красных частей Южного фронта продолжалось безостановочно: 8 января Буденный занял Ростов-на-Дону, 6 февраля 12-я армия вступила в Одессу, в середине февраля ликвидируется украинская группа Деникина. Остатки ее запираются в крымской «бутылке». Но на Дону Деникин производит последнее напряжение сил и вновь занимает Ростов. Однако части 13-й армии громят Деникина и отвоевывают Ростов 23 февраля. Вслед за этим вторичным поражением под Ростовом и полным разгромом ген. Павлова и Кубанского корпуса в районе Пролетарской, Деникин безостановочно покатился через Кубань, и 30 марта красные части заняли Владикавказ и Петровск. 27 апреля в Баку вступила 11-я Красная армия.

Красные армии не имели успехов и отступали только на Западном фронте. 3 января белополяки захватили Двинск. 22 января вместе с белолатышами — Дриссу и Режицу. В марте вновь белополяки открыли активные действия, захватив Мозырь, Калинковичи и Овруч.

Тем не менее, несмотря на фактическое продолжение войны с Польшей, разгром Колчака, Деникина и ликвидация Северного фронта весьма основательно укрепили международное положение советских республик. Владимир Ильич характеризовал международное положение в тот период «столь благоприятным и победоносным, как никогда».

«Внутреннее развитие нашей революции привело к самым большим и быстрым победам над противником в гражданской войне, а в силу международного положения эти победы оказались не чем иным, как победой советской революции в первой стране... в стране самой слабой и отсталой, победой над соединенными всемирными капитализмом и империализмом» [1].

---

[1] Стенографический отчет IX Съезда РКП(б). Вступительная речь.

В силу наших побед 16 января Верховный совет союзников вынес постановление о снятии блокады. 30 января удалось заключить договор о перемирии с Латвией, а в апреле приступить к мирным переговорам. 2 февраля подписывается мирный договор с Эстонией. В феврале же впервые устанавливается непосредственный контакт с английским правительством (договор Литвинова с О'Греди об обмене военнопленными), позже намечаются переговоры о торговом договоре и т. п. Иными словами, победа Красной армии над контрреволюционными армиями разорвала блокаду, заставила империалистов отказаться от планов военного разгрома революции (хоть и на время, и не всех) и перейти к новым методам борьбы. Ленин говорил об этих новых методах борьбы на IX Съезде РКП (б):

«Теперь международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы при снятии блокады международное мешечничество, международную свободную торговлю соединить, слить, сплотить с нашим внутренним мешечничеством и приготовить на почве этого мешечничества нам новую войну... новый ряд ловушек, западней...»

Международное положение укреплялось также ростом международной пролетарской революции почти во всех главнейших капиталистических странах, в том числе и в Польше.

Капповский путч в Германии (март) только подхлестнул революционное движение немецких рабочих, подняв его на высшую ступень: организация рабочих вооруженных отрядов (Красная армия), колоссальное и могучее забастовочное движение. Лишь особо искусным и кровавым предательством социал-демократов, использованием недостаточной опытности и организованности коммунистов удалось эту грозную, победоносно начавшуюся волну пролетарской революции включить в берега социал-предательского ложа. В марте-апреле еще имелись основания рассчитывать на победу социализма в Германии. IX Съезд партии писал в обращении к германскому пролетариату:

«Пролетариат советской России, равно как пролетарии всего мира, с трепетным ожиданием следит за вашей героической борьбой, сознавая, что победа германского пролетариата послужит сигналом к мировой социальной революции.

«Мы выражаем твердую надежду[1], что вы добьетесь поставленной себе... цели, что вы... установите диктатуру рабочего класса...»

Победоносно и стремительно шло революционизирование широчайших слоев трудящихся масс Италии. Уже в октябре 1919 г. Болонский съезд Итальянской социалистической партии постановил примкнуть к Коминтерну. Революционно-пролетарское движение охватило широчайшие круги трудящихся Италии. Городской и сельский пролетариат, крестьянская беднота перешли в наступление. Стачечное движение, вспыхивая то тут, то там, не ослабевало и в августе-сентябре привело к захвату фабрик и заводов рабочими, помещичьих имений батраками и крестьянской беднотой (с июля 1920 г.).

Процесс революционизирования охватил пролетарские массы и всех других капиталистических стран. Революционизирование широчайших масс пролетариата отразилось и на отношении к Коминтерну важ-

[1] Разрядка всюду, кроме специально оговоренных мест, наша.

нейших социалистических партий европейских государств. Французская социалистическая партия, Германская независимая социалистическая партия и независимая Рабочая партия Англии вышли из II Интернационала и пытались присоединиться к Коминтерну («условно»). В. И. Ленин в тезисах «Об основных задачах II Конгресса Коммунистического Интернационала» расценивал эти шаги главнейших партий II Интернационала как доказательство того, «что не только авангард, но и большинство революционного пролетариата начало... переходить на нашу сторону».

Внутреннее состояние советских республик требовало неослабного внимания. Сильнейшее истощение крестьянского хозяйства в ряде основных районов РСФСР, большое сокращение посевных площадей, переход крестьянства почти исключительно на самообслуживание и чудовищное падение промышленного производства сигнализировали возможность серьезной угрозы союзу рабочего класса с середняком. Забегая вперед, нужно отметить, что новые мобилизации, заготовки продовольствия и других средств крестьянского хозяйства в связи с потребностями внезапно разразившейся войны с белой Польшей еще более усугубили положение.

В конце года, после войны, партии и советскому правительству пришлось встать на путь принудительно-законодательного регулирования посевов крестьянства. Эта мера не дала выхода из положения. В союзе пролетариата и трудящегося крестьянства обнаружилась опаснейшая трещина, устранить которую удалось лишь введением «новой экономической политики». Разгром белогвардейских сил и армий укрепил политическое положение диктатуры пролетариата. Все более или менее крупные антисоветские политические организации и группировки были почти полностью ликвидированы. Происходил некоторый сдвиг среди интеллигенции. В марте в центральной печати группа видных ученых, инженеров, финансовых работников и т. п. опубликовала «декларацию», в которой требовала от Антанты прекратить вмешательство в наши внутренние дела и поддержку контрреволюции, а также скорее возобновить отношения с Россией и оказать содействие в восстановлении страны.

Разгром Деникина и Колчака связал промышленные центры советских республик с питающими их окраинами. Можно было рассчитывать на новые хлебные ресурсы, на уголь, нефть, хлопок и другие виды сырья. Во всем этом страна чрезвычайно нуждалась.

Блокада Антанты привела к полнейшей и фактической изоляции советских республик. В 1919 г. было ввезено всего около 8 000 *т* различных грузов, в 1920 г. — 85 000 *т* [1]. «Разрыв хозяйственной территории», колоссальные разрушения, истощение сырьевых, топливных и продовольственных ресуров промышленных центров «совершенно искалечили хозяйственный организм».

Валовая продукция всей промышленности в 1920 г. по стоимости в отношении к 1913 г. составляла лишь 18%, а мелкой — 43%. Произ-

[1] Крицман, Героический период великой русской революции, изд. 2-е, 51 стр. Из этого же источника в основном взяты и другие сведения о хозяйственном положении Советской России.

риалистическая Франция, занимавшая, наперекор «либеральной» и двурушнической политике Ллойд-Джорджа, в отношении Советов неприкрыто агрессивную позицию.

Таким образом роль Польши как палача революции и жандарма Европы становилась особенно актуальной в силу поражения внутренней контрреволюции в России, интервенции Антанты, «похода 14 государств», прорыва Советской Россией блокады, бурного подъема революционно-пролетарского движения. Нужно было еще раз, и именно теперь, при столь чудовищном истощении страны Советов попытаться задушить ее или отбросить возможно глубже на восток.

На военную авантюру Польшу толкало и ее внутреннее состояние. Коминтерн в воззвании к рабочим всех стран «О польском вопросе» (17,II — 20 г.) писал:

«Оказавшиеся у власти польские господствующие классы бросились в объятия держав-победительниц, надеясь на то, что они не только помогут подавить революционное движение в Польше и отдадут полякам в полное владение литовцев, белоруссов и украинцев, но будут способствовать также воссозданию польского капитализма.

Между тем союзники, заботясь об усилении военной мощи Польши, не проявили ни малейшего интереса к вопросу о возрождении польской промышленности. Ни машин, ни сырья, ни хлеба они полякам не дали... Поезда, шедшие из Парижа через Кобленц в Варшаву, доставляли лишь военные грузы для истребления человека человеком. Экономическое положение Польши поэтому с каждым днем становится все безвыходнее. Широкие массы населения голодают, а спекулянты и продажные чиновники справляют бесшабашный «пир во время чумы». Волна народного негодования ширится с каждым днем.

Мечты о том, что Польша как страна без государственного долга благодаря поддержке союзников получит большой кредит за границей, рассыпались в прах. Польская валюта стоит ниже, чем валюта разгромленной Германии. За все получаемые от союзников товары полякам приходится платить мародерские цены: французские, американские и английские спекулянты беспрепятственно вывозят из разоренной Польши последние остатки ее богатства.

Все это вызывает недоверие, раздражение и ненависть к союзникам не только в народных массах, но даже среди части буржуазии и польского офицерства: столкновения между польскими и союзными офицерами стали обычным явлением.

В польском сейме большинство принадлежит политически безграмотным кулакам-крестьянам. Во главе правительства сначала стоял известный музыкант, теперь его сменил провинциальный аптекарь. Один из самых влиятельных людей, романтик польского национализма, Иосиф Пилсудский, это — человек, который из ненависти к царизму стал революционером, затем из ненависти к рабочей революции стал во время войны реакционным генералом. Теперь, входя в состав правительства, расстреливающего рабочих, он вместе с тем принадлежит к Польской социалистической партии, устами Дашинского заявляющей в сейме, что гнет польской реакции тяжелее ложится на плечи народных масс, чем гнет царского самодержавия».

О внутреннем состоянии Польши Ленин также говорил, что Польша «накануне кризиса», что «внутреннее положение ее настолько тяжелое, что именно из очевидной опасности классового положения, только чувствуя свою гибель, они могут пойти на авантюру» [1].

По данным т. Валецкого [2] госдоходы Польши за 1919/20 г. составляли 7 млрд. польских марок, а расходы — 75 млрд. Колоссальный де-

[1] Ленин, т. XX, ч. 2, стр. 373.
[2] «Ежегодник К. И.», 1923 г.

фицит покрывался в основном безудержной эмиссией (за время с 1918 г. по 1923 г. эмиссия «почти вдвое превзошла все бюджетные доходы») [1], и в некоторой части заграничными займами, которые тратились исключительно на нужды милитаризма. В 1919 г. Польша получила займов на 161,9 млн., а в 1920 г. — 84,4 млн. долларов. В целях привлечения иностранного капитала Польша шла при кабальных условиях на создание банков даже за границей, и в 1920 г. во Франции был организован «Франко-польский банк» с основным капиталом в 10 млн. долларов [2].

Эмиссия привела к стремительному падению марки. Польская марка обгоняла немецкую и состязалась с рублем: 1 января 1919 г. доллар стоил 9,8 польских марок, а 1 января 1920 г. — 141,9 [3]. Необычайно дорожала жизнь: по данным «Robotnik» на 29/I-1920 г. в сравнении с 1-VI-1914 г. цена на мясо поднялась на 5 040%, на хлеб — 6 400%, на картофель — 7 233%, на обувь — 5 900%, на одежду — 3 290%, а в среднем — на 5 185% [4]. На свой заработок рабочий Варшавских железнодорожных мастерских мог купить в январе 1920 г. — около 117 *кг* хлеба, в феврале — 69,3 в марте — 153, в апреле — 139, в мае — 115 и в июне — 98 *кг* [5]. «Berliner Tageblatt» 25 июля писал, что в Варшаве в течение 3 месяцев жизнь вздорожала втрое.

По свидетельству «Matin» «недостаток угля и вздорожание жизни превосходят все, что можно себе представить». «Humanité» писала: «В стране нет ни фабрикатов, ни сырья, ни средств, ни транспорта». [6]

Посевная площадь в сравнении с довоенным временем основательно сократилась и представляла следующую картину (данные т. Валецкого):

	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
		(в млн. *га*)			
1911 — 1913 гг.	1 343 678	5 000 439	1 245 733	2 633 296	2 359 444
1920 г.	724 632	2 928 181	786 638	1 666 714	1 643 657

Железнодорожный транспорт находился также в достаточно тяжелом состоянии; в 1919 г. насчитывалось 49% больных паровозов, в 1920 г. — 42%. Улучшение происходило крайне медленно и в незначительных размерах.

В производстве основных отраслей промышленности (угольная, металлическая, нефтяная, сахарная и др.), хотя и был некоторый прогресс в сравнении с 1919 г., но положение оставалось явно неудовлетворительным и тяжелым.

---

[1] Троицкий. Польша.
[2] Бюллетень НКИД № 25, 1920 г.
[3] Троицкий, «Польша».
[4] «Политработник», № 4, 1920 г.
[5] Крушевский и Эдзярский.
[6] «Политработник» № 4, 1920 г.

Безработица достигала колоссальных размеров (в январе 1920 г.— 227 297 человек) и в текстильной промышленности охватывала 70 с лишним процентов общего количества рабочих.

Всю тяжесть государственных расходов и дороговизны правительство перекладывало, конечно, на плечи трудящихся. Капиталистам, финансовым воротилам и спекулянтам наоборот оно шло широко навстречу.

Ничего не предпринималось и в осуществлении аграрной реформы. Только вступление Красной армии в пределы Польши заставило Пилсудского вспомнить о земле (но именно — «вспомнить» и вновь пообещать крестьянству землю).

Тяжелое состояние народного хозяйства и реакционная политика правительства не могли не вызвать усиленного роста революционных настроений и развития революционного движения.

Забастовочное движение не утихало, неоднократно переходя на высшую ступень, во всеобщую забастовку под политическими лозунгами. В 1919 г. была всеобщая забастовка железнодорожников и широкая политическая забастовка протеста против учреждения Сената. В 1920 и 1921 гг. в среднем (по официальной статистике) ежемесячно бастовало по 57 000 человек. Революционные элементы и коммунисты завоевывали все более широкие слои польских рабочих.

Не спокойно было и в деревне. Крестьянство и батрачество волновалось, требовало скорейшего разрешения земельного вопроса. Положение усугублялось сложнейшим переплетом национальных взаимоотношений. Шовинистическая и колонизаторская политика в отношении литовцев, украинцев, белоруссов, немцев и евреев вызывала резкий отпор, доходивший сплошь и рядом до открытых выступлений. Особенно неблагополучно было в захваченных местностях бывшей Белорусско-литовской советской республики. Крестьянство бывшей Минской и Гродненской (восточная часть) губерний вело непрерывную партизанскую войну с оккупантами. Несмотря на проведение жесточайшей карательной политики [1] полякам не удалось справиться с повстанцами вплоть до соединения их с наступавшими красноармейскими частями.

В отношении рабочих польские капиталисты действовали испытанным методом жесточайших и массовых преследований и террора. Партийные комитеты компартии нескольких составов полностью были посажены в тюрьмы. Польские темницы насчитывали в 1920 г. до 7 000 коммунистических узников. Широчайшие массы, революционизируясь под влиянием внутреннего положения Польши, являлись в то же время горячими сторонниками мира и противниками войны с Советской Россией. Этот процесс революционизирования трудящихся масс, их крайнее нежелание служить палачам советской революции влиял и на позиции всех мелкобуржуазных и «социалистических» партий Польши и в частности на ППС.

---

[1] В целях разгрома повстанцев Гродненского района за голову вождя повстанцев — Минчука была назначена плата в 20 000 марок. Бюллетень НКИД № 14.

В этот период ППС играла в жизни Польши важнейшую роль. Ленин давал такую характеристику ППС:

«... войну ведут польские авантюристы, эсеры, партия польских социалистов, люди, среди которых мы всего больше наблюдаем то, что наблюдаем у эсеров, а именно: революционных фраз, хвастовства, патриотизма, шовинизма, буфонады и пустышки самой последней». [1]

Из рядов ППС вышел «сам» маршал Пилсудский. ППС, служившая в империалистическую войну у Габсбурга, теперь, как никакая другая партия, развивала искусную демагогию, якобы трудясь над созданием «независимой» демократической Польши.

Стоя на «фундаменте польского народа и государства», ППС в начале 1920 г. все же не участвовала в правительстве и занимала на словах самую революционную позицию. На конференции профсоюзных деятелей в феврале 1920 г. лидер ППС — Дашинский, выступая против предложения коммунистов о всеобщей стачке с мотивами «слева», намекал на возможность применения не стачки, а революции [2]. В мае XVIII съезд партии высказался против участия в капиталистическом правительстве, так как «ППС стоит на платформе принципиальной социалистической оппозиции по отношению ко всякому буржуазному правительству». Но вожди «сманеврировали», и уже 12 июня 1920 г. ЦИК партии решил вступить в переговоры об участии в правительстве. И ППС вступила в капиталистическое правительство, придав ему «народную», «социалистическую», «рабоче-крестьянскую» оболочку. Кстати, в период этого «социалистического» правительства в Польше свирепствовала самая жесточайшая и невиданная до сих пор реакция. (Разгром союза рабочих потребительских обществ, погромы евреев, предварительная цензура, особо жестокий террор против коммунистов и т. п.)

Под влиянием масс ППС проводила кампанию борьбы за мир. 29 октября 1919 г. ЦИК партии выпустил воззвание «Против войны», разоблачая достаточно «революционным» языком контрреволюционные цели польских капиталистов на востоке и реакционные последствия войны для самой Польши. В феврале 1920 г. руководимая ППС центральная комиссия профсоюзов выступила с самой «революционной» платформой по вопросу о войне и задачах польского пролетариата. Однако весь этот «революционный» туман скоро исчез, и наступило «4 августа» ППС. От всеобщей забастовки в борьбе за мир отказались, вместо нее стали оправдывать договор с Петлюрой и поход на Киев. И уже после первых неудач ППС решила спасать капиталистическую Польшу вступлением в правительство, так как «задача сводится к тому, чтобы немедленно использовать доверие живых людей, прежде всего доверие сыновей рабочих и крестьян, которые нам еще доверяют» (Дашинский 30/VI).

Забегая вперед, необходимо констатировать, что ППС «с честью» выполнила патриотический долг, не гнушаясь никакими средствами. Пускались в ход самая низкая шовинистическая агитация против

---

[1] Ленин. Собр. соч. т. XVII, стр. 223.

[2] Ланцуцкий «ППС». Большинство последующих сведений о ППС также взято из этой работы.

«москалей», подлейший антисемитизм против большевиков и временного польского ревкома, отравленная ложью клевета на советские республики, вроде легенды о засильи у большевиков военной партии и царских генералов. В грозные для капиталистической Польши дни, когда победоносные красные войска форсировали Буг, Нарев и подходили к Висле, когда международный пролетариат особенно активно помогал Советам, ППС извивалась ужом перед европейским общественным мнением и социалистическими партиями, спасая белую Польшу. Была послана делегация «по заграницам». ППС декларировала [1], что: 1) Польша борется главным образом за свою независимость, 2) ни один польский солдат не вступал на собственно русскую территорию, а Пилсудский олицетворяет польскую независимость, опирающуюся на независимость пограничных с ней стран, 3) наступление большевиков не случайно совпало с выступлением Каппа-Лютвица в Германии, 4) ППС за мир еще с 1919 г., но она не может парализовать действия польской армии и разоружить ее перед лицом красных войск, ибо советское правительство, передав командование старым генералам, не хочет мира [2].

В конце августа 1920 г. ППС отправила письмо Рабочей партии Англии, в котором писала:

1. «ППС всегда боролась с попытками превратить Польшу в орудие... Антанты и всегда противилась союзу с контрреволюционной Россией (!!!). Виновники войны — польская буржуазия и военная партия среди большевиков. Мы же и сторонники мира среди большевиков были в меньшинстве и потому не могли одержать победы (!!!).

2. Сочувствуя независимости Украины, не берем на себя ответственности за наступление на Киев, но не изменяем и своей позиции по отношению к большевистскому наступлению на Варшаву».

3. Условия мира:

а) Полная независимость Польши и невмешательство в ее дела со стороны России и наоборот.

б) Определение границ Польши с Литвой, Белоруссией, Украиной и Россией по принципу самоопределения народов. Лучше всего — через плебисцит. Прав России на В. Галицию не признают. Речь может итти о разделе ее между Польшей и свободной Украиной.

в) «Против одностороннего разоружения Польши. Признаем возможным лишь всеобщее разоружение».

4. «Будущее правительство Польши, ЦИК верит, будет рабоче-крестьянским. Но для него срок еще не пришел (!!!). Один Дашинский не может справиться со всеми задачами» [3].

На это насквозь лицемерное двурушничество ППС толкал объективный ход развития международной революции.

«Robotnik» еще 14/V — 20 г. писала:

«Несомненно, что во всех странах Европы социалисты ведут кампанию в пользу Советской России... Польская политика не может ныне смотреть только на Мильерана, Ллойд-Джорджа и Нитти; она должна считаться с возможностью наступле-

[1] Бюллетень НКИД № 25, 1920 г.
[2] Там же, № 36, 1920 г.
[3] Там же.

ния коренных перемен в правительстве и политике этих государств. Пролетариат Запада враждебно настроен по отношению к Польше... хотя он не отдает себе отчета о действительном положении у нас и на Востоке, но... может сильно повлиять на исход борьбы» [1].

Наши неудачи под Варшавой вновь подняли настроение вождей ППС. В период контрнаступления они занимали подлейшую позицию. Дашинский 29 августа на предложение остановить польскую армию на этнографической границе заявил, что «в настоящее время самую большую услугу миру может принести польский милитаризм». А Рижский мир лидер ППС г. Перль квалифицировал: «торжеством и заслугой польской демократии» и «пролетарской идеологии», выражая вместе с тем сожаление, что Польша не захватила Минска.

Таким образом ППС была важнейшей и основной партией белой Польши в нападении на советские республики. Ее гнуснейшая позиция заслуживает особо пристального и тщательного внимания. Ее словесные революционность и борьба за мир были вынуждены нажимом широчайших слоев трудящихся масс Польши. На конгрессе партии 92 делегата голосовали за присоединение к Коминтерну. Ряд профсоюзов шел на открыто революционные акты. Многие искренние социалисты и революционеры откололись от социал-предателей, а рядовые партийцы в советизированной Польше примыкали к ревкомам и большевикам (Белосток, Седлец и др). Однако, несмотря на глубокие внутренние разногласия, отколы и чудовищную низость социал-шовинистического падения, ППС оставалась массовой и политически влиятельной партией. История позволила ей с успехом сыграть на национальных предрассудках, сохранившихся со времени царистского угнетения польского народа.

Другая крупнейшая партия капиталистической Польши — эндеки (Народовая демократия), партия крупных аграриев, торговых и промышленных кругов, «соответствующая нашим кадетам и октябристам» (Ленин), стояла в оппозиции правительству Пилсудского и была против войны с Советской Россией. В прошлом «Народовая демократия» играла крупную роль в бывшей «русской Польше», проводя по отношению к царизму «политику соглашения», «программу органического труда». После разгона II Государственной думы вожди народовой демократии орудовали в полнейшем единении с царистской реакцией и поддерживали проект Столыпина о «самоуправлении» Польши. В империалистической войне они целиком и полностью ориентировались на «оборону» царской России. Ни о какой независимости Польши всерьез конечно, не думали, ибо польский капитализм срастался с российской экономикой, находил достаточную защиту и поддержку под крыльями романовского орла. Так же хорошо защищались царизмом и польские помещики. В первые месяцы и годы создания «независимой» Польши народовая демократия не имела значительного влияния в широких массах польского народа. Только после военных авантюр Пилсудского народовая демократия стала заметно усиливать свое фактическое участие в государственных делах. Она решительно выступала против Пилсудского, противопоставляла ему ген. Галлера и не признавала

[1] Бюллетень НКИД № 20, 1920 г.

за Пилсудским военных заслуг, относя военные успехи Польши на счет главы французской военной миссии — ген. Вейгана. Политика Пилсудского квалифицировалась как «авантюризм», как «политика литературных настроений». Не теряя здравого рассудка, подобно романтику Пилсудскому, эндеки не верили в успешный исход войны с Советской Россией, стояли за «нормальное сожительство» с ней, ориентировались крепко на Францию и занимали явную антигерманскую позицию, что не помешало им, однако, быть «честными патриотами» и обратиться за военной помощью против Советов к влиятельным монархическим кругам Германии.

Во внутренней политике эндеки занимали реакционнейшую позицию. Ярко выраженное полонизаторство в отношении других национальностей в противовес словесному федерализму Пилсудского и ППС было ее знаменем.

В период наступления Красной армии эндеки, во главе с Дмовским, перебравшись в Познань, готовили оттуда поход против Пилсудского и ППС. Поддерживая формирования ген. Галлера, они предназначали их для разгрома рабочей Варшавы, в которой ожидали революционного переворота.

«Газета Поранна» в мае разоблачила лицемерие «мирной» политики ППС:

«Ложью и обманом являются мирные лозунги... в устах социалистов. Добиваясь якобы немедленного заключения мира с Советской Россией, ППС в то же время толкает польское правительство на украинскую авантюру, которая грозит обратиться в бесконечную войну за наши восточные границы».

Дискредитируя ППС во время войны, эндеки не останавливались ни перед какими приемами. Обе партии обвиняли друг друга даже в подготовке покушений на своих лидеров.

Другие — реакционные польские политические партии — клерикально-буржуазные, мелкобуржуазные и др. также занимали шовинистическую позицию, искусно поддерживая и эксплоатируя вместе с тем «мирные» иллюзии и настроения широких кругов Польши, особенно крестьянства. Польское крестьянство шло на войну только под влиянием лицемерной и дошедшей до колоссальных размеров социал-шовинистической демагогии пепеэсовцев, ксендзов, людовцев и пр. В последние месяцы войны крестьянские стремления к миру, как и стремление всех трудящихся Польши, сказались с особенной силой. На смену ППС и НД выплыли людовцы, наживавшие капитал именно на лозунге мира. ППС удалось удержаться и скрепить несколько свои ряды тоже только благодаря демагогическому лозунгу «обороны и мира».

Различные буржуазные партии национальных меньшинств, занимая явно или половинчато антисоветские позиции, вместе с тем не поддерживали авантюру Пилсудского. Националистические организации белоруссов — так называемые «Белорусские национальные комитеты», в Минске, Вильне и Гродно энергично протестовали против обещания польского правительства предоставить самоуправление Белоруссии при условии ее вхождения в состав Польши и отказа от независимости. Эти комитеты требовали полной независимости для Белорусской республики.

Не мирились с польской оккупацией и мелкобуржуазные галицийские националистические группировки.

Вместе с тем Пилсудскому уже в 1920 г. удалось создать свою агентуру и в Белоруссии (белорусское правительство Ластовского) и в Восточной Галиции (Национальная рада Левицкого).

Представители трудящихся Белоруссии и Украины — коммунисты шли в одну ногу с польскими большевиками. Коммунистическая партия образовалась в 1918 г. из слившихся «С-ДПиЛ» [1] и «Левицы ППС». В 1920 г. к ней примкнул ряд групп, отколовшихся от ППС, Бунда и других партий. С 1919 г. КПП работала в нелегальных условиях и подвергалась жесточайшим преследованиям. Несмотря на все преследования КПП расширяла и укрепляла свое влияние на широкие массы трудящихся, постепенно завоевывая кадры городских рабочих Польши в основных промышленных центрах страны (Домбровский угольный бассейн, Варшава, Лодзь, Люблин), сельскохозяйственных рабочих и известную часть беднейшего крестьянства. Рост революционных настроений в самой ППС, о чем уже говорилось, революционизирование широких профсоюзных масс, рост самой коммунистической партии — все эти явления свидетельствовали об укреплении базы коммунизма в Польше.

Однако 1920 г. застал польских коммунистов далеко не подготовленными к решению тех ответственнейших политических и практических государственных задач, которые встали перед ними. Партия не имела ни аграрной, ни промышленной программы и вообще не была готова к большой революционной работе. В национальном вопросе КПП продолжала стоять на ошибочной платформе, повторяя в новых условиях ошибку Розы Люксембург. В свое время социал-демократия Польши, отрицая лозунг «самоопределения наций» для Польши, отвергала лозунг «независимости Польши», так как считала, что тенденцией капиталистического развития Польша все больше и больше сливалась с Россией в единый хозяйственный организм. Польский пролетариат, по мнению Розы Люксембург и других польских социал-демократов, в противовес «реакционному и утопическому лозунгу независимости, все более противоречащему тенденциям... прогрессивного развития капитализма», в противовес «утопическим идеям мелкой буржуазии» должен был принимать все более активное участие «в общей борьбе польского и русского пролетариата за свержение царизма и социалистическую революцию» [2].

И в 1919/1920 г. КПП продолжала отрицать независимость Польши, совершенно не учитывая особенностей обстановки и своих прежних ошибок. Ошибка в национально-государственном вопросе была исправлена только после неудач 1920 г., на II Партсъезде в 1923 г. Ошибка эта упиралась в другое принципиально политическое заблуждение — отрицание переходного периода между капитализмом и социализмом и в свою очередь увязывалась с крупнейшим промахом в аграрной политике партии (отказ от национализации земли и передачи поме-

[1] С-ДП и Л означает социал-демократия Польши и Литвы.

[2] Варский, Социал-демократия Польши и Литвы и II Съезд РСДРП. «К. И.» № 16 — 17, 1929 г.

щичьих имений крестьянству) и в других важнейших вопросах. Покойный т. Дзержинский писал в ноябре 1925 г.

«Нашей (бывш. С-ДП и Л.) ошибкой было отрицание независимости Польши, в чем всегда упрекал нас Ленин. Мы полагали, что между капитализмом и социализмом не будет переходного периода, а следовательно, что независимые государства не нужны, так как при социализме ведь вообще не будет государства. Мы не понимали, что между капитализмом и социализмом будет достаточно долгий переходный период, в течение которого при диктатуре пролетариата все же будут еще классы и рабочее государство будет существовать, опираясь на союз с крестьянством. Это период, во время которого в течение продолжительного времени будут еще одновременно существовать различные хозяйственные формы — крупного государственного производства и мелкого частного сельского хозяйства и мелкого производства. Отрицая независимость вообще, мы не понимали этого и проиграли борьбу за независимую Советскую Польшу.[1]

В ответ на обвинения советских республик в подготовке нападения на Польшу группа видных польских коммунистов выступила на заседании сессии ВЦИК 18 февраля 1920 г. с декларацией, в которой, во-первых, высказалась против нападения Польши на советские республики и объявила о своей солидарности с политикой последних; во-вторых, констатировала угнетение пролетариата и крестьянства в Польше и заявила, что сбросить капиталистический режим — дело КПП, и в-третьих, констатировала, что свержение капитализма в Польше не может быть выполнено силами чужой армии. Вторжение такой армии дало бы лишь козырь в руки польской буржуазии. Поэтому отвергала мысль о завоевании Польши Советской Россией.[2]

Последний пункт декларации заслуживает специального внимания, так как в нем отразилось непонимание частью польских коммунистов революционной роли Красной армии и революционно-оборонительного характера войны со стороны Советской России. Часть членов КПП основательно «стушевалась» и растерялась, когда красные части перешли границы этнографической Польши.

В отличие от этой «стушевавшейся» части членов партии руководство КПП во время войны объявило о своей полной солидарности с Советской Россией, признавало Красную армию своей армией и призывало польских трудящихся на поддержку красноармейских частей.

Таким было положение дел внутри Польши перед кампанией 1920 г.

«Русская» политика капиталистической Польши к этому времени имела уже известные традиции. В течение почти полутора лет польское правительство систематически отказывалось заключить мир прикрывая иногда военные действия и нежелание заключить мир, согласием вести мирные переговоры и даже посылкой представителей. Отказывая в заключении мира, белая Польша вместе с тем никогда не прекращала военных действий против советских республик. Осенью 1919 г., когда положение Советской России было особенно тяжелым, белополяки, хотя и не двинули всех своих сил против нас и не пошли в союзе с Деникиным, но вместе с тем не прекращали войны и достигли наивысших военных успехов. РСФСР предлагала тогда мир на самых выгодных для них условиях. Но по приказу Антанты предложение

---

[1] Варский, С-ДП и Л и съезд РСДРП. «К.И.» № 16 — 17, 1929 г.
[2] «Известия ВЦИК» 19/II — 1920 г.

Москвы было оставлено без ответа. Впоследствии вожди ППС очень сожалели, что не воспользовались критическим военным положением Советов и не заключили мира на максимально выгодных условиях («Napszod» 30/VI — 20 г.). В военноавантюристских традициях «русской» политики Польши вообще весьма основательно виновата Антанта. Представитель Антанты в Лиге наций — Роберт Сесиль 30 мая 1920 г. писал Керзону — тогдашнему министру иностранных дел Англии, что в течение многих месяцев Польша открыто готовилась к нападению на Россию, хотя советское правительство неоднократно выступало с искренним предложением мира, что Польша восстановила против себя Эстонию, Латвию и Литву и представляет угрозу Версальскому миру, между тем как Лига наций не использовала всех возможностей воздействия на Польшу (ст. 11 и 17). Керзон — небезызвестный «доброжелатель» СССР, конечно, оправдывал Польшу и, обвиняя большевиков, заявлял о предоставлении полякам свободы действий. [1] В действительности «свобода действий» являлась только маневром английской политики. В 1920 г. после неудачного Черчиллевского «похода 14 государств», под влиянием экономических потребностей и под могучим нажимом английского пролетариата в среде великобританских империалистов в отношении Москвы на время победило «мирное» течение. Возглавлявший это течение Ллойд-Джордж не рекомендовал Польше осуществлять военную авантюру, за что и прослыл у польских социал-шовинистов «за друга Ленина». В известной степени «новая» политика Англии находила поддержку в Италии и в САСШ. Однако ей резко противостояла Франция, усиленно помогавшая Польше и особенно рьяно толкавшая ее на военную авантюру. Правда, своих солдат Франция не дала Польше, но она предоставила ей запасы военной амуниции, средств вооружения и солидные офицерские и инструкторские кадры (732 офицера и 2 120 солдат) во главе с ген. Вейганом. Франция влияла на Малую Антанту, Венгрию и Бельгию, мобилизуя их возможности на помощь Польше. Англо-французские разногласия в советско-польской проблеме развивались в зависимости от хода событий. Впрочем в исключительно тяжелые для Польши дни эти разногласия сглаживались: Англия выступила с известным ультиматумом по нашему адресу, ибо победы Красной армии начинали колебать все версальские устои.

Основными и действительными требованиями Польши в «русском» вопросе были: границы 1772 г., «возмещение убытков» империалистической войны, «освобождение» Украины и других окраинных национальностей. Требования эти были насквозь империалистическими. «Границы 1772 г.» охватывали у нас бывшие Витебскую, Смоленскую, Гомельскую, Могилевскую губернии и всю правобережную Украину, т. е. местности в подавляющем большинстве населенные русским, белорусским и украинским населением и захваченные польской шляхтой в грабительских войнах до 1772 г. Эта аннексионистическая программа обслуживала интересы польских помещиков, владевших в этих районах до революции $^3/_4$ всех крупных поместий и многими предприя-

[1] Бюллетень НКИД № 18, 1920 г.

тиями (сахарными заводами, винокуренными и др.). Эта программа была направлена непосредственно против основного завоевания Октябрьской революции и против крестьянских масс.

«Возмещение убытков», понесенных Польшей в империалистической войне, должно быть адресовано к самим польским капиталистам, поддерживавшим в свое время Романова, Гогенцоллерна и Габсбурга. Истощенная в войнах и разрухе рабоче-крестьянская Россия не могла и не хотела резать свое тело на нужды польских капиталистов и их социал-лакеев.

«Освобождение Украины» укладывалось в схему границ 1772 г. и представляло неприкрытую попытку аннексировать и разграбить Советскую Украину, претворить в ней политику «освобождения» в аннексированных уже Восточной Галиции, Белоруссии и Литве.

Границы 1772 г., «освобождение» Украины, возмещение убытков, вся эта программа польского империализма «обосновывалась» ППС и Пилсудским историческими и даже «марксистскими» положениями и причесывалась «революционной» расческой. Польша, оказывается, выполняла «исторически-революционную миссию», боролась за попранный русским деспотизмом демократизм и цивилизацию, за дело, признанное правым самим Марксом, за идеалы Косцюшки, Домбровского, Мерославского, Гриневецкого, за дело польских повстанцев 1830 и 1863 годов. В действительности же революционные идеалы превратились в «революционно-романтическое» покрывало, которое прятало аггрессивно-реакционную роль современной Польши, занявшей пост жандарма восточной Европы, вместо разбитого российского колосса.

Так называемый польский вопрос, уходя историческими корнями далеко в прошлое и пользуясь в эпоху буржуазно-демократических революций, когда он являлся важнейшим революционным фактором, неослабным вниманием и поддержкой революционно-социалистического авангарда, приобрел в эпоху империализма и социалистической революции, после победоносного Октября совершенно иной характер, наполнился иным содержанием и стал играть иную роль. Вооруженная с ног до головы капиталистическая Польша, поставленная Версальским миром в качестве барьера между советской революцией и европейским пролетариатом, в качестве военного оплота империалистической Антанты на востоке Европы, из предмета внимания и заботливости международного пролетариата превратилась в объект его горячей ненависти. Поэтому не только Коминтерн, но даже почти все основные партии II Интернационала не могли открыто признать своей русскую политику Польши и ППС, несмотря на ее «революционно-романтический» костюм.

★

Польша прервала мирную переписку из-за разногласия по вопросу о выборе пункта для переговоров и мотивировала начало войны несколькими лживыми и частными мотивами. Советская Россия обвинялась в оттяжке переговоров, в скрытой концентрации и подготовке

сил для удара на Польшу. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Самоопределение народов вплоть до отделения было руководящим принципом политики РКП(б) по отношению ко всем нациям, угнетавшимся ранее царизмом. Независимость Польши была признана и отстаивалась представителями РСФСР еще во время брестских переговоров. Впоследствии, начиная с 1919 г., советское правительство неоднократно предлагало Польше мир, идя на большие территориальные и иные уступки. Эта же неуклонная политика мира продолжалась и в 1920 г. Не считаясь с «обычными» дипломатическими нормами, ВЦИК и СНК предлагали заключить мир на более благоприятных для Польши условиях, чем Антанта. Не будучи побежденной, Советская Россия предлагала вести переговоры в Варшаве, в Париже, Лондоне или другом любом пункте, кроме Борисова, ибо Борисов связывал нас в единственно выгодном для нас оперативном направлении, тогда как польские войска обладали полной свободой выбора удара в ряде опаснейших для нас направлений.

Признание независимости при всех условиях, миролюбивая политика с крупными уступками территориального и иного порядков — таковы основные линии советского разрешения польского вопроса. Но Пилсудский счел уступчивость Советов за их слабость, искреннее стремление к миру — за обычное буржуазное дипломатическое лицемерие и бросился в украинскую авантюру.

Советские республики принуждены были обороняться. Война с Пилсудским была защитой Октябрьских завоеваний. Вместе с тем она являлась и войной за победу международной революции, так как белая Польша, поддерживаемая Антантой, пыталась расширить барьер между Советской революцией и поднимавшимся пролетариатом Европы и в первую очередь — пролетариатом Германии. Не ставя себе завоевательных целей, не собираясь насиловать волю польского пролетариата и крестьянства, самостоятельно шедших навстречу социалистической революции, не отказываясь от возможности прервать войну в самом начале, если поляки вновь предложат мирные переговоры, РКП вместе с тем отчетливо осознавала международное значение войны, ясно видела связь Пилсудского с империалистической Антантой и возможные международные осложнения в процессе войны.

Нападение Пилсудского вызвало в РСФСР и в УССР подъем сочувствия среди самых разнообразных элементов. Общеизвестно выступление Брусилова, Клембовского и ряда других генералов и офицеров бывшей российской армии, предложивших свои услуги советской власти. Партия эсеров декларировала, что белополяки не встретят поддержки демократии, клеймила Савинкова и Бурцева именем «предателей России». С подобного рода статьями и заявлениями выступили и некоторые другие слои интеллигенции. Мелкобуржуазный патриотизм охватил в известной степени и крестьянское население, часто превращаясь в чистейшей марки великодержавный шовинизм, с которым РКП и советской власти приходилось вести и идейную и административно-политическую борьбу. Отношение нашей партии к этому мелкобуржуазному патриотизму породило в тогдашней советско-пар-

тийной печати споры. Вместе с тем шли споры и о характере войны. [1]

Некоторые товарищи уклонялись от правильной партийной линии и выступали сторонниками использования против белой Польши и националистско-патриотического подъема буржуазных и мелкобуржуазных слоев Советской России. Наоборот, ряд других товарищей высказывался полностью или частично против использования буржуазного патриотизма. Некоторые товарищи отвергали национально-оборонительные мотивы в анализе характера войны. Спор о характере войны шел и по другим линиям. Так, Мясников в центральном органе коммунистической партии Белоруссии и Литвы и РВС Западного фронта «Звезде» от 9 июня в статье «О характере польской войны» писал:

«Мы продолжаем и теперь вести гражданскую войну. *Эпоха национальных войн прошла*; теперь и впредь происходят и *могут быть только гражданские войны — между богачами и бедняками*. Пан, т. е. живущий в Польше богач, напал на живущего в России бедняка. Бедняк, бей этого богача, как ты бил богачей Рябушинских и Крестовниковых и их генералов».

Тов. Данишевский считал, что:

«По существу польско-русская война есть *типичная классовая война, или вернее — крестьянская война эпохи пролетарской революции*, когда во главе восставшего против помещиков крестьянства стоит рабочий класс.[2]

Мясников и Данишевский допускали ряд грубых ошибок. Так, Мясников опускал из виду значение и роль национально-освободительных движений и войн в эпоху империализма. Между тем в войне с белополяками национально-освободительные моменты как раз имели место: белорусское и украинское трудящееся население боролось вместе с Красной армией за свою национальную независимость. Данишевский не учитывал международного социалистически-революционного значения войны. Наконец оба они не учитывали такой важной конкретно-исторической особенности войны с белополяками, как прежнее угнетенное положение польского народа в бывшей Российской империи и наличие национальных предрассудков, оставшихся в качестве наследия проклятого прошлого, глубоко засевших в довольно широких слоях польского народа и умело эксплоатировавшихся пепеэсовцами, Пилсудским и польскими капиталистами. Не замечали они оба и вообще всей конкретной разницы в исторической обстановке войны с Польшей и гражданской войны с российской контрреволюцией.

Между тем известное различие имелось, и марксистский глаз должен был на нем остановиться. Заключалось оно в том, что, не отличаясь по своей классовой природе от гражданских войн с российской Вандеей, война с белополяками являлась вместе с тем войной с иностранными капиталистами, с чужеземными белогвардейцами. Широким

---

[1] См. например в «Правде» за 1920 г. статьи тт. Сольца, Сокольникова, Осинского и Радека.

[2] Сборник «Революция и война» № 3. Орган РВС Западного фронта.

массам трудящихся советских республик она представлялась поэтому прежде всего войной за национальную независимость, ее классовая сущность затушевывалась.

Разумеется, для марксистов-большевиков национальная оболочка войны не являлась основным ее признаком. Патриотизм пролетарский, большевистский не находил принципиального отличия гражданской войны с российскими белогвардейцами от войны с белополяками. И там и здесь он боролся с одним и тем же классовым врагом — Антантой и ее агентами, и там и здесь он отстаивал и защищал независимость пролетарской диктатуры. Вместе с тем пролетариат — руководитель диктатуры и его авангард — РКП не могли не замечать и не считаться с патриотическими настроениями известных слоев населения Советских республик.

Как руководитель государства, пролетариат должен был мобилизовать на службу революции, на нужды революционнооборонительной классовой войны и мелкобуржуазные элементы, перешедшие на его сторону из буржуазно-патриотических побуждений. Одновременно с этим он должен был беспощадно разоблачать и бороться с шовинистическими настроениями и объяснениями причин и характера войны, ни на одну пядь не отступая со своих пролетарских революционно-классовых позиций.

Опасаясь возможности разжигания и роста шовинизма, некоторые впадали в крайность. Они не понимали необходимости использования различных мелкобуржуазных групп населения Советской России, высказывавшихся за защиту РСФСР против белой Польши из буржуазно-патриотических соображений, видели в этом использовании уступку шовинизму, сползание с классовых принципов.

Таким образом конкретно-историческая обстановка советско-польской войны в 1920 г. была весьма сложной. Тщательное изучение характера войны заставляет нас отметить три основных момента. Война с белой Польшей прежде всего являлась войной оборонительной и революционно-классовой. Пролетариат советских республик был вынужден защищать свою независимость и октябрьские завоевания от нападения помещичье-капиталистической Польши. В тесном союзе с ним шло советское трудящееся крестьянство, получившее от рабочей революции землю и ставшее поэтому на защиту завоеваний революции от нового помещичьего похода, хотя помещик на этот раз был не русским, а поляком.

Вместе с рабочим классом, но по патриотическим, националистическим мотивам, против белой Польши шли также и еще некоторые мелкобуржуазные слои.

Однако рабочий класс, привлекая их к вооруженной защите советских республик, решительно боролся с шовинистическими настроениями, категорически отстаивая свое революционно-классовое объяснение причин и характера войны.

Вместе с советским пролетариатом против белой Польши выступило также украинское, белорусское, литовское и еврейское трудящееся население, находившееся под сильнейшим национальным и классовым гнетом польской буржуазии и помещиков. Поэтому в нашу

революционно-классовую войну влилась струя национально-освободительной борьбы.

Наконец, война с помещичье-капиталистической Польшей, с этим рахитичным плодом империалистической Антанты, неизбежно должна была перерасти и переросла в непосредственную войну с международным империализмом, с Версальским миром, в войну за расширение плацдарма пролетарской революции. В этом ее международное значение.

В 1920 г. многие давали войне лишь однобокую характеристику, не разбираясь исчерпывающе во всей сложности тогдашней обстановки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАМПАНИИ В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ. СООТНОШЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ФРОНТАХ.

★

На II Всероссийском совещании политработников, происходившем вскоре после окончания советско-польской кампании, нач. ПУРа Смилга в докладе об «очередных задачах работы» заявлял:

«Я считаю, что отдавать силы (речь шла о передаче коммунистов и политработников из армии на гражданскую работу. — *П. С.*) мы должны все же с расчетом, чтобы *не могла повториться история прошлой войны, когда польское наступление нас застало неподготовленными...*» [1]

Главком С. С. Каменев в статье «Война с белой Польшей» [2] писал:

«Нет никакого сомнения, что Красная армия ко времени начала польского наступления *не была и не могла быть готовой*».

Какие же обстоятельства создали такое положение?

К весне 1920 г. мы наносили последние и решительные удары контрреволюционным армиям Деникина, Колчака и окончательно очищали от белогвардейских остатков советский Север. В международном положении советских республик наступало заметное улучшение. Мы находились в фактическом состоянии войны только с Польшей. Как уже указывалось выше, поляки систематически отвергали все наши мирные предложения и попытки. Польская опасность не позволяла полностью переключить все внимание и силы на внутренние, трудовые задачи, вставшие к весне 1920 г. грозно и решительно.

Ленин в январе 1920 г. говорил:

«Мы не можем демобилизовать армию, потому что у нас есть враги, как Польша». [3]

То же В. И. заявлял и в начале марта:

«Как бы ни было благоприятно... положение, надо сказать, что опасность, даже внешняя, еще не исчерпана».[4] «Мы должны сохранить и усилить свою военную готовность»

Не забывая о польской опасности и настаивая на сохранении известной военной готовности, Ленин, а за ним и вся партия, однако,

---

[1] Архив ВПАТ. д. 491.
[2] «Военный вестник» № 12, 1922 г.
[3] Ленин, т. XVII, стр. 6 и 47.
[4] Ленин, собр. соч. т. XX, ч. 2, стр. 373.

считал, что «серьезно враг нам угрожать не может» и поэтому достаточно решительно и последовательно брал курс на переход к разрешению задач и неотложнейших нужд трудового, хозяйственного фронта.

С 29 марта по 4 апреля происходил IX Съезд партии, на котором ставка на трудовой фронт получила вполне законченное оформление, несмотря на то, что мирные переговоры с белополяками к тому времени висели на волоске (история с Борисовым) и были, как потом выяснилось, обречены на неудачу.

Открывая съезд, Ленин констатировал: «*самые большие и быстрые победы над противником в гражданской войне*,.. победы над соединенным, всемирным капитализмом и империализмом». «После этих побед, — говорил он, — мы можем *теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства*». [1]

В отчете центрального комитета, оценивая положение, Ленин заявил:

Мы «переживаем, может быть, один из самых крупнейших, резких, незаконченных, переходных моментов от войны к миру». Но вместе с тем «к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью встретить какие бы то ни было неожиданности... *Войну нам могут навязать каждый день*... Мир возможен. Но *наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности*, безусловно не разоружая нашей армии... *Это должно быть основой нашей агитации и пропаганды*».

Сообщая съезду о «приглашении Польши открыть мирные переговоры» (в Борисове), Владимир Ильич предостерегал:

«Надо быть в высшей степени осторожным... сам враг не знает, что он будет делать. Господа представители французской политики, которые больше всего науськивают Польшу, вожди помещичье-буржуазной Польши не знают, что будет дальше, не знают, чего они хотят... Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, нажимают на цензуру, чтобы скрыть правду. А революционное движение там возрастает. Революционный рост в Германии, в его новом фазисе... когда рабочие, после германской корниловщины, создают красные армии, говорит прямо... что рабочие загораются все больше и больше. В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «не поздно ли, не будет ли раньше Советская республика в Польше, чем произойдет учинение государственного акта, мирного или военного». Они не знают, что делать. Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше. Поэтому *мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было*... Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. *Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении... мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна*». [2]

Закрывая съезд, Ленин снова заявлял, что

«наше международное положение никогда не было так превосходно, как в настоящее время», что оно «дало нам *гораздо более длительную и прочную передышку, чем ту, которую мы имели в начале революции*».

---

[1] «Стенографический отчет IX Съезда РКП (б)», Гиз, 1920 г.
[2] Там же, стр. 14 — 15.

Таким образом ленинский анализ состояния советских республик и их международного положения сводился к следующему.

Во-первых международное положение советских республик благоприятнее, чем когда бы то ни было до сих пор. Наступила новая «передышка», «гораздо более длительная и прочная».

Во-вторых внутреннее состояние капиталистической Польши чрезвычайно отчаянное, а ее международная политика несамостоятельна и подвержена авантюризму. Поэтому мы не должны забывать о военной опасности и сохранять боеготовность.

В-третьих мы *крайне* нуждаемся в переходе к мирной хозяйственной работе и должны за нее браться всерьез.

Данным анализом Ленин и обосновал *«главную функцию съезда... решение... задач мирного хозяйственного строительства»*.

«*В постановке...военного дела* в соответствии с неотложными хозяйственными и культурными потребностями страны» съезд наметил *«коренные изменения»*: переход к милиционной системе и к индустриализации армии — созданию «трудовых армий».

Перенесение центра внимания и главных усилий на вопросы хозяйственного строительства заставило также поставить во всю ширь вопрос о перераспределении партийных сил, об изъятии их из армии. В организационной секции съезда т. Л. Б. Каменев заявлял:

«Больше одной четверти, если не треть коммунистов находится в военных частях. Это было правилом вчера и еще сегодня, может быть, *но завтра это будет неправильно. Надо эту одну треть коммунистов* петроградских, иваново-вознесенских, московских, которые сидят сейчас в военных частях, *перераспределить так, чтобы половину, а может быть и больше перевести на фабрики и заводы, в лечебные заведения, больницы, на борьбу с тифом и т. д...*»

В постановлении «Об очередных задачах хозяйственного строительства» съезд обязывал ПУР «все силы направить на поднятие сознательного отношения к вопросам труда и научной организации промышленности».

Приветствуя Красную армию и флот, съезд отмечал победоносное окончание гражданской войны, заслуги Красной армии перед революцией, разъяснял значение перехода на трудовые рельсы, но ни одним словом не оговорился о военной опасности, и в частности об опасности нападения польских авантюристов.

В итоге: крайне тяжелое хозяйственное положение страны заставило IX Съезд опасность новой войны и в связи с этим военные задачи в известной степени отставить на второй план. Поэтому и того напряжения военной готовности, о котором говорил Ленин, фактически у нас весной 1920 г. не получилось. И недаром Ленину на X Съезде в докладе ЦК пришлось заявить:

«На предыдущем партсъезде мы *все свои расчеты строили на... переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то время делали Польше, обеспечат нам мир*».

Ближайшие события показали, что столь решительная ставка IX Съезда на мирное строительство неполностью оправдалась.

Но съезд партии давал директивы правительству и всей стране. Поэтому его генеральная установка на «хозяйственный фронт» и не-

которая недооценка белопольской опасности привели к тому, что вся страна, все общественные организации и Красная армия оказались ориентированными на внутреннехозяйственные задачи и в известной степени «демобилизованными» в отношении продолжавшего еще существовать польского фронта. Дело обстояло именно так, несмотря на те серьезные меры военной предосторожности — сосредоточение сил на Западном фронте со второй половины марта, разработку плана возможной кампании, — которые проводились главным командованием. Сосредоточение вооруженных сил и другие мероприятия отнюдь не сопровождались однако соответственной политической мобилизацией внимания всей страны и даже самой Красной армии.

Большой интерес с точки зрения учета опыта политической подготовки советских республик к готовящемуся польскому нападению представляет работа советско-партийной печати того периода.

Возьмем центральный орган партии «Правду». В январе 1920 г. «Правда» упоминала о белопольской опасности только один раз. 6 января, отмечая взятие Двинска поляками, газета писала: «Было бы легкомыслием считать (захват Двинска — *П. С.*)... пустячком и случайностью. Мы должны быть готовы к планомерному наступлению с польской стороны... Пусть смотрят наши глаза и на Юг и на Запад».

Однако после 6 января, в течение всего месяца, глаза «Правды» на «Запад» больше не смотрели. 13 января публикуются тезисы и лозунги к «неделе фронта», но в них о польской опасности даже не упоминается.

В феврале польская опасность занимает уже больше места, но все же недостаточно. 4-го передовица популяризирует решение ВЦИК обратиться с предложением мира к правительству Польши. Причем передовица заявляла, что:

«Мир будет заключен с Польшей и другими окраинными правительствами, хотят ли этого последние или нет, потому что мы этого хотим... Польша убедится на деле, до драки или после нее, что мы только одни стоим за независимость и признаем ее»...

10 февраля публикуется обращение НКИД «К трудящимся всех стран», в котором разоблачаются гнусные старания империалистических правительств Антанты бросить против нас Польшу и сообщается о нашей готовности заключить мир.

27-го передовица разоблачает оттяжку ответа со стороны Польши на наше мирное предложение, стремление ее капиталистических кругов к границам 1772 г., показывает рост коммунизма среди польского пролетариата, его революционизирование. 28-го — «Правда» вышла с лозунгами:

«Польские империалисты явно хотят сорвать дело мира. Польские империалисты бесстыдно посягают на огромную часть Советских республик. Они снова бряцают оружием. Товарищи, будем сплочены, как сжатый кулак. Пролетарии, будем твердо держать молот и винтовку».

В марте польская опасность находит большее отражение на страницах «Правды», но вместе с тем возможность польского наступления, все же не принималась всерьез. «Правда» занималась главным образом пропагандой нашего миролюбия и нашего стремления заключить

мир. 21 марта помещается польское официальное опровержение о якобы готовящемся большом наступлении на Украину. И как бы в подтверждение правоты этого опровержения «Правда» 28-го печатает передовую — «Новый сдвиг», в которой польское предложение о мирных переговорах в Борисове ставится на одну доску с предложениями Латвии, Финляндии, выступлением Барту, констатируется укрепление нашего положения, «новый сдвиг» в нем в пользу мира и т. п.

Предложение о Борисове, как пункте для переговоров, не было сразу разгадано нашей печатью. Только 29 марта «Правда» и «Известия» были принуждены взглянуть на него иными глазами, вскрывая смысл предложения борисовских переговоров в правильном освещении. Таким образом в течение двух дней читатель получил две различные установки: сначала «Правда» и «Известия» истолковали польское предложение как «новый сдвиг», как этап «на пути к миру», а затем дали оценку этому предложению, как совершенно неприемлемому и не способствующему делу мира.

Вслед за IX Съездом партии в начале апреля происходил съезд профсоюзов. На этом съезде о польской опасности не говорилось уже совершенно: задачи перехода на мирное хозяйственное строительство полностью и целиком поглотили внимание представителей широких масс советского пролетариата.

20 апреля «Правда» забила уже тревогу по поводу польского фронта, подчеркивая, что:

«Надо решительно расстаться с иллюзией, что борьба на Западном фронте — дело маловажное, что отсюда нам не угрожает никакая опасность. Мы должны обратить самое серьезное внимание на этот фронт, усиленно поддерживать его, усилить его снабжение, произвести для этого, если нужно (еще 20 апреля «Правда» не ставила четко вопрос о том, что нужны будут партийные мобилизации для Западного фронта, что война приближается — *П. С.*), еще одну партмобилизацию...»

22-го передовая «На польский фронт» писала:

«Мы снова и снова настаиваем на том, что нужно обратить внимание на польский фронт... Мы должны обезопасить, застраховать себя от возможности наступления польских разбойников. В этом больше всего заинтересованы губернии, которые граничат с польским фронтом. Поэтому парторганизации этих местностей первые должны стряхнуть апатию».

25-го — в день нападения польских легионов на Советскую Украину — передовая «Паны готовятся» предостерегала о приближении нападения белополяков и призывала:

«Отбросить беспечность и готовиться встретить врага. Усиленная агитация среди населения прифронтовой полосы и мобилизация коммунистов на Западный фронт — вот задачи наших парторганов».

28-го «Правда» помещает воззвания и лозунги к первомайскому празднику, но в них нахлынувшая на советские республики новая война не отражается.

Польше и нашим отношениям с ней «Известия» уделяли достаточно внимания и места. Однако вся постановка вопроса о польской опасности в них была неточной.

Передовая от 28 февраля писала: «Затянуть войну и даже ее усилить правящим кругам Польши не удастся». Передовая 29 февраля — «Польский пролетариат не позволит позорить будущее страны из-за помещичьих интересов». 2 марта— «Мы спокойно взираем на потуги польской буржуазии и стоящих за ней французских империалистов... Эта политика окружения неизбежно провалится». 2 апреля, передовая «Ленин победил» заявляла: «Польша, оставшись одинокой, принуждена сбавить тон... Она прекрасно понимает, что уже потерпела поражение, и хорошо знает, что если она не удовольствуется моральным поражением, то ее ждет и физическое». 7 апреля, расценивался «исход возможной войны», в результате которого «Советская Россия будет иметь и материальный и моральный перевес».

Только 30 апреля «Известия» помещают несколько лозунгов, посвященных войне.

Впервые» Известия» признали Польшу «серьезным врагом» только 4 мая. С этого времени «Известия», так же как и «Правда», неустанно приковывают и организовывают общественное советское мнение вокруг задач помощи Западному фронту, задач организации победы над зарвавшимися белополяками.

Помощь фронту. Мобилизация всех сил и средств для скорейшего поражения и уничтожения Польши капиталистов и помещиков.

Международное революционное значение и цели войны.

Мирные стремления советского правительства, его позиция в вопросе о независимости Польши.

Укрепление внутреннего фронта и тыла. Борьба с меньшевиствующими элементами и агентурой Пилсудского.

Неизбежность поражения белой Польши, неизбежность победы Советов в Польше. Пролетарский патриотизм и борьба с шовинизмом.

Эти основные проблемы стояли в центре внимания «Правды» и «Известий» в процессе войны. Читатель, получая в центральной печати своевременную (в основном) и правильную информацию о ходе войны, не видел никаких оснований впадать в панику и пессимизм, — наоборот, получал твердую уверенность в неизбежности нашей победы. Политические установки руководящих материалов газеты были неуклонно выдержанными и правильными.

Армейская печать, в частности, газеты Западного и Юго-западного фронтов, в период подготовки кампании допустили вслед за центральными органами партии ряд ошибок. Помещая более обширный материал о польской опасности, газеты 12-й, 14-й, 15-й и 16-й армий все же не давали четкой установки по вопросам военной опасности с Запада и питали известные мирные иллюзии, преуменьшая силу противника. а иногда допускали и фальшивые политические нотки.

Газета 15-й армии — «*Красная звезда*» систематически недооценивала польскую опасность и в результате принуждена была 29 апреля констатировать, что «красноармейцы чересчур предались мирным мечтам и не вполне ясно представляют себе опасность, которая все еще висит над республикой» (даже 29 апреля газета не нашла возможным совершенно открыто ставить вопрос о польском нападении).

27 апреля в передовой «На Запад» писалось:

«Нам нужна победа. Ее нетрудно иметь. Нам нетрудно на Западном фронте развернуть такую картину наступления, перед которой померкнут деникинские бои. Нужно лишь оставить спокойное благодушествование (очевидно, такое «благодушествование» в 15-й армии было?! — *П. С.*) и гаркнуть так, чтоб эхо прокатилось по всем польским окопам: на Запад».

Эта же газета непростительно долго скрывала от своих читателей факт нападения Пилсудского на Украину, сообщив о нем мимоходом только... 30 апреля.

7 мая «Красная звезда» в передовой звала войска 15-й армии драться с белополяками за «единую, неделимую Красную Русь.» (!!!).

Газета 16-й армии «*Красноармеец*» не допускала в вопросе о польской опасности ляпсусов, подобных своей соседке, но так же как и «Красная звезда» путала своих читателей. 4 апреля «Красноармеец» откуда-то узнал, что Польша согласилась на мирные переговоры в Эстонии. За весь март «Красноармеец» напомнил своему читателю о необходимости «быть готовым к отпору» только однажды — 31-го, и лишь 1 мая известил о нападении Пилсудского на Украину.

Орган поарма 12 «*Красная армия*» был счастливым исключением. Эта газета систематически разоблачала авантюристические и завоевательные планы Польши и мобилизовывала внимание на задачах отпора и подготовки к серьезной борьбе.

На примере трех армейских газет видно, что красноармейские части политически почти не готовились к надвигавшейся военной грозе. Вполне понятными поэтому становятся заявления газет о «благодушествовании», «мирных иллюзиях» и т. п.

О неподготовленности Красной армии можно судить также по ряду проходивших весной 1920 г. партийных конференций.

Армейская партконференция 15-й армии (конец марта), несмотря на проводимую уже на Западном фронте подготовительную работу, надвигавшейся польской опасности должного внимания не уделила.

Центральными вопросами армейской партконференции 12-й армии (17 — 21 марта) являлись проведение «недели крестьянина», трудфронт, борьба с болезнями, взаимоотношения с местными парткомами и т. п.

Заместитель начальника поарма т. Разумовский выступил на конференции со следующим характерным для состояния и боеготовности 12-й армии заявлением:

«Из-за отсутствия сил придется понизить требования к комиссарам, выдвигая их из рядовых дельных коммунаров».[1]

ПУР также не уделял должного внимания политической подготовке к надвигающейся военной грозе. Тех мероприятий, которые в настоящее время принято называть «политическим обеспечением оперативного развертывания», ПУРом не проводилось. Вопрос о них, несмотря на проводимую штабом Красной армии и командованием фронтов подготовительную работу к возможному развертыванию, достаточно широко не поднимался. ПУР не вел также необходимой общеполитической подготовки. Выпуская специальный орган «Политработник», он за

[1] Орган поарма «Красная армия» № 16 — 21 марта 1920 г.

год не поместил в нем ни одной строчки о Польше и опасности нападения вплоть до мая.

Политическая подготовка красноармейских частей фронта шла настолько «интенсивно», что только нападение польских легионов привело к настоящей встряске и создало действительный перелом в характере и темпе партийно-политической работы.

С первых же дней войны партия и советское правительство приняли все меры и развили исключительно энергичную деятельность по организации наибольшего содействия польскому фронту.

30 мая СНК постановил:

«Центральная задача рабоче-крестьянского правительства в настоящее время— борьба на польском фронте. Все силы и средства страны должны быть сосредоточены на польском фронте для достижения полной и скорой победы. Обязанность наркомов принять участие в обслуживании нужд фронта, в 3-дневный срок созвать совещание для разработки плана содействия Западному фронту и организации тщательного контроля. Еженедельно, по пятницам, наркомам докладывать СТО о предпринятом». [1]

Правительство выпустило ко всему неселению Советской республики манифест, излагающий причины войны, ее характер и наши цели в ней. Затем ВЦИК обратился с аналогичным в основном воззванием к польским рабочим, крестьянам и солдатам (см. приложение I). В обоих документах особо настойчиво подчеркивалось наше неуклонное стремление заключить мир с Польшей, готовность принять и рассмотреть мирные предложения даже и теперь. Со всей ясностью и решительностью заявлялось, что Советская Россия ни в коем случае не посягает на независимость Польши.

В начале мая ЦК РКП(б) опубликовал известные тезисы «Польский фронт и наши задачи», в которых «все партийные, советские и профессиональные организации» обязывались «немедленно» развернуть самую широкую и напряженную агитацию по всей стране, не ограничиваясь городами, а доходя до самых глубоких деревенских низов, с целью выяснения всему населению России смысла нашей политики в отношении Польши»... Рабочий и работница, крестьянин и крестьянка должны понять и почувствовать, что война с Польшей есть их война, есть война за независимость социалистической России, за ее союз с социалистической Польшей, с пролетариатом Европы и всего мира».

8 мая ВЦИК и ЦК РКП(б) совместно опубликовали директиву «всем советам и комитетам РКП», в которой предлагалось мобилизовать все силы на Западный фронт и провести митинги под лозунгами:

«Да здравствует Красная армия, — победа над польскими панами. Да сгинет Польша помещиков и капиталистов. Да здравствует независимая рабоче-крестьянская Польша, — всемирная революция».

Партия несколько раз проводила мобилизацию своих членов на польский фронт. По подсчетам ЦК (доклад т. Крестинского на X Съезде РКП(б)) партия дала в 1920 г. на польский и врангелевский фронты 25 000 своих членов.

4 мая ЦК РКП(б) создал «для руководства всей устной и письмен-

[1] Архив ВПАТ, д. 7989.

ной агитацией против нашествия польских белогвардейцев» комиссию в составе тт. Александрова (ПУР), Керженцева, Мархлевского и Радека. Комиссия должна была работать «при помощи аппаратов Роста, ПУРа, Центропечати и всей советской печати». Все органы обязывались присылать в комиссию польские издания. Прифронтовые губернии могли обращаться в комиссию за составлением специальных агитационных листовок. Комиссия эта провела в Москве агитКурсы в 5 лекций, давала материал для печати и т. п., но все же оказалась нежизнеспособной организацией и серьезной роли не сыграла. Опыт ее создания должен быть признан неудачным и едва ли заслуживающим подражания.

28 мая Совет труда и обороны, «признавая безостановочное и самое широкое снабжение агитационной литературой Красной армии Западного фронта одной из насущнейших и нетложных задач», поручил ПУРу принять меры к полному удовлетворению этой потребности и с этой целью передал в его распоряжение типографию III Интернационала. Типография милитаризовалась. Было приказано оказывать ей содействие, снабжать ее в первую очередь и извлечь для нее из армии рабочих (но не больше 250 чел.) [1]. Из этого решения СТО мы видим, насколько серьезно относилось советское правительство к постановке политработы в Красной армии.

★

В начале главы мы уже приводили заявление тт. Смилги и С. С. Каменева о том, что Красная армия оказалась неподготовленной к отражению польского нападения. Подобных свидетельств нашей неподготовленности можно привести не мало. Например, т. Сокольников 8 мая в «Правде» писал:

«Война с Польшей *внезапно и внушительно выдвинулась на первый план*»...

Сосредоточение наших сил на Западном фронте по свидетельству т. С. С. Каменева началось лишь в середине марта (тт. Какурин и Меликов относят его на еще более поздний срок — на апрель) [2]. Однако из всей 5-миллионной Красной армии «к апрелю, несмотря на все усилия, удалось сосредоточить на Западный фронт — до 90 000 бойцов и на Юго-западный фронт — до 50 000... Число штыков было естественно меньше» [3]. Эти 140 000 «бойцов» составляли в то время примерно половину всех «бойцов» Красной армии, ибо из 5 млн. красноармейцев и начсостава только 874 000 (на 1 июня 1920 г.) находились в «полевых войсках», а из них лишь 295 000 были «бойцами» [4]. Такое невыгодное для Красной армии соотношение общей численности едоков, полевых войск и бойцов объяснялось крайним разбуханием тылов, крупнейшими недочетами комплектования, организационно-штатной структурой войск, системой пополнения и т. п. Все эти причины на ряду с отвлечением сил на фронты еще не ликвидированной окон-

[1] Архив ВПАТ, д. 318.
[2] «Война с белополяками», стр. 65.
[3] Мовчин, Последовательные операции, стр. 43.
[4] Там же.

чательно, южной контрреволюции и трудовой обусловили нашу относительную численную немощь на самом важном фронте революции в 1920 г.

В ином положении находилась польская армия. Насчитывая к марту 740 000 человек, она выделила на фронт 100 — 110 000 штыков и 10 — 12 000 сабель, распределив их почти поровну между обоими нашими фронтами [1]. На Юго-западном фронте к моменту удара против 13 000 штыков и 2 000 сабель Красной армии поляки сосредоточили 44 000 штыков и 6 200 сабель [2], добившись таким образом значительного перевеса в силах и обеспечив на первых порах безусловный успех.

Кроме того свой удар на Юго-западном фронте им удалось совместить с предательским ударом в спину красным дивизиям двух галицийских бригад (2-й и 3-й), «совершенно нарушивших группировку 14-й армии» и повлиявших в невыгодную сторону на группировку 12-й армии [3]. Успеху поляков на Юго-западном фронте способствовало также тяжелое состояние частей 12-й армии и тыла фронта, кишевшего петлюровско-кулацкими и кулацко-анархистскими бандами.

На Западном фронте, кроме малой политической подготовленности частей, мы были слабы и в силу других важнейших обстоятельств. Так же как и южному соседу, Западному фронту в известной степени угрожал тыл (значительно меньше). Угроза исходила от дезертирских скопищ. Впоследствии Западному фронту, благодаря энергично проведенной борьбе с дезертирством, удалось влить в ряды своих частей почти 100 000 пополнение из бывших дезертиров. Советский аппарат прифронтовых губерний работал крайне слабо, шляхетская и контрреволюционная агентура имела довольно широкое разветвление и проявляла большую активность.

О состоянии тыла фронта можно судить по следующим данным Окружного военного комиссара Западного военного округа, т. Богданова.

Приняв округ весной 1920 г., т. Богданов застал в нем:

«Полное отсутствие систематической, организационной работы... ответственности за работу... живой связи и контакта с подчиненными учреждениями... Такие факты, как отношение годных лошадей к числу негодных, как 1 к 60, или количество освобожденных военнообязанных в 40 — 45% оставались совершенно незамеченными. Учета лошадей в округе в сущности совсем не было, учет же людей и особенно комсостава был крайне слаб... Формирование частей задерживалось месяцами из-за неубранного мусора в казармах... Вообще округ находился в хаотическом состоянии. Везде царила халатность, злоупотребления достигали значительных размеров. Штаб был «комиссией по закупке лошадей и продовольствия», миллионы рублей раздавались подозрительным личностям, происходили странные манипуляции с продовольствием и фуражем... Красноармейцы мерзли в летних необорудованных бараках, надвигалась эпидемия тифа, испанки и прочих болезней... В отношениях с фронтом и комдезертиром существовала крайняя запутанность..» [4]

Войска обоих фронтов страдали многими крупными недостатками в отношении обозных и транспортных средств, средств связи, в снабжении обмундированием, вооружением и даже, в известной степени,

[1] Мовчин, Последовательные операции, стр. 43.
[2] Там же.
[3] Какурин и Меликов, Война с белополяками.
[4] Архив ВПАТ, д. 671.

продовольствием, некомплекта (количественного и качественного) начсостава и т. п.

Однако при всех этих отрицательных условиях части Красной армии польского фронта были вполне боеспособны, достаточно политически сознательны и устойчивы.

Мирная политика советского правительства, искренняя позиция в отношении независимости Польши полностью одобрялись красноармейской массой. Поэтому вооруженный наступательный ответ на предательский удар Пилсудского ни у кого не вызывал сомнений в справедливости, в своей революционной оборонительной сущности. Даже в дезертирской среде наступил известный перелом, в результате которого несколько десятков тысяч дезертиров добровольно явилось в части и комиссариаты; впоследствии дезертирство вообще сошло на-нет.

Серьезные осложнения в политико-моральном состоянии частей обоих фронтов имелись только в единичных случаях. Также единичными и совершенно не показательными для наших частей были случаи предательства и перехода на сторону белополяков. На предательство шли только явно контрреволюционные элементы и среда, почти не затронутая нашей политической работой. Так было с 2 галицийскими бригадами; с отдельными группами командиров и бойцов Конармии, перешедших накануне войны с белополяками в Красную конницу от Деникина или взятых нами в плен и поставленных в ряды Конармии. Так было с 59-м полком 10-й кавалерийской дивизии, бывшим Оренбургским казачьим полком, перешедшим к полякам 25 мая во главе с комполка «благодаря непредусмотрительности командования дивизии» [1].

Польская армия была подготовлена к войне лучше нас. С. С. Каменев совершенно справедливо указал, что Польша имела большой период для подготовки к войне, и очевидно, считала себя вполне подготовившейся, поскольку решила первая напасть на нас [2].

Эти обстоятельства следует особенно подчеркивать. «Общественному мнению» Польши и Европы достаточно трудно было доказать «агрессивность» и «нападение большевиков на Польшу», вследствие настойчивых шагов советского правительства к миру, согласия его на большие уступки Польши, вследствие начала войны не Красной армией, а легионами Пилсудского. Трудящимся же массам Польши доказать справедливость нападения на советские республики было почти невозможно.

Подготовившись к кампании раньше и лучше Красной армии, польская армия вместе с тем не могла преодолеть многие серьезные недостатки специфически военного порядка, как-то: разношерстность командного состава, неоднородность военного обучения и тактики, большую разнокалиберность вооружения и т. п.

Полк. Кукель [3] характеризовал состояние польской армии в начале войны:

---

[1] Гая, На Варшаву, стр. 9.

[2] «Война с белой Польшей», «Военный вестник» № 12, 1922 г.

[3] «Bellona», 1921 г. Цитирую по труду Какурина и Меликова «Война с белополяками».

«Войска в целом остро ощущали недостаток воспитания и обучения... И для войск, и для польского общества эта война была чем-то вроде колониальной и обещала лишь сомнительные результаты, в то время как для противника она была вопросом жизни и смерти. Только немногие понимали стратегическое значение войны и перенесения военных действий на богатые территории противника. Политические же разногласия в среде польского общества, увеличивавшие сомнения относительно целей, ослабляли волю к победе даже среди самой интеллигентной части армии».

К осложнениям политического порядка необходимо добавить еще ряд весьма важных обстоятельств. Майор Ружицкий например писал [1]: «Все знали, что польский солдат не был способен к длительной оборонительной борьбе и не обладал достаточной подготовкой. Отношение общества к войскам было отрицательным. Солдаты во многих частях не уважали комсостава. В результате неуспеха солдаты массами дезертировали в тыл. Силы противника недоучитывались, процветало пренебрежительное к нему отношение и т. п.».

Агентурные сводки позапа о состоянии войск и тыла противника отмечали [2]:

1 марта: упадок дисциплины, грабежи и насилие над местными жителями, вооруженное сопротивление белорусского крестьянства; дружелюбное отношение белорусского крестьянства к нам; ухудшение продовольственного дела.

10 марта: разлагающее влияние наших мирных предложений даже среди наиболее крепких познанских частей; обострение продовольственного вопроса; организацию в нейтральной зоне против поляков партизанских отрядов.

20 марта: восстание крестьян-белоруссов (3 волости), участившиеся случаи перебежек на нашу сторону легионеров.

31 марта: революционное настроение прибывших на фронт новых частей из Варшавы.

10 и 20 апреля: волнения в ряде частей, например в 13-м Краковском полку; смену некоторых почти разложившихся частей новыми; массовые преследования революционных элементов (в варшавских тюрьмах — 1 500 легионеров) и т. п.

Сводки эти, как видно, освещали фактическое состояние польской армии слишком слабо, но все же они давали верную общую картину: политическое состояние армии к началу войны для осуществления империалистических замыслов было не совсем (мягко выражаясь) подходящим, прифронтовая полоса была явно враждебной. По свидетельству т. Тухачевского [3] ряд дивизий польской армии оказался явно небоеспособным. Однако Пилсудский («1920 г.») оспаривает это положение и считает, что небоеспособные, по Тухачевскому, 8-я, 10-я и Белорусско-литовская дивизии были, наоборот, вполне устойчивыми. Тем не менее к свидетельству Пилсудского приходится относиться критически, ибо по его оценке состояние польской армии было вполне устойчивым на протяжении всей кампании. По его призна-

---

[1] «Bellona», 1921 г., кн. 2, статья В. Бруммера.
[2] Архив Красной армии, д. 78/172.
[3] Тухачевский, Поход за Вислу.

нию только 2 дивизии (11-я и 18-я), формировавшиеся в Италии и во Франции из пленных старых возрастов, пришлось реорганизовать из-за «морального состояния».

В отношении советской прифронтовой полосы и тыла Пилсудский возлагал большие надежды на украинских самостийников. Кроме того, научившись кое-чему на поражениях российских контрреволюционеров, он предпринял некоторые шаги к привлечению на свою сторону крестьянства вообще. Заколебавшийся весной 1920 г. в нашу сторону, небезызвестный Винниченко, в беседе с представителем «Известий» сообщал: поляки учли опыт Колчака и Деникина. После занятия Правобережной Украины они немедленно приступили к насыщению ее товарами. Помещикам строжайше запрещалось появляться в деревнях по крайней мере в первое время. Признавалось необходимым, чтоб Петлюра организовывал свою украинскую армию и т. п.[1].

[1] «Известия ВЦИК», 29/V 1920 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЧАСТЯХ КРАСНОЙ АРМИИ.

★

Состояние политической работы в частях Красной армии к началу кампании.

Положения и штаты политорганов в Красной армии с января 1920 г. определялись приказом РВСР № 116 [1].

По этому приказу политический отдел фронта должен был осуществлять: а) общее руководство деятельностью подведомственных ему политотделов армии, б) непосредственное ведение политико-просветительной работы в частях войск, штабах, учреждениях, непосредственно подчиненных фронтовому командованию, в) учет личного состава военных комиссаров и коммунистических ячеек, г) распределение партийных и культурных сил по армии, д) всестороннее осведомление РВС фронта о... политическом настроении входящих в состав фронта армий... для наилучшего использования их для оперативных задач, е) инспектирование деятельности поармов и разассигнование через начальника снабжения кредитов.

РВС должен был осуществлять свое руководство подчиненными ему ревкомами и инспектировать их деятельность через пофронт.

Имея штат в 360 человек, из которых для руководящей работы, кроме начальника пофронта и начальников отделений, предназначалось только 11 работников (3 инспектора, 5 инструкторов по советской работе и 3 по просветительной), и не располагая редакционно-издательским аппаратом, пофронт фактически являлся передаточным пунктом между ПУРом и поармами.

Поарму штаты предоставляли гораздо большие возможности: 484 сотрудника, крупный редакционно-издательский аппарат (редакция — 10 чел., типография — 60 чел.), мощную экспедицию[1] (40 ответственных экспедиторов), 51 инструктора-инспектора и т. п.[2]

Положение наделяло поармы всеми необходимыми в работе функциями и правами. На них возлагалась «постановка всей политико-просветительной работы в частях и учреждениях армии, руководство деятельностью подивов..., организация политической работы и ор-

---

[1] Приказ РВСР № 116 22/I — 1920 г.

[2] Нужно отметить, что в действительности почти ни один пофронт и поарм данными штатами не удовлетворялся. Позап, например, имел штат почти в тысячу сотрудников.

танов центральной советской власти среди населения прифронтовой полосы, общее наблюдение, контроль и руководство их деятельностью».

Внимательное ознакомление с положениями о пофронтах и поармах и сравнение их приводят к совершенно бесспорному заключению о том, что приказ 116 не вносил необходимой четкости в разграничение прав и функций пофронтов и поармов. Так пофронт, как и поарм, должен был осуществлять «общее руководство», учет и распределение партийных и культурных сил, финансирование, руководство советской работой и т. п. Но в каких масштабах должна протекать деятельность поармов, в чем конкретно выражаются права и обязанности пофронтов, в каком направлении и в какой мере пофронт мог изменять директивы ПУРа в применении их к фронту и т. д.— на все эти вопросы этот приказ ответа не давал.

Поэтому жизнь выдвигала совершенно новые конструкции политорганов и организационно-штатные и юридическо-правовые.

Политический отдел дивизии этим же приказом получал также достаточно солидный штат — 108 человек, в числе которых было 32 различных инструктора и 26 сотрудников экспедиции. Подиву предоставлялись широчайшая инициатива и права, но вместе с тем он во всех отношениях подчинялся комиссару дивизии.

Все политорганы имели по штатам весьма ограниченные перевозочные средства и притом полностью «аграрные» (повозка и лошадь). Технические ресурсы политорганов были крайне ограничены и в штатах совершенно не оговорены.

Политаппарата полка этот приказ не оформлял. Полковой аппарат существовал по изданным в различное время и в разных местах приказам и отличался достаточно большим разнообразием. Далеко не всюду были введены политруки, в некоторых частях существовали еще военкомы батальонов, рот, эскадронов. Большой разнобой наблюдался в деле организационного оформления партийных организаций и т. п. «Железным инвентарем» низовой политработы являлись выработанные ЦК инструкция ячейкам РКП(б) воинских частей и положения ПУРа о клубах, избах-читальнях, культпросветкомиссиях, политруках и контрольно-хозяйственных советах.

Что в настоящее время поражает в организационно-юридическом оформлении политорганов весной 1920 г.? Громоздкость и раздутость штатов, крайняя нечеткость разграничения функций руководящих политорганов, их «фундаментальность» и неприспособленность к подвижному маневренному характеру операций гражданской войны. Бросается в глаза почти полное отсутствие указаний об увязке политической работы с оперативной, с работой штабов и служб. Лишь в самой общей форме положение о пофронте обязывало последний «всесторонне осведомлять реввоенсовет фронта о жизни частей, о состоянии духа войск и политическом настроении входящих в состав фронта армий с целью правильного и всестороннего освещения фактов для наилучшего использования их для оперативных заданий». Собственно этим тезисом и ограничивалась вся «увязка» и политическое обеспечение операций.

Положения и штаты ярко иллюстрировали ту изжитую давно

полосу в развитии политорганов, когда просветительная работа отделялась от политической (полоса своеобразного «культурничества»), а партийные функции политорганов занимали второстепенное место.

Действительность требовала гораздо более совершенную организацию политработы. Центр отставал, плелся в хвосте и абсолютно по заслугам получил серьезнейшую головомойку на II Всероссийском совещании политработников армии.

Главными вопросами политической работы весной 1920 г. являлись вопросы хозяйственного восстановления страны. Основной лозунг партии «все на борьбу с хозяйственной разрухой» пронизывал собой и всю партийно-политическую работу в частях обоих фронтов. Разъясняя общегосударственные хозяйственные задачи, почти все части старались найти и более конкретное разрешение ударного лозунга партии. Проводились воскресники и субботники в помощь местным советским хозяйственным организациям, местному крестьянству и большая агитационная и общественно-хозяйственная работа по борьбе с разрухой в самих частях.

Командование 33-й Кубанской дивизии 19 апреля издало специальный политический приказ по дивизии, обязывавший оказывать организованную помощь местному крестьянству в обработке и засеве полей.

Сводки подивов *16 армии* за март и апрель пестрят сообщениями о субботниках и воскресниках, на которых строились беднякам-крестьянам избы, производилась запашка полей, убирались рельсы и платформы железных дорог и т. п. В апреле (главным образом во второй половине) во многих частях проводились «Недели трудового фронта».

Значительное место в политической работе занимали ликвидация неграмотности и повышение политического уровня партийцев.

Повседневная, чрезвычайно разнообразная по содержанию, партийно-политическая работа совершенно не планировалась в армейском и даже дивизионном (а весьма часто и в полковом) масштабе, не была строго целеустремленной. Так, в 16-й армии темами политических занятий и политработы вообще в апреле являлись: в 8-й дивизии — «Чем вызваны наши хозяйственные недостатки», «Религиозное мировоззрение», «Партдисциплина», «Роль Ленина в рабочем движении», «50 лет Ленина», «Мирные переговоры с Польшей», «Война и мир с Польшей», «Силы электричества», «Польская контрреволюционная агитация», «Борьба с польской буржуазией», «Неделя санчистки»; в 10-й дивизии: «О коммунах», «О реквизициях, контрибуциях», география; в 17-й дивизии: «Хозяйственные вопросы»; в 57-й дивизии; «Программа РКП(б)», «Коммунистическое строительство», «Транспортная разруха», «Международное положение», «Конституция», «Заразные болезни», «Религия» и т. п. [1].

В апреле поарм 16 проводил обследование работы подивов армии. Результаты обследования дали следующую картину состояния работы:

17-я дивизия. Создан полеподив. Энергично работает летучая

---

[1] Архив ВПАТ, д. 543.

экспедиция, входящая в состав полеподива. Части дивизии вполне своевременно снабжаются газетами. Удовлетворительно поставлена полевая информация: полк — подив — поарм. В дивизии работает политшкола, 71 курсант которой брошен в полевые части. Недостаточное внимание уделяется борьбе с дезертирством и улучшению отношения к пленным.

57-я дивизия. Аппарат политотдела слаб и совершенно оторван от частей. В партийной работе дивизии застой, коммунистов в сравнении с другими дивизиями мало (812 чел.). Политпросветработа поставлена слабо. Нет школ грамоты. Отсутствует учет работы изб-читален. Полковые клубы, числящиеся в подиве, существуют только на бумаге. Экспедиционный аппарат беспомощен. В дивизии недостает литературы, в частности на польском языке. Информационное дело поставлено малоудовлетворительно. Дивизия остро нуждается в усилении партработниками. В бригадах существуют еще побриги. Военкомы бригад имеют слабое представление о работе. В 72-й бригаде в ротах нет ни одного политрука, в полках работают еще полковые суды и военкомы батальонов. Все работники и коммунисты имеют слабое представление о Польше.

29-я дивизия. Подив имеет фантастический план культпросветработы: организовать почти в каждом батальоне образцовый клуб. Вместо этих фантазий инструктора поарма рекомендовали — образцовый клуб в дивизии, а в деревнях избы-читальни, которые при передвижении частей следуют вместе с походной кухней (эта изба-читальня — мать современной агитповозки.).

10-я дивизия. Работа признана удовлетворительной [1].

Парторганизация 16-й армии насчитывала:

в январе . . .	315	ячеек,	3 438	членов,	2 551	кандидатов
» феврале . .	302	»	3 124	»	2 042	»
» марте . . .	372	»	6 599	»	2 109	»
» апреле . . .	526	»	6 843	»	3 682	»

Был взят курс на создание ячеек во всех низовых подразделениях. Поарм старался укомплектовать части партийным составом, но возможности его до начала кампании были весьма ограничены. Тем не менее 57-й дивизии еще в марте было дано 100 товарищей, изъятых из других частей армии.

В апреле в армию влилось 332 коммуниста, из них — 17 политруков, присланных центром[2].

15-я армия. В конце марта происходила первая армейская партконференция. В докладе начальник поарма 15 классифицировал политработу по следующим основным группам задач:

1) Организационно-просветительная работа (устройство школ грамоты, собеседований, кружков, библиотек, изб-читален; обучение политграмоте; культурно-просветительная работа для деревни).

2) Агитационно-инструкторская (воспитание боеспособных солдат революции).

---

[1] Архив ВПАТ, д. 944.

[2] Историческо-стратегический очерк 16-й армии.

3) Контрольно-наблюдательная (обеспечение красноармейцев в хозяйственно-бытовом отношении; контроль над военспецами; подбор и руководство комиссарами и всеми политработниками; борьба с саботажем и дезертирством) [1].

В этой класификации прежде всего поражает отсутствие партийного руководства, партийной работы. Затем — узкое понимание задач по поднятию «боеспособности солдат революции», неувязка различных отраслей политической работы, отсутствие увязки политической работы с оперативной и политического обеспечения операций.

В прениях по докладу поарма выяснилось, что поарм страдает бюрократизмом и не является идейным руководящим органом. Бюрократизмом болеют также многие подивы.

В армии насчитывалось до 15 000 коммунистов, почти в 2 раза больше, чем в 16-й армии (март 1920 г.). Однако партийная работа в частях страдала многими организационными недостатками и низким идейным уровнем.

Конференция много поработала над урегулированием партийной работы и приняла решение «установить партийную повинность для каждого члена ячейки», так как до этого времени основной принцип устава нашей партии — «нет члена партии без партийных обязанностей» — не был полностью проведен в жизнь.

В целях повышения политической грамотности партийцев решено было создать в ротных и командных ячейках «теоретические кружки». Конференция обязала поарм построить свою работу таким образом, чтобы стать действительно «идейным центром» работы.

Работа ротных теоретических кружков, как и следовало ожидать, свелась к коллективной читке «Азбуки коммунизма» и популярных брошюр.

Темы политических занятий с красноармейцами и населением в 15-й армии ничем не отличались от приведенных выше тем 16-й армии. Крайне слабо была развернута политработа в санитарных частях армии. В конце марта на специальном совещании было решено усилить руководство политорганов, чтобы добиться улучшения постановки всей политпросветработы [2].

О состоянии партийной работы и о мерах по ее улучшению в санитарных частях на совещании ничего не говорилось. Санитарные части не являлись конечно исключением среди всех тыловых частей и учреждений армии. Накануне кампании, как и во время самой кампании, работе в последних уделялось самое минимальное внимание.

Издательские возможности 15-й армии (на собственно армейские средства) нельзя признать вполне достаточными. Армия обладала 4 типографиями с 4 плоскими машинами и 2 бостонками. Из этих 4 типографий одна находилась в поарме, а остальные в дивизиях. Поарм издавал ежедневно газету («Красная звезда») с тиражем в 22 000 экземпляров и мог выпускать ежедневно до 20 000 экземпляров листовок. Подивы могли выпускать в среднем 1 000 листовок в день.

---

[1] Газета армии «Красная звезда», 23 марта 1920 г.
[2] Архив Красной армии, д. 59/917/с.

В частях упраформа (управления по формированию) фронта проводилась большая работа, но она находилась на низком уровне. Сводки упраформа говорят о недостатке политруков, о контрреволюционной агитации комсостава и т. п.

15 марта командование и РВС Западного фронта издало приказ (Нр. 0466 сек.), в котором впервые перед кампанией была поставлена задача привести в самый кратчайший срок войска фронта в полную боевую готовность. Приказ предлагал принять меры к укреплению спайки и дисциплины в частях и повышению политической сознательности, к ведению интенсивных занятий по полевой подготовке и совершенствованию специальных познаний, к прекращению выполнения всяких нарядов на работы, проверке порядка несения боевой службы, к максимальному сокращению числа нестроевых и т. п.

Однако в организации и содержании политической работы этот приказ необходимого отражения не нашел. Темы политзанятий показывают, что вопросы повышения боевой готовности частей и т. п. оставались все же в стороне. Над политработой Западного фронта довлело влияние общеполитического лозунга: «все на борьбу с хозяйственной разрухой». Сказывалось отсутствие максимальной боевой целеустремленности, наличие внеплановости и бессистемности.

Таким было состояние политической работы перед началом советско-польской войны 1920 г. в частях Западного фронта.

На *Юго-западном* фронте условия работы были менее благоприятными: армии фронта только-что окончили (не без ощутительных во всех отношениях потерь) борьбу с армиями Деникина и Петлюры. Тыл их кишел националистическими и анархистско-кулацкими бандами (для обеспечения упрочения тыла фронта командование Юго-западного фронта считало необходимым иметь не менее четырех дивизий) [1] и обладал крайне слабым, засоренным и неопытным советско-партийным аппаратом. Польские войска непрерывно тревожили наши дивизии своими налетами и набегами. Сами части Юго-западного фронта в большей мере, чем другие части Красной армии, страдали пережитками партизанщины.

Эти исключительные условия, в которых находился Юго-западный фронт, не могли не отразиться на политической работе. Политическая работа отличалась большим разнообразием организационных форм и идейных установок. Выше уже приводились данные об инициативе поармов. *Поарм 14* все время был оторван от своих частей (к концу февраля 1920 г.— на 300 *км* и свыше), имел с ними крайне скверное почтовое сообщение и следовательно слабо руководил работой в армии. 15 марта поарм 14 произвел первый выпуск курсантов армейской партшколы (200 чел.) [2]. В частях армии политпросветработа поставлена была неудовлетворительно. Отчет ПУРа [3] отмечал бездеятельность (причина очевидно в неподготовленности и несоответствии) политруков и партийных ячеек и даже противодействие комсостава.

---

[1] А. Егоров, Львов — Варшава, стр. 17.
[2] Архив ВПАТ д. 719.
[3] Там же, д. 601.

Работа в частях *12-й армии* тормозилась отсутствием политработников и литературы (между тем поарм 12 обладал самым мощным редакционно-издательским аппаратом из всех поармов), массовыми заболеваниями сыпняком, утомленностью и истощенностью частей в боях с превосходным противником. Особое внимание уделялось только ликвидации неграмотности.

Политсводки частей 12-й армии, перечисляя темы политических бесед и митингов, дают в основном то же содержание, что и в 15-й и 16-й армиях. Но кое-что в 12-й армии имелось и свое особенное.

В 58-й дивизии вся работа подива и парторганизаций в первой половине апреля была направлена на осуществление лозунга «Стать коммунистической дивизией» [1]. С этой целью были проведены 2 беспартийные бригадные конференции с повесткой «Принципы советского строительства», «Земельная политика» и «Продовольственная политика». В каждую бригаду подив командировал старшего инструктора-организатора и 3 помощников к нему. Существовала школа политруков, готовившая 40 хороших политработников. Еженедельно проводились субботники. Большая работа была проведена при выборах в советы.

Лозунг «Стать коммунистической дивизией» заслуживает особого внимания тем более, что впоследствии вся 12-я армия по приказу поарма (120) работала над тем, чтобы стать «коммунистической армией». Лозунг «коммунистической армии» понимался не в буквальном смысле слова. Ставилась лишь задача максимального повышения классовой сплоченности бойцов. Для выполнения этой задачи усиливались пропаганда и агитация коммунизма, задач советского строительства и различная организационная, в частности, вербовочная деятельность партийных организаций. В выполнении всех военных требований от «коммунистической дивизии» требовалось быть образцовой частью.

Таким образом, по своему действительному содержанию лозунг «коммунистической дивизии» — безусловно целесообразен и разрешал актуальные задачи и потребности. Однако внешняя оболочка этого лозунга едва ли может быть признана особенно удачной. В конкретной обстановке весны 1920 г. на клокочущем националистически-кулацким бандитизмом, «с почти неорганизованным советско-бедняцким слоем сельского населения» Правобережьи,— лозунг «коммунистическая дивизия или армия» не соответствовал задачам строительства Красной армии, отпугивал многих середняков и даже бедняков-крестьян, создавал дополнительные трудности для военноорганизационной и боевой работы, для общесоветской и партийной деятельности в прифронтовой полосе.

В 7-й дивизии политработа протекала также весьма интенсивно и с большим успехом. С 15 апреля в дивизии стала работать школа политруков.

В остальных дивизиях 12-й армии политическая работа к началу

---

[1] Архив ВПАТ, д. 587.

кампании была поставлена несколько менее удовлетворительно, хотя проводилась она не менее энергично [1].

Вполне удовлетворительную постановку работы в ряде частей армии характеризует следующая резолюция одного из совещаний секретарей партийных ячеек Н-ской бригады армии [2]:

1. Главная задача партийной работы — укрепление дисциплины и повышение сознательности бойцов.

2. Политработа должна вестись регулярно и без перебоев. Недопустимы «всякие оговорки о том, что политработа была нарушена передвижением или боевыми действиями, или из-за усталости, отсутствия обмундирования, пищи и т. п.». Они «преступны». «Тяжелые условия требуют особого напряжения политработы, особой энергии и деятельности от политработников. В политработе должны участвовать все без исключения коммунисты».

3. В каждой самой маленькой части должна быть ячейка.

4. Беспощадно бороться с проявлениями бандитизма и хулиганства.

5. Вести усиленную воспитательную работу среди молодых коммунаров.

6. Усилить культработу; передвижные клубы должны работать непрерывно.

7. Установить нормальные отношения с населением. Прекратить безответственные и самочинные реквизиции. Командирам и комиссарам строго выполнять приказы по армии, особенно о мобилизации крестьянских подвод.

8. Каждой комячейке выделить крестьянскую группу и усилить ее работу.

9. Напрячь все силы на борьбу с разрухой.

10. Тщательно направлять работу контрольно-хозяйственных комиссий.

11. Организовать санитарные ячейки.

12. Не менее одного раза в неделю проводить субботники.

13. По возможности чаще проводить дивизионные и бригадные коммунистические конференции для выработки общей линии и взаимной информации.

14. Комячейкам вырабатывать планы работ на неделю и строго проводить их в жизнь.

Этот документ можно расценивать как предельное достижение в установке партийно-политической работы того периода. Установка на создание боеспособности части, на непрерывность политработы, на политическое обеспечение боевых действий, на привлечение всех партийцев к политработе была в то время ясна далеко не всем политорганам и политработникам. Наоборот, чаще встречались полная или частичная несогласованность (и даже оторванность) политической и оперативной «линий», оговорки, что «по причине передвижений, боев, усталости политработа не производилась» и т. п.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 587.

[2] Раскрыть бригаду к сожалению не удалось. «Красная армия» № 3[illegible]8, 15/IV, ст. «О партийной работе в армии».

Не менее важна в документе попытка добиться плановости и объединения работы в бригадном и дивизионном масштабах. Наконец, самым ценным должно быть признано то обстоятельство, что совершенно недвусмысленно ставилась задача партийного руководства всей политической работой и всей жизнью и деятельностью бригады (последнее менее определенно и полно), открыто подчеркивалась партийная сущность политического руководства в армии.

Работа политорганов Юго-западного фронта в начале кампании.

25 апреля польские войска открыли кампанию 1920 г. переходом в решительное наступление на всем Юго-западном фронте. «Верховный вождь польской армии» Иосиф Пилсудский опубликовал 26 апреля известную прокламацию «Ко всем жителям Украины», в которой заявил, что польские войска идут завоевывать свободу для украинского народа и уйдут с украинской земли тогда, «когда национальное правительство Украинской республики установит новую власть..., когда свободный народ будет в состоянии сам определить свою судьбу». Оповещая о приходе вместе с польскими войсками легионов Петлюры, Пилсудский призывал украинский народ к поддержке польской армии.

Наступление поляков, несмотря на героическое сопротивление красных частей, увенчалось успехом. Силы *12-й армии*, на которую обрушились поляки, значительно уступали противнику. Наступлению поляков благоприятствовали и измена галицийских бригад, покинувших 23—24 апреля фронт и начавших военные действия против красных частей, и весьма сильное развитие бандитизма в тылу Юго-западного фронта. Специальных сил для борьбы с бандитизмом Юго-западный фронт не получил и армиям фронта приходилось обессиливать свои части, выделяя из них небольшие отряды в помощь гарнизонам местных военкоматов и частям Вохр (Войска внутренней охраны). Однако всех этих сил было крайне недостаточно, тем более что в период, предшествовавший началу польского наступления на правобережной Украине, деятельность банд приобрела особенно резко выраженный характер[1].

Оценивая положение армии в апреле, начальник поарм 12 т. Жилинский писал:

«Мы знали, что положение, в котором мы были, будет для нас ***роковым***. Причины: первая — тыл, а вторая — наша измученная и уставшая армия, малочисленность наших частей, отсутствие продовольствия, обмундирования, плохое санитарное состояние и др. Центр знал об этом. Поарм в этом положении ничего не мог сделать[2].

С последним положением едва ли можно согласиться полностью. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что поарм не все (и несвоевременно) предпринял меры для улучшения положения вещей. В марте все политические руководители армии уехали на партсъезд. Никакой подготовки на случай развертывания

---

[1] Какурин и Мелико в, Война с белополяками, стр. 95.
[2] Архив ВПАТ, д. 587.

войны с Польшей не велось. Появлявшиеся в армейской газете «Красная армия» статьи, лозунги и воззвания на темы, связанные с опасностью польского нападения, не могли полностью мобилизовать внимание политорганов и парторганизации армии. Центр тяжести всей партийно-политической работы лежал в вопросах хозяйственных и местных, такой тон работы дала армейская партоконференция (17 — 21 марта). Лишь в 20 числах апреля армейская газета начала более основательно фиксировать внимание на Польше и готовящемся нападении. 22 апреля газета писала: «Мы еще не раскачались. Встряхнемся же».

Но время было уже упущено, тем более, что и в самые последние дни происходили колебания. 25 апреля — в день выступления Польши, — передовица, озаглавленная «Мир», говорила о том, что мы можем и должны завоевать мир. Весь номер посвящался вместе с этим «неделе трудового фронта».

Лишь с 27 апреля появились первые тревожные и мобилизационные статьи и лозунги. Начало им положила резолюция Киевской губернской партийной конференции о мобилизации коммунистов. 28 апреля появились первые лозунги о нападении поляков, сформулированные достаточно осторожно (что конечно было сделано правильно):

«Польское панство пытается поработить трудящийся люд Украины. Этому не бывать. Стойкость, дисциплина и полный революционный порядок — залог отражения натиска польской шляхты».

Передовица звала:

— «Дадим отпор».

«Петлюра в третий раз продал Украину. С помещиками и панами он пытается закабалить свободных рабочих и крестьян Украины. Дружными усилиями дадим отпор Петлюре и панам».

Реввоенсовет армии выступил с воззванием:

«Солдаты и командиры!

Противник третий день атакует нас по всему фронту. На некоторых участках мы оттеснены и уступили пространство. Неужели вы допустите, чтобы панская нагайка, как недавно деникинская, стала гулять по спинам рабочих и крестьян Украины, чтобы земля перешла обратно к помещикам, чтобы на заводах и фабриках опять появились кровопийцы-хозяева. Нет, этого вы не допустите. Необходимо всем взять себя в руки и твердо выполнять свое революционное дело — бить врага. Если каждый день боя каждый красноармеец будет выводить из строя по одному противнику, мы выиграем положение в несколько дней. Помнить всем, что каждый вершок земли, уступаемый без боя польским помещикам, подымает настроение у врага и затягивает нашу окончательную победу.

Враг силен только в первом порыве — при малейшем нашем сопротивлении он быстро выдыхается. Пусть разразится удар — участь Деникина и Колчака постигнет и его.

Командиры и солдаты!

Помните, что при вашей выдержке и спокойствии конечная победа за нами».

РВС 12 армии. *Меженинов, М. Серафимов, Аралов.*

Киев и 15-*км* полоса были объявлены на военном положении.

Таким образом в отношении политической работы противник застиг нас врасплох,[1] и мы приступили к политической мобилизации

[1] Между тем мы могли заранее соответственно подготовиться, так как руководство фронта ясно представляло себе возможное развитие обстоятельств на

красноармейских масс в ответ на удар поляков только 28-го апреля, т. е. спустя 3 дня после удара. Вследствие своей внезапности удар поляков в ряде случаев отразился на устойчивости частей. Поэтому РВС армии в воззвании сделал основное ударение на выдержке, устойчивости и повышении сопротивляемости. Обращает внимание в этом воззвании шаблонность выдвинутых лозунгов. Специфичному в агитации поляков и Петлюры («освобождение Украины») ничего не противопоставлялось. Совершенно не отмечалось значение удержания Киева. Заметим кстати, что Киев вообще ни разу не фигурировал в агитработе в качестве одного из «опорных пунктов» как в период наступления поляков, так и нашей контроперации. Между тем значение Киева было немаловажным [1]. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о том, каким образом РВС фронта и поюгзап готовили части фронта к нападению поляков. Если же судить по работе поарма 12, приходится констатировать, что РВС и поюгзап ни одной директивой не предупредили своевременно политорганы фронта о необходимой политической подготовке войск, несмотря на недостаточность сведений поармов о противнике и его тыле [2].

Польский удар оказался очень ощутительным и для политорганов. Поарм 12 долго не мог оправиться после отступления (переведен он был в г. Конотоп). Новый начальник поарма 12 т. Дегтярев, в отчете за июнь-август писал, что 9 июня он застал в поарме «организационный кризис» [3]. Не было работников и имущества, в партстоле — полный хаос и т. п. Исключение составляли редакционно-издательский отдел, обладавший мощным поездом — типографией и издававший 3 газеты: русскую, украинскую и польскую, и военнополитические курсы. В тыловых частях наблюдалась «оппозиция мещан». Ячейки смещали военкомов, выносили им выговор.

Что же делал поарм 12 во время отступления? В отчете поарма говорится: «Части отступали и всякая возможность политработы отпала (!!! — *П. С.*). Сотрудники подивов в наспех сформированных отрядах сражались на ряду с другими. Поюгзап дал 3 работников. Губкомы стали мобилизовывать коммунистов лишь очень поздно. Полепоарм бросал на фронт пачками неподготовленных коммунистов. Было брошено 382 человека, из них 95% больными и необученными» [4].

Не имея никаких оснований сомневаться в добросовестности и преданности работников поарма 12, мы вместе с тем можем с пол-

---

Юго-западном фронте еще в начале марта. Тов. Егоров пишет: «... в этот период (начало марта. — *П. С.*) уже *совершенно ясно* определилось *значительное увеличение противника именно против* Юго-западного фронта, в то время как увеличение войск против Западного фронта было совершенно ничтожно (всего 800 штыков к 1 марта по сравнению с 1 января). Эти разведывательные данные *являлись предвестником оживления на украинском участке* польского фронта и последующей *украинской операции польских войск*, отдавшей временно инициативу действий в руки противника». Львов — Варшава, 13 стр.

[1] 27/IV РВС Юго-западного фронта специально телеграфировал Москве о положении под Киевом, отмечая большое значение удержания Киева для укрепления нашего авторитета и за границей и на Украине.

[2] Архив ВПАТ, д. 587.

[3] Архив Красной армии, д. 587.

[4] Архив ВПАТ, д. 587.

ным основанием характеризовать их деятельность в период отступления непродуманной, крайне беспомощной и совершенно неорганизованной. Между тем поарм имел возможность заранее продумать организацию работы на случай удара белополяков.

Деятельность поарма 12 в период удара поляков на Киев должна послужить уроком армейским политработникам на случай подобных отступлений в будущей войне. «Накладные расходы», издержки отступления вовсе не неизбежны в таких масштабах и формах, как это имело место в данном случае.

Из поучительных недостатков работы поарма 12 заслуживают особого внимания следующие.

Во-первых, поарм слабо знал противника (о чем говорится в отчете) и видимо своевременно не предпринял необходимых мер, действительно гарантировавших более полную информацию о нем. Хотя поарм и писал в отчете, что «меры принимались» (не указывая однако какие меры) и что «хорошо было известно о всех мероприятиях противника по разложению нашей армии»[1], но ход событий заставляет брать эти утверждения под сильное подозрение. Не было достаточно организованной и сколько-нибудь продуманной политической подготовки армии к отражению поляков. Это явствует как из содержания нашей агитации, в частности в армейской газете «Красная армия», так и из отдельных отзывов об организационной стороне партийно-политической работы. «Части отступали, и всякая возможность работы отпала»,— писал поарм. Другими словами, в период самых тяжелых испытаний для армии поарм почти с фаталистическим спокойствием примирился с полным саморазоружением в области политработы. К счастью далеко не все коммунисты и политработники частей так думали и поступали, но политорганы частей были предоставлены целиком сами себе.

Во-вторых, из отрывочных данных о мобилизации местных коммунистов видно, что вопросы использования местных сил и эвакуации совершенно не были проработаны. В итоге — неорганизованные, самотечные мобилизации с нелепыми результатами: «95% больных и необученных».

Эти серьезные изъяны в политическом обеспечении обороны и отступления с Правобережья, конечно, привели к падению сопротивляемости и боеспособности армии и кризису (и не только «организационному») партийно-политической работы.

В дивизиях армии перед нападением белополяков проводилась большая и напряженная политическая работа. Так, по сведениям поарма, в 58-й дивизии велась усиленная политработа, но неудовлетворительная боеспособность вызывалась изнуренностью частей, отсутствием продовольствия, обмундирования, тяжелыми санитарными условиями (чесотка и тиф). Большая работа проводилась среди населения, недовольного окопной и подводной повинностями, продагентами, отсутствием многого необходимого. Часть населения оказывала помощь полякам.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 587

По этим же сведениям в 47-й дивизии, отведенной в тыл, положение расценивалось так: дивизия малочисленна, небоеспособна, отмечались случаи антисемитизма и на почве недостатка продовольствия— грабежи и самовольные реквизиции. Среди крестьянства, подверженного петлюровской агитации, растет недовольство.

7-я дивизия находилась в удовлетворительном состоянии; велась большая политическая работа. настроение Населения — то же, что и в 58-й и 47-й дивизиях; отмечались даже случаи избиения красноармейцев. Подив вел большую издательскую работу.

В 17-й дивизии политработа велась усиленным темпом. Настроение бодрое и революционное, но большой некомплект бойцов [1].

Наступление поляков смяло и дезорганизовало эту большую и напряженную работу. Работа пошла самотеком. Политаппаратам и политорганам пришлось не только призывать и организовывать бойцов к сопротивлению, но и самим становиться в первые ряды и сражаться. Подив 7 участвовал в боях под Киевом, подив 58, застигнутый врасплох наступлением поляков под Житомиром, сражался под руководством начальника подива и организованно отступал дальше. Работники его были разделены на 2 части: активная группа (10—12 чел.) — пошла в передовые части, остальные — с обозом, который пришлось формировать самому же подиву, выслав за крестьянскими подводами работников крестьянской секции. Впоследствии работники подива 58 вошли в сводную бригаду, стержнем политической работы в которой начальник подива поставил восстановление дисциплины, борьбу с мародерством, дезертирством и паникой. Работники крестьянской секции использовывались для разведки настроения крестьян районов, [2] проходимых бригадой.

Под влиянием ударов и неудач отступления положение в области политработы, так же как и в состоянии частей, восстанавливалось с большим трудом и не так скоро, как требовали обстоятельства.

Еще в начале июня поарм 12 отмечал, что «дивизии уже оправлялись, но не достаточно». Весьма хромала дисциплинированность частей: например 58-я и 7-я дивизии самовольно перешли в Киев [3].

Как только части перешли в наступление, связь у поарма с дивизиями вновь прервалась. Для установления живого контакта приходилось ехать 3 — 7 дней; телеграмма из поарма доходила до частей через 21—22 дня. Следовательно, работа опять пошла самотеком и стихийно.

До перехода армии в наступление во всех частях стали заново «организовываться школы грамоты, политграмоты, клубы с различными кружками и студиями, проводиться лекции, концерты, митинги. Работа библиотек протекала успешно, происходило усиленное снабжение частей литературой» [4].

Наступление значительно затормозило всю эту работу. Остро

---

[1] Архив ВПАТ, д. 587.

[2] Подробности о работе подива 58 см. ст. Дегтярева, Политотдел в отступлении, «Пролетарская революция», № 12, декабрь 1924 г.

[3] Архив Красной армии, д. 566.

[4] Отчет ПУР'а за 1920 г.

сказывалось отсутствие работников и руководства сверху. Весьма отставала партийная работа, хотя с июня на нее обращалось серьезное внимание, в частности, на воспитательную работу ячеек.

Большая работа производилась поармом 12 в области редакционно-издательской и в области снабжения частей литературой. Все издательское дело было сосредоточено в армии, дивизиям разрешалось в виде исключения издавать бюллетени. В июне поарм выпустил 470 000 экземпляров армейской газеты «Красная армия», 445 000 экземпляров газеты для населения «Украинская беднота», 221 000 экземпляров польской газеты, 1 348 000 экземпляров различных листовок и приказов, а всего 2 641 000 тыс. экземпляров различных изданий. Подбор листовок и приказов, издававшихся поармом на русском языке, не всегда был удачен и достаточно целеустремлен. Кроме того на польском языке в июне было издано еще около миллиона (937 000) различных листовок. Всего за время с 15 апреля по 14 июля поарм 12 выпустил на польском языке 46 воззваний с тиражом в 1 259 000 экземпляров.

Были приняты меры к улучшению экспедирования литературы: установлены штаты экспедиции [1], во время передвижения дивизий экспедиция армии высылала в дивизии по одному ответственному экспедитору, переправа литературы за фронт была возложена целиком на заведующих бригадными экспедициями.

В июне через экспедиционный аппарат армии прошло 20 002 916 экземпляров газет, 837 381 экземпляр листовок, 52 053 брошюры 1 532 экземпляра журналов, 4 380 экземпляров плакатов, 345 экземпляров портретов и 2 799 календарей. Эти солидные цифры не охватывают однако всей продукции, так как учесть дивизионную и местную литературу исчерпывающе точно ни одному поарму никогда не удавалось. На Юго-западном фронте ряд дивизий к тому же вел самостоятельную издательскую деятельность и в частности, несмотря на запрещение поармов, издавал свои дивизионные газеты: 44-я дивизия — «Путь красноармейца», «Шлях Червоноармийця», 25-я — «Чапаевец» и т. д.

Армейская газета «Красная армия» после уроков, вынесенных из первых недель войны, улучшила свою работу, регулярно подавая необходимый материал. 18 мая, использовывая решение черкасских крестьян об организации повстанческих отрядов для борьбы с Польшей, газета выбросила лозунг: «Украинские крестьяне подняли знамя восстания против панов и Петлюры. Шире красные ряды. Теснее боевые цепи. Победа за нами». 27 мая был помещен манифест IV Всеукраинского съезда советов о войне. 28 мая статья «Наши победы», об удачном начале майской операции Западного фронта, кончалась лозунгом: «К Минску, Бресту, Варшаве!» О победах Буденного армия была извещена с опозданием, — лишь 9 июня появились первые известия и лозунги. Но по существу известия об успехах Красной

[1] В дивизии: начальник, делопроизводитель, экспедитор, 16 проводников, 2 упаковщика, расклейщик: в бригаде: заведующий, конторщик, 3 проводника. в полку — экспедитор.

конницы были использованы удачно. «Смелей гоните панов из Украины. Для них готовят могилу польские рабочие и крестьяне!»,—звала газета.

13 июня, извещая армию о взятии Киева, передовая заявляла: «*Основное условие для закрепления нашей победы — это расслоение деревни, победа над кулачеством*». С этого дня — война с украинским кулачеством заняла надлежащее место в органе поарма 12, что свидетельствовало о правильности партийной линии, взятой им, о действительном понимании основных вопросов советского строительства на Украине.

В мае-июне «Красная армия» уделяла достаточно места для разоблачения Петлюры и фиксировала внимание читателей на выступлениях Винниченко, качнувшегося в то время в нашу сторону.

О работе политорганов 14-й армии в этот начальный период кампании, к сожалению, в нашем распоряжении необходимых материалов нет. Газета «Красное знамя» также не дает никаких конкретных материалов об армии. Работала она в течение всей кампании достаточно оторвано от армейских задач. Поарм 14 в этот период, как и в последующее время, был весьма оторван от своих частей и руководить ими как следует, видимо, не мог.

★

Третья армия Юго-западного фронта—*1-я Конная армия*—подошла к фронту лишь во вторую половину мая и должна была приступить к боевым действиям уже 27 мая. Во время перехода с Дона конармии пришлось выдержать ряд весьма серьезных стычек с различными бандитскими шайками, в частности с «самим» Махно. Махно пытался перетянуть некоторые части армии на свою сторону, но это ему не удалось. [1] В армии «ощущался большой недостаток в политработниках; не все наличные политработники удовлетворяли своему назначению; срочно требовалось 2 комиссара дивизии, 7 комиссаров бригад и 15 полковых комиссаров» [2].

Политико-моральное состояние конной армии было в целом вполне удовлетворительным, несмотря на ряд крупнейших недостатков: плохая обмундированность, недостаточность снабжения, антисемитские настроения, партизанские и специфически казацкие пережитки, слабость политаппаратов, парторганизаций и партийно-политической работы. Подив 14 например так характеризовал положение дивизии на 30 мая: материальная часть негодная. Бойцы полуголые и полуголодные, но настроение блестящее, рвутся в бой [3].

Политотдел 1-й Конной армии разделялся на 3 части: 1) агитпоезд, 2) полевой политотдел и 3) тыловой политотдел. (Последний состоял из уполномоченного поарма со штатом: уполномоченный, заместитель его, секретарь, 6 инструкторов и 2 переписчика.) Части эти работали слабо, и политотдел как организация фактически не существовал.

[1] Архив ВПАТ, д. 657.
[2] Какурин и Меликов, Война с белополяками, стр. 114.
[3] Архив Красной армии, д. 176.

Имелась группа политработников, ведущая агитационную работу. Проводились лекции, митинги, были организованы клубы и партшкола, ликвидировалась неграмотность. Во время боевых действий политпросветработа почти замирала [1].

О политико-моральном состоянии 2-й бригады 14-й дивизии сводка писала (за время с 15 по 30 июня):

«Боеспособность красноармейцев неважная, некоторые поговаривают: дальше польской границы они не пойдут, ибо борются за советскую власть только на Украине. К коммунистам отношение сдержанное, держат себя обособленно. Дисциплина неважная. Военкомы полков мало проявляют энергии и инициативы. Военкомы эскалронов за малым исключением совершенно не соответствуют своему назначению» [2].

Некоторое представление о партийной работе в частях армии дает следующая небольшая сводка о работе ячейки дивпродтранспорта 4-й кавалерийской дивизии:

9/VI на собрании ячейки разбирались вопросы· ознакомление с инструкцией ячейкам РКП(б), разбор программы РКП по пунктам, доклад председателя контрольно-хозяйственной комиссии и текущие дела.

16/VI другое собрание с повесткой: о прекращении пьянства, о введении делегатов в РКИ, о начальнике транспорта. Ячейка постановила просить замены начальника дивпродтранспорта за халатное отношение к делу.

16/VI ячейка провела общее собрание красноармейцев с повесткой: о пьянстве и бесцельной стрельбе, о выборе членов контрхозкома.

18/VI ячейка производит перевыборы председателя и секретаря.

Весьма деятельная и практичная ячейка, хотя и проходящая начальные стадии партийной работы [3].

В июне перед политработниками армии все более остро вставали вопросы взаимоотношений с местными жителями, с пленными, вопросы снабжения армии, неотложная потребность резкого улучшения постановки всей партийно-политической работы.

★

Политотдел Юго-западного фронта в мае организовал особую экспедицию, отправившуюся 17 мая на фронт. Экспедиция состояла из вооруженного отряда (отдельный полк) численностью в 821 человек и сессии РВТ. С отрядом следовало 116 политработников во главе с начальником поюгзапа т. Потемкиным, 85 из них работали в самом отряде, остальные находились при штабе отряда. Отряд был более чем наполовину коммунистическим. Экспедиция проводила на местах большую агитационную и организационно-инструкторскую работу, имела ряд боевых столкновений с противником и первая вступила в Киев. Работники экспедиции посетили и проинспектировали поарм 14, 4 подива и политотдел Днепровской флотилии.

Впоследствии поюгзап практиковал инспекции частей совместно с ЦК КП(б)У [4].

---

[1] Архив Красной армии, д. 176.
[2] Там же, л. 120.
[3] Архив ВПАТ, д, 601 и 657.
[4] «Революционный фронт» орган РВС Юго-западного фронта, №№ 9 и 11.

Этот метод «особых экспедиций» для руководства на фронте поармами и частями ни в коем случае нельзя признать целесообразным, даже в столь исключительной обстановке, которая сложилась на Юго-западном фронте. Он свидетельствует о полном отсутствии повседневного руководства и о стремлении возместить потерянное сверхударным порядком. Вместо создания почти коммунистического полка в качестве охраны начальника пофронта и экспедиции целесообразней было бы своевременно пополнить весьма поредевшие ряды политсостава, хотя бы той же 12-й армии. Наконец ответственные работники пофронта должны были пытаться одновременно выехать в поармы и подивы в гораздо меньшем количестве, не втягиваясь обязательно в боевые столкновения с поляками или бандитами.

Кроме того у поюгзапа было много «дыр» в других местах. Так у политотдела упраформа фронта в мае-июне совершенно отсутствовал инструкторско-инспекторский аппарат, а имевшиеся работники были слабыми (по штату полагалось 6 человек).

Между тем за этот срок политотдел упраформа проинструктировал 16 раз запасные полки, 5 бригад, 2 дивизии и упраформ 1-й Конной армии. Было проведено 214 митингов, 212 лекций, 87 концертов и 79 спектаклей. В частях упраформа имелось 19 клубов, 38 школ, 72 библиотеки, 32 читальни, 10 художественных студий и 5 спортсекций с 230 участниками. Школы неграмотных обучили в мае 471 человек, в июне — 610 человек, школы I ступени окончило 95 человек, II — 48.

Снабжение газетами и литературой было поставлено плохо. За май-июнь было распределено всего 138 968 экз. газет [1].

К официальному отчету политотдела упраформа нужно отнестись несколько критически, много недостатков в нем сглажено. Однако нельзя не согласиться с тем, что политотдельцы проводили свою работу довольно энергичным темпом.

Работа политорганов Западного фронта в начале кампании.

К концу апреля Западной фронт, так же как и Юго-западный, не был готов к отпору польского нападения. Находясь долгое время на положении второстепенного фронта, Западный фронт приковывает к себе всеобщее внимание только с этого времени, и с громаднейшим опозданием взялся за действительную подготовку к кампании. Политорганы и парторганизации не были готовы к выполнению требований, выдвинутых новыми обстоятельствами. Поэтому в мае пришлось наспех перестраивать всю работу и дать всему аппарату, нач. составу и в первую очередь политработникам основательнейшую «встряску». В этом отношении особого внимания заслуживает приказ председателя РВСР комиссарскому и командному составу Западного фронта от 9 мая 1920 г., № 213 [2]. Этот приказ явился основной руководящей организационно-политической директивой политорганам фронта. Он

[1] «Революционный фронт» № 8.
[2] Л. Троцкий, «Как вооружалась революция», т. 2, кн. 2, стр. 125.

прежде всего отмечал решающее значение фронта в отличие от прежней «пассивной» роли, и указывал, что «необходимый для полной и окончательной победы перелом настроения еще не достигнут». Вслед за этим он давал несколько узловых указаний — о необходимости внимания к вопросам снабжения и усиленной подготовки материального обеспечения из расчета на длительную и упорную борьбу, об улучшении постановки агитации, в первую очередь о причинах и классовом характере войны,— о примерном поведении, правильном распределении и усиленной работе коммунистов, о сосредоточении усилий комсостава на подготовке частей и пополнений, об усилении борьбы с дезертирством, шпионской и иной агентурой противника.

Для «встряски» работников приказывалось принимать самые решительные и суровые меры.

Основная масса красноармейцев фронта на $^3/_4$, а в ряде дивизий в еще большей пропорции, состояла из молодых пополненцев и бывших дезертиров. По мере развертывания кампании борьбы с дезертирством последних становилось больше. Следовательно, красноармейский состав требовал весьма усиленной и напряженной политической работы. Забегая несколько вперед, необходимо отметить, что политорганы и партийные организации фронта, несмотря на отсутствие предварительной подготовки и на сравнительно малое время, с работой все же справились и справились не плохо.

В изучаемый период на фронте фактически находились 2 армии (15-я и 16-я) с фундаментальными, давно существовавшими поармами. 9 и 18 июня была оформлена организация 2 новых армий — 4-й и 3-й, действовавших до этого в качестве особых групп. Еще ранее — 19 мая [1] было заложено основание небольшой Мозырской группы. Наибольший интерес представляет работа политорганов двух основных армий фронта — 16-й и 15-й, на которых мы в основном и остановимся. К тому же материалы, относящиеся к 16-й и 15-й армиям, несравненно богаче и интереснее [2] материалов других армий.

★

Поарм 16 в зависимости от новых требований стал поспешно перестраивать всю свою деятельность. Главное его внимание привлекли политическая и организационная подготовка частей к решительным боям на фронте и борьба с дезертирством. Работа среди населения, укрепление тыла и вопросы политической работы среди противника также находились в поле его практической деятельности, но занимали относительно меньшее место.

Прежде всего с целью укрепления и подготовки политаппаратов и парторганизаций частей армии, помимо живого инструктажа руководящих работников дивизии и частей непосредственно на местах, который практиковался в армии [3], 28 апреля проводится совещание,

---

[1] Какурин и Меликов. Война с белополяками.

[2] Необходимо к сожалению отметить, что ни в архиве ВПАТ, ни в архиве Красной армии ко времени нашей работы буквально ничего не имелось о работе политорганов и парторганизаций 4-й армии и Мозырской группы.

[3] В «Историко-стратегическом очерке» приводятся следующие данные инструкторской работы поарма: апрель — проинструктировано 7 стрелковых частей и

начальников подивов. На этом совещании разрешаются весьма важные вопросы организации работы [1]. Особо полно прорабатывался вопрос о так называемых инструкторах-организаторах подивов, курсы которых создаются поармом в мае. Было постановлено, что инструктор-организатор в полку является представителем подива и ведет партийную, политическую и просветительную работу, возложенную на него подивом. Он не вмешивается в хозяйственную, оперативную или военно-административную деятельность военкома и в военно-административном отношении подчиняется непосредственно помощнику военкомбрига.

Подив должен иметь 16 инструкторов-организаторов и 4 инструкторов-инспекторов, распределив их по всем отдельным частям дивизии.

Институту инструкторов-организаторов совещание придавало достаточно серьезное значение, он должен был стать весьма важным дополнительным звеном в основном скелете политаппарата (см. приложение 2).

Одновременно с этим был разрешен вопрос об экспедиционных средствах подивов,— создавались «внештатные экспедиционные бригады» (12 лошадей, по 3 на бригаду). Кроме того были узаконены при подивах типографии, бумагу для которых должен давать поарм, и политические школы (со штатом: заведующий, 5 лекторов и 75 курсантов). Наконец на совещании стояли вопросы о взаимоотношениях военкомдивов с начподивами, нуждавшиеся в решительном урегулировании, о централизации политического руководства в руках поарма и подивов, о создании при подивах бюро жалоб.

Совещание разрешило ряд серьезных злободневных вопросов организационно-руководящей работы политорганов и очевидно принесло большую пользу, внеся четкость и ясность в практику работы. Однако приходится удивляться тому, что поарм не заострил внимания на общеполитических вопросах. К сожалению, мы не можем сказать, давалась ли вообще какая-либо политическая директива поармом в этот период (апрель—июнь).

Партийная организация в армии насчитывала в апреле 526 ячеек с 6 843 членами и 3 682 кандидатами, в мае — 467 ячеек с 6 660 членами и 2 167 кандидатами и в июне — 979 ячеек с 1 074 членами и 3 650 кандидатами. Партийная насыщенность армии была вполне удовлетворительной (10—15%) [2]. Состав ячеек также должен быть признан вполне удовлетворительным, хотя численность их все же не-

---

1 тыловая; май — 6 бригадных управлений, 4 стрелковых части и 5 тыловых; июнь — 43 части 4 дивизии и 8 штармовских. Следовательно в мае проинструктировано крайне недостаточное количество частей и лишь в июне наблюдается заметное усиление живого руководства со стороны поарма. В месяцы усиленной работы в дивизиях почти непрерывно находился кто-нибудь из членов РВС или начпоарма. В мае были проведены бригадные совещания военкомов и политруков 8-й и 10-й дивизий, на которых присутствовал начпоарма. Для обследования вновь приезжающих частей выезжали ответственные работники.

[1] Архив ВПАТ, д. 541.

[2] См. ст. т. Бриль, Война и революция, № 11, 1926 г. и Е. Шиловский, На Березине.

сколько и понизилась: в мае насчитывалось на ячейку 19 членов и кандитатов партии, в июне только 14. Рост партии не только не уменьшался даже без специально-вербовочной работы, но наоборот, он несколько усиливался. В частности заметно повышение процента партийного комсостава, 10,9% в январе, до 14,2% в мае и 16,5% в июне. Так как большинство членов партии и кандидатов обладали небольшим партстажем, опытом и политической грамотностью, пришлось весьма основательно нажимать на партийно-воспитательную работу. Между тем обстоятельства требовали одновременного усиления партийной работы среди беспартийных красноармейцев и активизации всей партийной деятельности вообще, что в меру возможности в армии и проделывалось.

Для укрепления и усиления политаппарата и партийных организаций поармом было направлено в части:

	Военкомов	Политруков	На админ. и проч. раб.	Политбойцов	Всего
в апреле	12 чел.	10 чел.	3 чел.	43 чел.	86 чел.
» мае	96 »	107 »	81 »	724 »	1008 »
» июне	43 »	21 »	32 »	336 »	432 »

Основная масса этого пополнения была прислана со стороны, поарм же изъял из своих тыловых частей для усиления фронтовых соединений 112 человек. В свою очередь подивы перебросили из тылов дивизий в боевые части все возможное. Вследствие всех этих мероприятий коммунистическая прослойка в частях армии весьма заметно усилилась, что конечно не могло не отразиться на укреплении боеспособности части. В этом отношении майская и последующая за ней июльская операции были обеспечены. Недостатком работы поарма в деле коммунистического пополнения частей являлась полная неразработанность вопроса о покрытии потерь. В ожидании их быть может было бы целесообразней часть коммунаров попридержать, хотя бы в тыловых частях, если поарм не мог заручиться твердым нарядом на пополнение потерь от позапа.

Поарм, обладая 3 типографиями, проводил большую издательскую работу, выпуская кроме ежедневной армейской газеты «Красноармеец» (тираж 8—10 000) большое количество различных листовок. По подсчетам тт. Бриль и Шиловского из всей литературы (центральной, фронтовой, армейской и дивизионной), если половину ее отнести для обслуживания населения и противника, на каждого красноармейца приходилось в среднем 2 — 3 экземпляра в неделю; в период с 10 апреля по 20 мая на каждого польского солдата — около 2 листовок в день. Из фронтовых органов Москвы и Петрограда армия получала ежемесячно 500 — 600 000 экземпляров газет.

Подобную насыщенность печатным агитационным материалом следует признать вполне удовлетворительной. Особо большую издательскую деятельность поарм развил в июне. В «Историческом очерке» приводится следующий перечень листовок: «Красная армия взяла Киев» — на польском языке 100 000, на русском — 20 000. «Довольно тявкать, вельможный пес!» — 40 000, «Песенка о прорыве» — 50 000, «Солдаты польской армии» — 12 500, «К польским солдатам» — «Ответ

белым» — 17 500, «Солдаты польской армии, бросайте фронт!» — 25 500, «Без пощады к панским поджигателям» — 137 000, «Пилсудский гонит польского солдата на неминуемую и позорную смерть»— 50 000, «Что делает польский солдат» — 50 000, «К товарищам 4-го уланского полка» — 50 000, на польском языке, «Протест рабочих всего мира» — 100 000, «Нас зовут трудящиеся за польским фронтом», «Польские поджигатели» — 15 000, «Два дезертира» — 20 000, «Смерть дезертира» и приказ по армии о борьбе с дезертирством 138 200 экземпляров, 11 листовок по санитарным вопросам, 6 стенгазет и 7 плакатов.

Листовки, выпущенные поармом, страдали некоторыми технически-методическими недостатками. Встречались также отдельные ошибки политического свойства. Например листовка «Довольно тявкать, вельможный панский пес», сообщая о блестящих успехах конницы Буденного и призывая красноармейцев к энергичному наступлению («Вперед за лихой красной конницей. Смерть ясновельможным панам!»), ни одним словом не обмолвилась о том, что поляки-трудящиеся нам не враги, что они обмануты и что мы с ними не воюем. Неупоминание об отношении к полякам-трудящимся приводило к нежелательным эксцессам по отношению к пленным и местному польскому населению, способствовало пробуждению шовинистических настроений в известной части начсостава и красноармейцев. Перечень тем листовок говорит о недостаточном внимании к обслуживанию населения прифронтовой полосы и неприятельского тыла, разоблачению агитации противника.

Армейская газета «Красноармеец» в общем была достаточно «мобильной» в отражении военно-политической обстановки и задач, хотя по существу война также застигла ее врасплох. Вначале события освещались не всегда своевременно. Впоследствии газета выправилась и справлялась с задачами политического обеспечения операции, бросая необходимые лозунги: «Вперед на польских захватчиков и насильников!» «Красный воин Запфронта! На тебя смотрят трудящиеся всего мира. Тебе на помощь спешат славные полки севера, востока и юга. Ни шагу назад. Вперед за счастье рабочих и крестьян! Вперед до полной победы! «Игумен наш, вперед на Минск».

«Красноармеец» умело использовал также различные сведения о реакционных действиях поляков на захваченном ими Правобережьи (например о назначении начальником Подольского округа помещика Кракевича, приказавшего немедленно восстановить частную собственность на землю и леса), данные о белорусском национальном и крестьянском движениях в тылу поляков.

Таким образом армейская газета фактически возмещала отсутствие политических директив со стороны поарма, давая общие и конкретные лозунги политического обеспечения и материал для агитационной работы среди своих войск, населения и даже среди польских солдат. Происходило это потому, что редакция газеты была достаточно квалифицированной. Кроме того для руководства редакционно-издательской деятельностью при поарме было создано специальное бюро из начальника поарма, редактора газеты и нескольких ответственных политработников.

Поарм вел большую культурно-просветительную деятельность. При нем существовал даже так называемый «Красноармейский университет», учреждение весьма солидное, почтенное, но малоподвижное и не совсем ко времени задуманное и созданное. Кстати, поарм 16 тоже хотел создать у себя свой «Красноармейский университет», но позап и ПУР не разрешили. В Могилеве имелся «1-й Показательный красноармейский театр», ряд студий и всевозможных театральных мастерских. К чести поарма 16 необходимо отметить беспрерывную и настойчивую работу, которую он проводил по совершенствованию обслуживания частей и руководства ими. В мае была выделена на ст. Крупки полевая литэкспедиция для снабжения передовых частей, а на ст. Орша организован передвижной пункт по снабжению тыловых частей дивизий 8-й, 17-й и 27-й и вновь прибывающих частей. Полевая литэкспедиция работала также над постановкой работы экспедиций дивизий и снабжала авиасилы литературой для противника.

Серьезное внимание политорганами армии уделялось борьбе с дезертирством. Проведенная агитационная и организационная работа дала вполне удовлетворительные результаты. Основные дивизии армии — 8-я, 10-я, 17-я и вновь прибывшая 27-я расценивались как вполне боеспособные, 2-я дивизия и 57-я, находившиеся до выделения Мозырской группы в армии, признавались менее боеспособными.

Политпросветработа в старых дивизиях проводилась очень интенсивно, и даже майское наступление не только не снизило темпа работы, но наоборот усилило ее. Цифровые данные армии рисовали следующую картину:

Проведено:	митингов	лекций	собеседований	концертов	спектаклей	Итого
апрель	362	144	735	68	128	1 407
май	329	160	867	133	193	1 682
июнь	337	143	687	89	260	1 507

На 1 июля по всей армии насчитывалось 199 школ I ступени с 8 037 учениками и 34 школы II ступени с 844 учениками.

Интенсивная политическая работа, проводившаяся во вновь прибывшей в распоряжение армии 2-й дивизии, в июне имела своей основной задачей подготовку нового пополнения. Коммунисты получили задание: «ведя политическую обработку, не забывать и строевой, придавая последней партийную окраску, возбуждая строевое и политическое соревнование»[1]. Подив давал директивы листовками, политическими приказами и инструктажем. 12 июня было проведено дивизионное совещание политических руководителей с повесткой дня: доклады с мест, ближайшие задачи работы, организационные вопросы, борьба с контрреволюцией. На совещании утвердили «инструкцию подива по проведению политработы в частях и сконструированию бюро коллективов и ячеек». Подив проводил не малую издательскую деятельность. С весны и до июля им изданы листовки: «Не пере-

[1] Архив ВПАТ, д. 542.

ходи границу» — 2 000 экземпляров, «О предохранительных прививках» — 2 000 экз., «Порховская молодежь, проснись!» — 500 экз., «Красный командир» — 2 000 экз., «К старым стрелкам» — 1 500 экз., «О холере» — 2 000 экз., «О бюро жалоб» — 1 000 экз., 2 аншлага о победах на Юго-западном фронте по 100 шт. и конспект лекции «Религия и коммунизм» — 500 шт. Перечень издательской деятельности подива говорит о ее беспланости, нецелеустремленности и плохом обслуживании новых задач.

В дивизии существовало 44 клуба (цифра весьма значительная; «клубами» считались видимо и теперешние ленуголки) и 46 школ. Литэкспедиция дивизии имела 5 «пунктов распространения», из которых литература доставлялась в части на обывательских подводах.

Слабым местом в политработе дивизии, в состав которой входила компактная группа красноармейцев-татар, являлось отсутствие коммунистов-татар и татарской литературы.

В другой вновь прибывшей в распоряжение армии дивизии — 27-й насчитывалось 2 119 членов партии и 882 кандидата; партийная насыщенность превышала среднюю общеармейскую. Недостатком партийной работы 27-й дивизии было отсутствие ротных ячеек, которые стали создаваться лишь в конце мая, в июне. Так как в дивизии было 2 457 человек неграмотных и 3 061 человек малограмотных (12 и 15% состава), подив провел «месяц ликвидации неграмотности» и создал 51 школу, охватившую 1 861 бойца. Дивизия имела 16 полковых, 3 бригадных и 1 дивизионную библиотеки с 23 500 книг, 30 батальонных, 15 полковых и 1 районный клуб. Но клубы были плохо оборудованы.

В частях, непосредственно подчиненных штарму 16, работа была поставлена хуже, чем в дивизиях: нехватало средств на политпросветнужды, политических и культурных работников. Из-за разбросанности и постоянных передвижений работа затруднялась еще более. Партийная насыщенность была достаточной, хотя например в частях снабжения имелась только 1 ячейка с 9 членами. В артиллерийских частях насчитывалось 8 ячеек с 105 коммунистами, в инженерных — 16 ячеек с 278 коммунистами, в частях ВОСО (военных сообщений) 30 ячеек с 813 коммунистами, в ударной артиллерийской группе армии — 19 ячеек с 875 коммунистами [1].

Основной тон политобеспечению майской операции 16-й армии был дан известным приказом предреввоенсовета № 214 — 10 мая. Содержание политической агитации, ее лозунги и направление даны были тезисами ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи».

Тезисы прежде всего вскрывали пружины международной политики и разоблачали авантюристско-захватническую политику Польши. Выражая твердую уверенность в победоносном исходе войны («Шляхта и буржуазная Польша будут разгромлены. Польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику»), тезисы предупреждали о неизбежности «крайне напряженного и упорного характера борьбы».

[1] Архив ВПАТ,. л. 542.

«Мы с самаго начала провозгласили и в дальнейшем подтвердим делом, — говорили тезисы, — что разгром напавшей на нас польской белогвардейщины *ни на иоту не изменит нашего отношения к независимости Польши*».

Центральной задачей политической работы тезисы ставили выяснение каждому красноармейцу, «что война с Польшей есть его война за союз с социалистическим пролетариатом Польши и с пролетариатом Европы и всего мира».

Конкретная обстановка 16-й армии в дополнение к общеполитическим задачам выдвинула ряд местных задач, как-то:

1. Организационное, политическое и военностроевое сколачивание частей армии, пополнившихся больше чем наполовину сырым политически и мало подготовленным в военном отношении молодняком, с большим некомплектом командного и политического состава.
2. Борьба с дезертирством и другими антиморальными явлениями.
3. Борьба с агитацией противника, подготовка и развитие усиленной политической работы среди польских войск.
4. Усовершенствование работы тылов и специальных частей. Укрепление и милитаризация работы гражданского тыла.

По свидетельству неоднократно уже упоминавшихся нами, тт. Бриль и Шиловского поарм и другие политорганы армии справились с задачами политического обеспечения армейской операции только на первом подготовительном этапе. В последующие этапы работа пошла самотеком. Поарм перед операцией совершенно не продумал весьма важные вопросы, которые всплыли впоследствии и которые, хотя и не полностью, но все же можно было предусмотреть (вариант на случай неудачи наступления, вопрос о коммунистическом пополнении, об аппарате и средствах советизации вновь занимаемых районов и т. п.).

★

О работе политорганов *15-й армии*, к сожалению, нет таких подробных и частью даже систематизированных материалов, как это имеется в отношении ее левофланговой соседки — 16-й армии.

На 1 июня политпросветработа частей армии представляла следующую картину:

	Школ	Учащихся	Клубов	Постоянных библиотек
15 кавалерийская дивизия . . .	17	316	9	56
53 стрелковая » . . .	26	520	7 и 48 изб-чит.	81
11 » » . . .	72	1022	21 и 9 изб-чит.	68
4 » » . . .	51	851	12 и 69 изб-чит.	61
56 » » . . .	47	940	15	23
48 » » . . .	30	450	16 и 89	129
18 » » . . .	74	1042	—	8
6 » » . . .	25	—	10	50
	385	6 532	105	577 + 56 передвижн.

За июнь в частях армии было распространено — 580 835 экз. армейской газеты «Красная звезда», 377 430 экз. воззваний и приказов, 84 151 экз. центральных газет, 28 477 экз. местных газет, 7 184 экз. национальных газет, 2 973 экз. журналов, брошюр и плакатов [1]. Из этих цифр (данные учета поарма повидимому неполные) видно, что 15-я армия снабжалась литературой значительно слабее 16-й.

В нашем распоряжении совершенно нет данных о численности, составе и организационной работе партийных организаций армии этого периода.

Что касается содержания политической работы оно так же, как в 16-й армии, в основном исходило из тезисов «Война с Польшей и наши задачи». Однако в частях нужной целеустремленности политической работы не было. Это видно хотя бы из перечня (неполного) тем политзанятий, проводившихся в 1-й, 11-й, 16-й и 33-й стрелковых дивизиях в июне: Интернационал, текущий момент, Юго-западный фронт, международное положение, к чему стремится советская власть и Красная армия, панская Польша и Советская Россия, III Интернационал, мир видимый и невидимый, земельный вопрос, производственное потребление и организация производства, пролетарское искусство, крестьянские коммуны, отделение церкви от государства, национальный вопрос и коммунизм, о дисциплине, положение на фронтах, социалистическое отечество в опасности, национальный вопрос, экономическая разруха, о субботниках и т. п.

Работа строилась без всякого плана и единства, местам предоставлялась широчайшая инициатива.

В 4-й стрелковой дивизии основными задачами перед наступлением являлись «агитация среди беспартийных красноармейцев и углубление теоретических знаний членов партии». Подив обязал все ячейки создать теоретические кружки: 1) кружки низшего типа с задачей чтения программы партии и различных политических брошюр, 2) высшего типа, в которых читались лекции и рефераты по определенной программе. Кружки создавались при полковом бюро и бюро артиллерийских дивизионов. С наступлением «теоретическая» работа, как и следовало ожидать, расстроилась. Все внимание сосредоточивалось на текущей агитации с целью поднятия боевого духа. Весь инструкторский аппарат подива был брошен на это дело. Ни одна часть не была оставлена без инструктора. Инструктора являлись из частей в подив один раз в 3 дня или присылали письменные доклады. Такая форма руководства частями и работы по мнению подивцев была очень удачной. Во время отступления руководство ослабело и фактически нарушилось, только после ослабления натиска поляков политаппарат вновь взялся за восстановление боеспособности и наступательного порыва [2].

Сводки подива 4 сообщали [3]:

10/V — в 10-й бригаде: мало получается газет; в 11-й: проведено 7 бесед и 2 митинга, организовано 3 ротных ячейки, театружок, 3 школы грамоты, 2 избы-читальни, проведены беседы с крестьянами, спектакль, нехватает 2 политруков.

[1] Архив ВПАТ, д. 732.
[2] Архив Красной армии, д. 60/362/с.
[3] Там же, д. 74/338/с.

13/V — в 10 бригаде: совещания политруков об обязанностях коммунистов и политруков на фронте и о борьбе с листовками белых.
22/V — не достает агитлитературы, в частности о советской конституции.
27/V — нужно возможно больше политработников.

Сводки 16-й стрелковой дивизии:

46 бригада 27 и 28 мая — субботники.
30/V — 136 полк собрание политработников: «о задачах политработы на фронте». Решили — максимально напрячь силы, чтобы партийная работа «не заглохла».
1/VI — в походе играли 2 гармошки, поются песни, выбрасываются лозунги «Даешь Варшаву» и др.
По 20/VI — проведены лекция — «Земля и человек», митинги и собеседования. Все рвутся на позиции: «Даешь Варшаву».
По 30/VI — проведено 30 собеседований: «За что Польша воюет с Советской Республикой», «Что такое РКП», «О нашей разрухе в Советской Республике», «Задачи Антанты и за что идут против советской власти», «О с.-х. коммуне», «Как прожить на коммунистических началах» [1].

Политико-моральное состояние красноармейцев армии было почти таким же, как и в 16-й армии. Дрался красноармейский состав в майском наступлении прекрасно. Несмотря на недостатки в организации и во всей вообще постановке партийно-политической работы, командование, политорганы и парторганизации сумели повести части армии в наступление. Однако, из этого общего правила были и единичные исключения. Весьма характерен в этом отношении пример 98-го полка 33-й бригады 11-й дивизии [2].

Перед наступлением из рот этого полка стало поступать много заявлений о нежелании итти в наступление. Полк даже самовольно оставил позиции и крайне медлил во время общего наступления. Не помог делу и приезд дивизионного начальства. Тогда, 14/V представитель поарма 15 созвал заседание бюро коллектива с представителями рот и команд для обсуждения следующих вопросов: 1) о комсоставе полка; 2) о командире полка; 3) о военкоме полка; 4) о комбате 2, комроте 6; 5) о неполучении жалованья; 6) о квартирном расположении полка; 7) о занятиях.

На заседании выявился полный отрыв командира и военкома полка от красноармейцев и партийцев, дикие извращения дисциплины, крайняя слабость политической работы и т. п.

Совещание постановило: «ослабить «военщину» полка и вместе с тем поднять политическую и культурно-просветительную деятельность за счет уменьшения строевых занятий ввиду обученности красноармейцев. Ординарцев комполку назначить комячейке и из нестроевых, а существующего строевого сместить».

«Военком полка деспотично обращается с красноармейцами, просить поарм принять соответствующие меры» и т. д.

«Дело 98-го полка» по своей необычности, несмотря на всю существовавшую в то время разношерстность и неурегулированность политработы, представляет исключительный интерес. Оно проливает весьма яркий свет на все недостатки тогдашнего руководства в диви-

[1] Архив Красной армии, д. 59/792.
[2] Там же, д. 59/909/с.

зии и в армии, на существовавшие еще некоторые отрыжки «комитетчины» и т. п.

О состоянии партийно-политической работы в тыловых и специальных частях армии можно судить по оригинальному документу из практики XII этапного батальона армии [1]. 15 июня в этом батальоне происходила «Всеобщая конференция», на которой вместо протокола был написан «Акт» («штиль» документа тоже кое-что говорит об уровне политработников этапных частей). Повесткой дня «Всеобщей конференции» были: 1) «Текущий момент», 2) «Политработа»; 3) «Культработа»; 4) «Контрхозкомработа» [2]; 5) «Санположение» и 6) Текущие дела. Таким образом «конференция» имела по существу важное и универсальное предназначение. На ней выяснилось, что дело с политической работой обстоит достаточно скверно, нужно начинать с «азов». По первому вопросу конференция постановила «не верить слухам, проводить весьма часто митинги и собеседования с красноармейцами и местными жителями». По второму: констатировать, что «политработа действительно ничтожна в этапах», организовать при пересыльной части в этапах агитпункты, не реже 2 раз в неделю проводить с красноармейцами и проходящими лекции и собеседования на политические темы, с арестованными же проводить летучие митинги. Агитаторов просить от местных организаций, пособий — от поарма 15. В крайнем случае проводить работу военкомбату. Установить дежурства партийцев. О контрхозкомработе решено: «обязательно приобрести инструкцию и положение о контрольно-хозяйственных советах, хотя бы в 2 экземплярах на этап».

«Акт» этой «всеобщей конференции» рисует картину обычной участи заброшенных политорганами тыловых организаций, партийно-политическая работа в которых была «действительно ничтожной». Подобное состояние политической работы в частях ВОСО не могло не отражаться в отрицательном смысле на обслуживании операций армии. И если тылы являлись ахиллесовой пятой красных армий польского фронта, не лежит ли одна из важнейших причин этого явления в столь «ничтожной» политической работе в них, в постоянном выкачивании из тылов коммунистов в передовые части?

В первые месяцы кампании армейская газета «Красная звезда» плохо обслуживала нужды политического обеспечения операций армии. Выше уже говорилось о совершенно недопустимом тоне «шапками закидаем», господствовавшем в газете вплоть до первых боевых столкновений. 7 мая, в период подготовки майской операции, газета поместила руководящую передовицу с нелепым заголовком: «Единая, неделимая Красная Русь» и ни единым словом не обмолвилась о том, что мы не покушаемся на независимость Польши и не воюем с трудящимися Польши. Так как никаких политических лозунгов газета к наступлению не выбрасывала вплоть до 20 мая, этот устряловский лозунг читатели газеты должны были принять за знамя всей кампании. Только 20 июня помещением воззвания ВЦИК «К польским

[1] Архив Красной армии, д. 59/177 с.
[2] Работа контрольно-хозяйственной комиссии.

солдатам», был положен конец «единой, неделимой Красной Руси» и агитация получила правильную политическую линию.

Майское наступление армии и июньские бои газета в общем почти не обеспечивала. Успехи армии в мае использовывались газетой плохо, неудача в июне совершенно не освещалась, бойцы не мобилизовывались для стойкого сопротивления белополякам.

Поарм 15, обладая большим хотя и неподытоженным опытом работы, с первых же дней кампании старался применять самые гибкие способы руководства. Выделенный заблаговременно полепоарм весьма энергично налаживал работу. 5 мая полепоарм находился в м. Бешенковичах. Редакция и литэкспедиция — в Витебске (повидимому отсутствием непосредственного руководства со стороны начпоарма и объясняются недостатки армейской газеты). 31 мая начальник поарма телеграммой из полепоарма установил разграничение функций между полевым и тыловым поармом (см. приложение 3).

Отход нарушил связь с частями и работу полепоарма.

10 июня полепоарм предложил всем военкомдивам и начподивам устанавливать связь с поармом во время боев, так как в прошлых боевых столкновениях связь отсутствовала и политорганы дивизии не старались ее иметь. Подивы запрашивались, какие ревкомы ликвидированы в связи с отходом.

Полевой поарм складывался постепенно. Нельзя отказать работникам поарма 15 в настойчивом стремлении организационно усовершенствовать свою работу. В отличие от поарма 16, поарм 15 много времени уделял вопросам предстоящей советизации новых районов и закрепления тыла.

Наличие указанных положительных сторон в работе поарма 15 не устраняет вместе с тем и больших недостатков, имевшихся в его деятельности. Бросаются в глаза отсутствие руководства по содержанию политработы и недостаточное внимание работе низовых политаппаратов и парторганизаций. Даже политотделы дивизии не получали достаточного руководства.

По содержанию политработы поарм издал только один не выдерживающий критики документ: указание всем начальникам подива от 12 мая, т. е. накануне наступления, о проведении в частях «грандиозных митингов» на тему «опасность с Запада».

Впоследствии, когда 15-я армия встретила упорное сопротивление и начала отступать, поарм должен был бы дать новые указания о содержании агитации, но и этого он не сделал. В течение двух месяцев поарм не дал также ни одного указания по содержанию работы среди населения и войск противника.

★

3-я армия оформилась только в начале июня. Ее поарм в течение всего июня «налаживал» свою работу и разумеется не мог в этот период руководить частями. 18 июня начальник поарма безрезультатно просил у члена РВС передать в его распоряжение типографию 29-й дивизии, которой владел снабарм. 20 июня поарм, подготовляя совме-

стно с Лепельским укомом РКП [1] выпуск бюллетеня, горько жаловался в политсводке на отсутствие редактора газеты и вообще многих работников [2]. «Детский возраст» поарма продолжался весь июнь, даже в конце июня поарм не имел, например, литиздатотдела [3].

Политработа в частях армии шла самотеком и регулировалась только подивами.

В 21-й дивизии на 19 июня насчитывалось 792 члена партии и 246 кандидатов [4]. Состояние дивизии было вполне удовлетворительным. Политработа строилась правильно и достаточно целеустремленно. В других дивизиях армии дело не везде обстояло так благополучно. Так, в 5-й дивизии, на ряду с действительно необходимыми политическими вопросами занимались и «происхождением религии и креста», «что такое социализм» и т. п. Однако та же 5-я дивизия энергично боролась со всеми недостатками работы. Когда политсводка поарма от 20 июня сообщила, что в дивизии недостает партийных сил и политруков, политработа не ведется и мало литературы, дисциплина неудовлетворительная и обостряются отношения с местным населением, подив 5 провел совещание бюро коллективов РКП(б) дивизии, на котором выработал «единый организационный план» работы и «инструкции бюро». После совещания во всех частях закипела работа по восстановлению партийных рядов; повсюду были проведены партсобрания (повестка их: о дезертирстве, как советская власть заботится о красноармейских семьях, что такое коммуна, за что борется ВКП(б), продовольственный вопрос, дисциплина, война с Польшей, о поднятии политработы, внутренняя жизнь частей), беседы, митинги и усиленные читки газет с красноармейцами.

Все дивизии армии после отхода весьма интенсивно восстанавливали свои ряды. Начальник политпросвета поарма произвел обследование и живой инструктаж частей, установив следующее:

5-я дивизия — работа только восстанавливается, учет политпросветработы еще не налажен; 21-я дивизия — насчитывала в тыловых частях 407 неграмотных, имела 8 школ и 150 учащихся, 140 библиотек; 56-я дивизия — учтено неграмотных 804, малограмотных 690, имеется школ — 37, учащихся — 136 неграмотных и 177 малограмотных, 75 библиотек.

В конце июня поарм выпустил первую листовку: «Ловите шпионов».

★

Поарм 4 находился в таких же тяжелых условиях, как и поарм 3. 25 июня начальник поарма 4 в докладной записке начальнику позапа [5] писал: «Лишь после долгих поисков удалось достать помещение для поарма, но оно «грязное, занавоженное, без рам и без стекол». Самим пришлось реквизировать у населения мебель. Не было средств ни на

---

[1] Архив Красной армии, д. 199/864.
[2] Там же, д. 72/187/с.
[3] Там же, д. 234/499.
[4] Там же, д. 199/828.
[5] Архив ВПАТ, д. 4-й армии (св. 77 д. № 20 — по старой номенклатуре).

работу, ни для сотрудников. Штарм также ничего почти не имел. У поарма совершенно отсутствовали работники («нет помощника, начальников частей, отдела снабжения, финчасти и общего отделения»), в дивизиях большой некомплект военкомов.

«Несмотря на все эти неблагоприятные условия, — писал начальник поарма,— можно с уверенностью сказать, что за короткий промежуток времени (с 21 июня) много сделано в смысле налаживания аппарата поарма, установления связи с дивизиями и установления общего плана политработы в армии. У меня уже имеется в достаточной степени ясное и полное представление о дивизиях и состоянии в них работы. Мною уже заслушаны доклады трех начальников подивов. На 30 июня мною созывается совещание всех начальников подивов армии. Уже поставлено снабжение дивизий газетами московскими, петроградскими и смоленскими... Отправлен один товарищ в Витебск для подыскания там хоть некоторого количества канцелярских сотрудников и один в Москву в ПУР за канцелярскими принадлежностями, литературой и т. п. Приняты меры к созданию комячеек в учреждениях штарма 4, где их почти нет. Приступило к работе информационное отделение... тоже — учетное... Издан ряд приказов по политотделу... Большая часть как моей лично, так и моих сотрудников энергии уходит на организацию канцелярии и технического аппарата, без чего невозможна широкая организационная работа. Много мешает также налаживанию нашей работы наличие здесь бок о бок с нами поарма 15 с его по сравнению с нами мощным аппаратом. Помощи никакой мы оттуда не получаем и получить не надеемся, а что касается помех, то их оттуда более чем достаточно. Считаю необходимым поднять вопрос о переводе одной из армий со всеми учреждениями в какой-нибудь другой пункт».

Работа учреждений штарма характеризовалась начальником поарма весьма «расхлябанной», дивизии армии — «крайне расшатанными».

«Некоторые потеряли 60 и более процентов своего наличного состава и пополнений не получали. Настроения в дивизиях, кроме 53, где настроение ниже среднего, удовлетворительные и хорошие. Поарм 15, зная, что эти дивизии отходят от него, последний месяц совершенно не снабжал их ни работниками, ни литературой, ни техническими средствами... В 10 кавдивизии положение очень скверное и не имеется подива. Конкорпус... приехал почти при полном отсутствии политработников».

4-я армия только-что создавалась, войска, входившие в так называемую северную группу, вышли из майско-июньской операции в достаточно тяжелом состоянии, позап ничем, кроме энергичного начальника, поарм не обеспечил, поарм 15 вместо помощи по традиции местнического патриотизма «умывал руки» (в лучшем случае).

Начальник поарма 4 сразу обратил внимание на наиболее слабые места работы и взял линию на планирование работы в армейском масштабе, чем ни один из поармов не занимался.

★

Сравнивая организацию и первоначальный период работы поармов 3 и 4, мы видим у них много общего. Приступая к формированию 2 новых армейских политотделов, *позап* совершенно не обеспечивал это мероприятие ни руководящими и техническими работниками, ни типографско-издательскими средствами, ни денежными и прочими материальными ресурсами партийно-политической работы. Указания основным поармам фронта (15 и 16) об их обязанностях в отношении вновь формируемых политотделов грешили недостаточной полнотой и отсутствием четкости. Такое, с позволения сказать, формирование

привело к большим издержкам в последующих операциях и должно быть признано крупнейшим недостатком в работе. Между тем позап обладал большими финансовыми и материальными ресурсами, имел много ответственных работников, а главное — достаточно времени, чтобы продумать и соответственно подготовить организацию 2 новых поармов.

Хотя в нашем распоряжении нет материалов о создании и деятельности политотдела Мозырской группы, все же можно не сомневаться, что и о Мозырской группе позап заботился не больше.

В деятельности позапа наибольшее развитие получили литературно-издательская, снабженческая (работниками и политпросветимуществом) области и работа отделов агитпунктов и агентурного. Однако деятельность организационно-осведомительного и агитационно-пропагандистского отделов в поармах и в дивизиях почти не чувствовалась. В нашем распоряжении совершенно отсутствуют какие-либо материалы о том, как позап подготовлял кампанию, в частности — майское наступление. Повидимому позап ничем не отметил эти этапы кампании, предоставив поармы самим себе. Во всяком случае никаких воззваний, политических приказов, директив или тезисов в начале кампании позап частям не давал.

Общеполитическую и конкретно-фронтовую установку для политработы давали московские тезисы «Польский фронт и наши задачи», печать и ряд приказов и директив реввоенсовета.

Особенное развитие, как уже сказано выше, получила работа литиздата позапа. Были созданы польское, белорусское, литовское и еврейское отделения. Агитационная литература выпускалась в больших размерах. К началу кампании было издано 94 названия с тиражем [1] в $5^1/_2$ млн. Официальные ведомости литиздата позапа дают сведения, помещенные на стр. 71.

Судя по этим сведениям [2], с начала кампании литературно-издательская деятельность позапа из месяца в месяц значительно расширялась. Однако это расширение происходило главным образом в области политически-агитационной литературы. Между тем литература санитарно-просветительная, военноинформационная и художественная издавалась в ничтожных размерах.

Большую работу позап провел над улучшением снабжения литературой своих частей и противника. В этом отношении особенно в снабжении противника удалось добиться некоторых успехов, но далеко недостаточных. Плохо происходило снабжение частей литературой во время боевых передвижений, крайне недостаточно и непостоянно доставлялась литература для местного населения.

С 8 июня позап совместно с ЦК КП(б)Б иЛ стал выпускать большую фронтовую газету «Звезда». Давая всегда достаточно политически выдержанный и богатый материал, эта газета могла бы при условии аккуратной доставки в части заменять официальные директивы позапа.

---

[1] Кадишев, Военная печать. Б. С. Э., т. XII.
[2] Архив ВПАТ, д. 679.

Характер литературы	Месяц	Род литературы						Язык					Кол. изд.	Тираж
		листовки	плакаты	брошюры	журналы	газеты	открытки	русский	польский	литовский	белорусский	еврейский		
1. Политическая и агитационная	январь-март 1920 г.	61	7	7	23	39	2	54	62	13	9	1	139	2 823 981
	апрель	43	1	8	6	25	2	41	32	7	4	1	85	3 077 900
	май	56	3	21	5	27	3	62	38	12	2	1	115	3 717 490
	июнь	59	3	20	2	61	—	103	31	6	3	—	145	4 865 100
2. Военная	январь март	2	1					3					3	1 100
	май	8	—					8	1				9	433 800
	июнь	21						20	1				21	456 010
3. Научно-популярная	январь-март	7	1	8				16					16	139 500
4. Политико-экономическая	май	2	—					3					3	61 000
5. Лит.-художественная и сатирическая . .	январь-март	—	—	1	6	1	—	8					8	105 150
	апрель	1	—	—	4	—	1	6	—	—	—	—	6	642 000
	май	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	75 000
	июнь	3	50	1	1	—	—	54	1	—	—	—	55	100 774
6. Военно-информ. . .	январь-март	13	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	13	29 150
	апрель	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	150
	май	1	—	1	—	—	—	2					2	1 100
	июнь	1	—	2				3					3	1 250
7. Биографич.	январь-март	1	—	1				2					2	45 000
8. Санитарно-просвет.	январь-март	2						2					2	31 000
	май	2						2					2	100 000

Комплектуя части фронта политсоставом, выделяемым ПУР'ом и местными организациями, позап своими средствами вел работу по созданию квалифицированных кадров политсостава. Были созданы 2-месячные фронтовые курсы, на которых готовились политработники-универсалисты и специалисты-педагоги, клубники, библиоте-

кари и даже юридические работники. Покойный т. Степанов [1] приводит программу этих курсов. В программе ярко бросается в глаза одно разительное обстоятельство: она давала солидные знания по разнообразнейшим вопросам — общенаучным, политическо-партийным, узко техническим, но ни одним краем не затрагивала ни войны с Польшей, ни истории Польши и ее революционного движения, ни географии и экономики Польши.

С апреля в ведении позапа осталось 19 агитпунктов [2], расположенных на всех узловых железно-дорожных станциях. Главной их задачей являлось: обслуживание переходящего красноармейского состава, беженцев, военнопленных, железнодорожников и местного населения. Агитпункты распространяли текущую периодическую печать, организовывали митинги, спектакли, концерты, киносеансы, лекции, выдавали различные справки, принимали жалобы, организовывали избы-читальни, библиотеки и школы для беженцев. Отдел агитпунктов обладал собственным снабженческим аппаратом и самостоятельно подготовлял себе работников. Однако он не мог создать инструкторский аппарат из-за отсутствия соответствующих работников. Местные советско-партийные организации принимали в работе агитпунктов весьма малое участие. По оценке ПУРа состояние агитпунктов было весьма неудовлетворительным:

«Помещения грязные, напоминающие сараи. Библиотеки заброшены, митинги устраиваются редко, несмотря на суточные простои проходящих эшелонов. Заведующие агитами не на высоте. В хозяйственной части обнаружена небрежность и даже злоупотребления... Помимо отсутствия хороших инструкторов, агитаторов и заведующих агитацией работа тормозится в сильной степени отсутствием... средств».

Большую работу позап проделал в мае — июне по борьбе с дезертирством. С 15 мая по 1 июня была проведена специальная кампания по очистке района Западного фронта от дезертирства. Смоленская, Витебская и Гомельская губернии были объявлены на военном положении. РВС фронта и командование при участии позапа издали ряд политических приказов по армиям фронта, ревкомам и ряд воззваний к населению.

Известно, что предпринятые фронтом административные, судебно-карательные и политически-агитационные мероприятия привели к блестящим результатам. Фронт получил почти 100-тысячное пополнение из бывших дезертиров. Дезертирство же из частей свелось к минимальным размерам.

Политическое обеспечение июльского наступления.

Из майско-июньской операции армии Западного фронта вышли с достаточно заметными потерями. По подсчетам т. Мовчина [3] в среднем потери составляли 20% состава, доходя в отдельных частях до 35%. Между тем дивизии пополнились в среднем только на 50% к коли-

---

[1] И. Степанов, С Красной армией на панскую Польшу.
[2] Архив ВПАТ, д. 679.
[3] «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы».

честву потерь [1]. Неудача майской операции, отразившись отрицательно на политико-моральном состоянии некоторых отдельных частей, в целом устойчивости и боеспособности войск не поколебала. В период до июльского наступления во всех частях проводилась интенсивная партийно-политическая работа по залечиванию ран и по подготовке к новому удару по белопольскому фронту. Опыт майско-июньской операции не прошел бесследно для политорганов и парторганизаций частей. Насколько позволяли обстоятельства, его подытожили и учли в подготовке июльского наступления. В частности, несколько улучшилась руководящая работа поармов, которые полнее учли потребности политического обеспечения операции.

Перед июльским наступлением *поарм 15* разослал подивам следующую директиву [2]:

Секретно. Циркулярно. Подивам 2, 11, 16, 27, 33, Запполкарм 15, Запбатарм 15.

«Подготавливая части к новому наступлению, необходимо развить за него широкую агитационную кампанию, используя все возможности спокойной стоянки частей, путем устраивания митингов, собраний, собеседований.

В период отступления армии аппараты снабжения дивизий пришли в расстройство. В связи с этим необходимо обратить серьезное внимание на постановку дела снабжения на достаточную высоту. Для чего подивы должны выделить группу ответственных товарищей для усиления аппаратов снабжения дивизий. Следить за работой комиссаров и требовать, чтобы все работники снабжения работали с максимальной энергией и расторопностью.

Считаясь с тем, что в районах расположения армии немало враждебных нам элементов и польских шпионов, обратите внимание и окажите полное содействие в работе Особого отдела. Выделите также и для этой работы группу товарищей.

В противовес влиянию польскому и работе контрреволюционных элементов, необходимо также усилить работу среди местного населения путем выделения ответственных товарищей для работы в отделе ревкомов при подиве, усилить агитработу среди местного населения. В связи с этим необходимо наблюдать за тем, чтобы опродкомдивы в своей работе не выходили из рамок директив данных опродкомармом и своей неумелостью и плохой постановкой дела не вызывали бесцельного враждебного настроения к нам местного населения. Совместно с комиссаром дивизии в корне пресекать всякие бесчинства и самодурства отдельных комиссаров и командиров.

Обратите внимание на постановку санитарного дела в дивизии. Необходимо добиться более лучшего ухода за больными и ранеными красноармейцами в лазаретах».

Директива поарма 15 являлась безусловным достижением, так как поарм впервые в данной кампании попытался в известной мере планировать работу в армейском масштабе и под углом нужд политического обеспечения. Но директива все же не указывала необходимых элементов политического содержания работы среди своих частей и населения, и вообще не давала никаких указаний о работе (или подготовке работы) среди польских войск. Наконец, она не была достаточно конкретной, диференцированной по дивизиям, запасным частям и т. п. В этом — ее минусы.

---

[1] Какурин и Меликов, Война с белополяками.

[2] Архив Красной армии, д. 59 — 917 с. На директиве (как это часто бывало в политотделах) отсутствует точно обозначенная дата. По всем другим материалам можно предположить, что документ издан в первых числах июля или в конце июня.

Отсутствие указаний о содержании работы политорганы дивизии вынуждены были возмещать собственным творчеством и использованием газет, листовок и политических приказов фронта и армии. Армейская газета «Красная звезда», значительно выправившись по сравнению с предыдущими месяцами, также давала некоторый политически-руководящий материал. Тем не менее, соблюдая интересы военной тайны, она ничего не писала о готовящемся наступлении, выдвигая лишь общие лозунги. Но после первых успехов она ежедневно приковывала внимание читателей к задачам наступления, выдвинув с 1 июля лозунги: «Напряжем всю нашу боевую мощь!» «Ударим сильней, чтоб скорей наступил желанный конец». «На Минск, Вильно, на Варшаву — вот наша задача».

11/VII, с значительным опозданием, был помещен политический приказ РВС фронта № 1423 от 2/VII:

«Пробил час расплаты. В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского... Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках принесем счастье и мир трудящемуся человечеству. Пробил час наступления! На Варшаву, Минск, Вильну — марш!»

Впоследствии день за днем, фиксируя события на фронте, у врага в тылу, а также и международные события, газета давала достаточный материал для повседневной политической работы в частях армии.

В целях улучшения постановки работы в дивизиях полепоарм 15-го июля созвал совещание всех начальников подивов армии. Это безусловно необходимое мероприятие было проведено с большим опозданием: совещание следовало созвать перед наступлением. На совещании стояли собственно «доклады с мест» и вытекавшие из них практические вопросы. Доклады выявили следующее положение дел в дивизиях армии [1]:

33-я дивизия. В дивизии 693 члена партии и 1 165 (!!) кандидатов, состоявших в 51 ячейке. Приступлено к созданию ротных ячеек. Военкомов — 45, командиров-единоначальников — 10. Партшкола дивизии дала 2 военкомов, 2 помощников и 9 политруков. Агитаторов в дивизии 7, но все слабы; политруков — 54. За июнь было проведено 11 митингов, 100 громких читок, 1 100 бесед, 25 лекций, 104 собрания ячеек, 37 общих собраний, свыше 20 спектаклей, обслуживших 15 000 человек. При каждой ячейке существуют контрхозком, культпросветком, комиссия чистоты, комиссия по сбору расстрелянных гильз (!) и товарищеский суд. Школ грамоты в дивизии — 18, выпущено в июне 100 человек. Недостает учителей и пособий. Школа библиотекарей дала 10 работников. За июнь выдано 6 000 книг. Организуются культячейки, проводится «Неделя просвещения» (очень подходящее время!). Снабжение дивизии удовлетворительное, плох транспорт.

11-я дивизия. Постановка политработы приблизительно аналогична. Военкомов — 81, все более или менее удовлетворительны. Комсостав на 50 — 70% — партийцы. Коммунистов 3 566 человек,

[1] Архив Красной армии, д. 59177/с. и архив ВПАТ, д. 732.

из них членов 2 606 и кандидатов 960, в строю 1 642 членов и 658 кандидатов. Политруков 150, большинство — плохие. Партшкола дала 82 политрука. Ячеек ротных 160, полковых — 20.

16-я дивизия. Комячеек — 68, членов партии — 933, кандидатов — 699. Военкомы хороши как боевики, но слабы как политработники. Культпросветработа неудовлетворительна. За время боев выбыло 230 коммунистов. Культпросветкомов — 23. Школ грамоты — 87, слушателей — 1 182.

4-я дивизия. Имеется 25 коллективов и 128 ротных ячеек. Членов партии — 1 920, кандидатов — 508, большинство со стажем с партнедели. Работа ячеек проходит без определенных планов. Литэкспедиция дивизии работает хорошо. Культпросветкомов — 24 полковых и ротных — 38, 48 школ с 359 учениками, библиотек — 61, клубов — 4 и изб-читален 24. В июне было проведено 29 спектаклей на фронте и 6 — в тылу, а также — 42 лекции.

54-я дивизия. Начальник подива ничего о дивизии сказать не мог, так как находился в полештадиве и оторвался от основного подива.

По заслушании докладов совещание постановило:

1. Упразднить должности помощников военкомов полков и военкомов батарей.
2. Провести среди населения широкую агитацию за уборку урожая и притти на помощь населению, организуя дружины.
3. Провести празднование дня II Конгресса КИ.
4. Головную литэкспедицию поарма перевести в полештарм.
5. Созвать при поарме совещание начпросветов подивов.
6. Иметь наблюдение за деятельностью комиссаров снабжения.
7. Поарму почаще устанавливать живую связь с дивизиями.
8. Устранить назначение политсостава помимо поарма и подивов.

Совещание имело как положительные, так и отрицательные стороны. Уже отмечалось, что поарм созвал его с опозданием и во время наступления дивизии. Кроме того, совещание, как видно из докладов, проводилось недостаточно организованно. Поарм не выспросил у начальников подивов, прибывших с фронта, все, что они могли сообщить о состоянии частей и работы. В конечном итоге практическая польза от совещания для начальников подивов и для улучшения постановки политического обеспечения, вероятно, была небольшой.

За июль частями армии по не совсем точным данным было распространено центральных газет — 588 794 экз., армейских — 319 000 экз., местных — 91 370 экз. и национальных — 52 990 экз.; воззваний на польском языке — 257 320 экз. и на русском — 175 276 экз.; журналов и брошюр — 6 380 экз., а всего 1 491 030 экз.

Наступление армии привело к сильнейшему упадку всей партийно-политической работы. Например, по подсчетам поарма политпросветдело упало «на $^2/_3$» (!!) [1]. Работа в частях шла без плана и самотеком. Некоторое представление о ней можно составить по следующим материалам 16-й, 4-й и 11-й дивизий.

В 16-й дивизии в 137-м полку 11 июля проводились беседы: «О со-

[1] Архив ВПАТ д. 731.

стоянии польских войск, кто и почему их поддерживает...», 12 июля в школе грамоты изучали буквы П, У, С, О, и Р. В 138-м полку, нанаходившемся 12 июля в резерве «политработа не велась из-за усталости», 13 июля проводились беседы «О различии борьбы с контрреволюцией на юге и на западе и о значении войны с Польшей». 14 июля военком донес, что «партработа почти не ведется из-за боевой обстановки, кроме чтения газет». С 15 июля и в последующие боевые дни сводки говорили об одном: политработа, кроме бесед, из-за боев, переходов, усталости не проводилась.

Военкомбриг 46 22-го июля издал приказ по бригаде, в котором указывал о недопустимости самовольного и неорганизованного обмена лошадей и устанавливал порядок обмена, кроме того он вводил должности политруков рот и команд, выделить которые должны были политкомы совместно с президиумами ячеек из наиболее опытных и активных партийцев. 23 июля в другом приказе военкомбриг предлагал принять меры против сквернословия, подрывающего авторитет советской власти и говорящего «об огрубении нравов и неуважении к личности». Виноватых предлагалось «лишать жалования и подвергать арестам».

23 июля в 136-м полку проходили беседы о социализме, в 137-м — партсобрание с повесткой дня: текущий момент, доклад комиссии об аннулировании денежных знаков, выборы председателя и разное. Затем общеполковой митинг: текущий момент, задачи Красной армии и продвопрос [1].

В 4-й дивизии перед наступлением состоялось дивизионное совещание военкомов и председателей ячеек, в полках — совещания политработников и собрания. Во время наступления наблюдалось запаздывание литературы и газет [2].

В 11-й дивизии наступление повлекло за собой расстройство партийных рядов. «Всякое проявление творчества масс, — писал подив, — кружки, литколлегии, культпросветкомы и т. п. — замерли». В начале августа ощущался острый недостаток культпросветработников и работников подива, полеподив был оторван от поарма. 3 августа происходило совещание организаторов полков и бригад с докладами с мест и по организационным вопросам [3].

★

В порядке подготовки к июльскому наступлению *поарм 16* провел 30 июня совещание начальников подивов армии и начальников отделов поарма. На совещании стояли вопросы: 1) деятельность подивов во время боевых операций; 2) об информации; 3) политпросветработа; 4) о снабжении; 5) парткомиссии и их деятельность; 6) организация качественного учета; 7) связь курьеров поарма с подивами и 8) текущие дела.

Разрешение всех этих актуальных организационных вопросов в едином для всех армейских политорганов духе безусловно сыграло

[1] Архив Красной армии, д. 59/792/с.
[2] Там же, д. 60/362/с.
[3] Там же, д. 59/909/с.

большую положительную роль. По первому и наиболее важному вопросу совещания было решено:

1) Выделять на время боевых действий полевые подивы в составе: начальников подивов, части административно-хозяйственного отдела, с необходимыми суммами и материалами, части организационно-осведомительного отдела в составе — учетно-распределительного стола, инструкторского отделения, партстола и информационного отделения, парткомиссии и полевой экспедиции.

2) Оставлять тыловой подив при тыловом штабе дивизии во главе с достаточно «авторитетным и энергичным работником».

3) Подивам перед началом боевых действий созывать совещания военкомов бригад и полков для разъяснения характера и задач предстоящей операции.

4) Начальнику подива и военкомам во время боев находиться там, где лучше всего возможно сохранение интересов части в целом. Начальнику подива не менее одного раза в сутки связываться с военкомбригами.

5) Вменить в обязанность военкомам полков строго следить за рациональным использованием стрелков, не допуская отсутствия санитаров на передовой линии и оказания помощи по доставке в тыл раненых самими стрелками.

6) Обязать военкомов частей приговаривать всех дезертиров и занимающихся саморанением к расстрелу, приводя приговор немедленно в исполнение.

7) Обязать начподивов в период проведения боевых операций информировать начальника поарма или помощника начальника поарма о ходе боев, вызывая их к прямому проводу, и не менее двух раз в неделю устанавливать живую связь через специально выделенных курьеров.

8) Газеты в передовые линии доставлять без перерыва, наравне с хлебом.

9) Каждому политруку при продвижении наших войск вперед иметь при себе сумку или мешок с польскими и русскими листовками, для широкого распространения их среди жителей занимаемых нами местностей.

10) Подивам обратить самое серьезное внимание на снабжение газетами и литературой освобождаемых местностей.

11) Распределить партийных работников так, чтобы в каждом звене стрелков было бы не менее одного коммуниста.

12) Военкомам и подивам следить за тем, чтобы части не занимались «самопополнением», а направляли бы всех проходящих через них пленных, перебежчиков и добровольцев в тыловые запасные части.

13) Оставлять перед боем партийные билеты коммунистам в бюро ячеек недопустимо.

В вопросах политико-просветительной работы совещание останавливалось на организации дивизионных фронтовых трупп и на снабжении книгами библиотек. Относительно фронтовых трупп подивов было установлено, что они «имеют своей основной задачей обслуживание красноармейских частей, находящихся в передовых

линиях», и что личный состав их должен быть «сведен до минимума». «Минимум» этот однако был установлен в 12 человек. В репертуар этих трупп совещание включило следующие пьесы: «Генерал Барклаев», «Однажды вечером», «На конспиративной квартире», «Насилье», «Марат», «Простушка и воспитанная», «Ночное», «Дочь русского актера», «Тетушка из Глухова», «Когда взойдет месяц» и т. п.

Отметив весьма важное значение качественного учета партийцев, совещание обязало подивы ввести его в отношении всех членов РКП. Были приняты также конкретные указания о способах ведения и использования этого учета. В частности, подивы обязывались «раз в месяц производить основательную переоценку партработников с практическими организационными выводами в отношении работы партийцев».

«Всех прибывающих в армию политически мало воспитанных коммунистов» постановили — пропускать через партшколу поарма [1].

Крупнейшим недостатком данного совещания было то, что поарм не дал ни одной установки по содержанию партийно-политической работы в отношении всех трех объектов: своих войск, противника и населения, ограничившись исключительно организационными директивами. Между тем потребность в этой установке была огромной: политическое обеспечение предстоящего наступления, о котором начальник поарма безусловно должен был знать 30 июня, настоятельно требовало специальных указаний со стороны РВС и поарма политорганам дивизии о содержании всей работы.

Второй недостаток заключался в том, что, правильно сосредоточивая внимание начальников подивов на организационных вопросах работы в боевой обстановке, поарм недостаточно полно и строго проводил приспособление политорганов и их работы к боевым условиям. Так, полеподив создавался чрезмерно громоздким, фронтовые труппы были излишни, ибо в условиях стремительного наступления армии, а впоследствии еще более стремительного отступления, «фронтовые труппы на передовых линиях» конечно работать не могли.

Однако, несмотря на крупнейшие недостатки, это совещание бесспорно является светлым пятном на общем фоне организационных неразберих и кустарничества в политработе того времени.

Отсутствие политических директив возмещалось приказами РВС, листовками и статьями газеты армии. «Красноармеец» полностью отпечатал прежде всего политический приказ РВС фронта № 1423. Вслед за приказом член РВС армии т. Пятаков поместил директивную статью «16-я, вперед!». В статье отмечалось:

> «Пробиваться на запад не для завоевания Польши, Германии, Франции, а для соединения с польскими, германскими, французскими и английскими рабочими — это наша основная задача, а для этого белая Польша должна быть уничтожена, пролетарская Польша должна существовать, красное знамя должно развеваться над Варшавой».

6 июля номер «Красноармейца» был целиком посвящен наступлению. Публиковался политический приказ РВС армии «Вперед на Минск»,

---

[1] Архив ВПАТ, д. 542.

статья члена РВС армии т. Мулина, давался обзор положения на фронтах, приводился приказ предреввоенсовета «Долой шовинистическую отраву!», ряд сведений о положении в Польше и в белопольской армии. Редакция призывала читателей писать о наступлении.

Впоследствии газета неоднократно подчеркивала международное значение войны, поддержку Красной армии белорусским крестьянством. В день взятия Минска газета, статьей т. Пятакова, провозгласила лозунг «Даешь Варшаву!», подчеркивая вместе с тем поддержку Красной армии польскими трудящимися, их роль и значение в советизации Польши.

Конечно, при всей правильности линии все же газета не могла полностью возместить отсутствие повседневного руководства поарма. К тому же газета стала доставляться в части в связи с быстротой наступления крайне неаккуратно. 29 июля, когда полепоарм находился в Слониме, «Красноармеец» поступал в роты только на десятый день.

Полепоарм был выделен 22 июля [1], следовательно с значительным опозданием. Тем не менее, несмотря на наступление и отрыв от дивизий, поарм проинструктировал в течение июля подив 8, 10 и 27, 17 тыловых комячеек и дал частям 142 работника, в том числе 10 военкомов и 8 политруков.

Литературно-издательская деятельность продолжалась, хотя и в меньших, в сравнении с июнем, размерах. Поарм выпустил 17 №№ газеты, 5 000 экземпляров «Бюллетеня красноармейца», 23 №№ (87 400 экз. и 16 000 на еврейском языке) «Армросты» и 304 000 листовок на темы: «Крестьянские подводы для фронта», «Письмо красноармейца к крестьянину», «Лови шпиона!», «Помоги Красной армии!», «Сдавай оружие!», «Против ли веры большевики?» «Молодежь, в ряды Красной армии!» «Даешь Минск!», «Тезисы агитаторам», «К трудящимся освобожденной Белоруссии», «Мы пришли как освободители», «Братья-крестьяне, помогите раненому и больному воину!», «Обращение Совнаркома о войне и мире», «Воззвание Коминтерна к Красной армии». Литературная экспедиция армии распространила в июле 377 900 московских газет, 147 940 петроградских, 2 300 Западного фронта Росты, 339 760 армейских, 20 000 дивизионных, 13 030 местных и 11 274 иногородних газет, а всего 912 204 экземпляра.

В июле во всех частях армии насчитывалось 621 партийная ячейка с 11 094 членами и кандидатами. В среднем на каждую ячейку приходилось 16,3 члена, из которых 13,2 составляли действительные члены партии. По всей армии было проведено 405 митингов, 215 лекций, 1 087 собеседований, 57 концертов и 156 спектаклей, а всего 1 920 различных политико-просветительных массовых единиц работы.

Положение политработы в дивизиях складывалось следующим образом [2]:

Во 2-й дивизии политработа велась главным образом в подготовительный период и среди пополнения. Достигнутые результаты

---

[1] Архив ВПАТ, д. 542.
[2] Там же.

нельзя признать «особенно большими». Во время наступления политработа проводилась «урывками» и преимущественно среди населения, несмотря на предварительный инструктаж политаппарата. Политруки имелись везде, но политработы им вести не удавалось, и работа их сводилась к непосредственной задаче наступления — «бить противника». Среди населения работа шла более интенсивно, чем в июне: 108 митингов, 868 собеседований и 25 сельревкомов, организованных коллективами одной 1-й бригады. В 193 партячейках дивизии состояло 2 816 членов, из которых красноармейцев — 75,6%. За месяц проведено 24 заседания бюро и 36 партсобраний. Школы и клубы работали лишь до наступления. Снабжение газетами нарушилось, но увеличилось поступление листовок. Однако листовки «интерес красноармейцев не удовлетворяли полностью».

Полеподив работал интенсивно, но в основном письменно руководя частями. Много внимания и средств уделялось работе среди населения.

8-я дивизия. Перед наступлением вполне была боеспособной. В подготовительный период подив и полки провели большую работу, а в наступление много сил уделяли так же, как и во 2-й дивизии, местному населению. Положение со снабжением литературой обстояло аналогично со 2-й дивизией.

10-я дивизия. При наступлении дивизия потеряла 570 партийцев (вновь вступило в партию 28 ч.). За месяц было проведено 72 партсобрания, 78 заседаний президиумов ячеек, 104 митинга, 20 субботников, 22 лекции и 242 собеседования. Большая работа была проделана по советизации занимаемых районов. Полеподив не имел типографии, что отражалось на работе.

Полеподив 17 строил свою работу главным образом на живом инструктаже части.

Подводя итоги работы за месяц, поарм отмечал в своем месячном отчете:

«Армия понесла большие потери в парторганизации, пополнение же получает слабо. Наблюдается понижение партийной и культурно-просветительной работы, особенно в боевых частях, и слабый рост комячеек. Подготовка к наступлению была проведена во всех звеньях весьма дружно и интенсивно. Настроение войск, достигнутое политработой, — хорошее. Проводится интенсивная работа по организации власти на местах. Имеются недостатки организационного порядка, а-кто: а) плохая связь с руководящими центрами; б) неподготовленность подивов к работе с местным населением и к организации органов власти; в) громоздкость некоторых полеподивов и необеспеченность их печатно-распространительными средствами [1].»

★

Поарм 3 находился в весьма тяжелых условиях и в июле. Вследствие отсутствия работников и средств передвижения, он долгое время не мог перебраться поближе к частям и сформировать полепоарм. Начальнику поарма т. Кучмину пришлось выехать в дивизии без всякого аппарата и руководить политработой в частях непосред-

[1] Архив ВПАТ, д. 542

ственно на месте. 9 июля в разговоре по прямому проводу с начальником позапа т. Шутко он заявлял: «Нахожусь в дивизиях, — это единственная возможность руководить политработой. Аппарат поарма вследствие транспортных условий отстал» [1].

Находясь в дивизиях, начальник поарма 3 естественно не мог осуществлять повседневное руководство ни поармом, ни армией. Частые разговоры по прямому проводу и большая личная работоспособность не могли решительно изменить положения. Страдало и качество руководства самого начальника поарма.

22 июля начальник поарма 3 дал всем военкомам дивизии и начальникам подивов директиву о линии работы в связи с известным ультиматумом Керзона, в которой неверно указывалось, что советское правительство якобы приняло предложение английского правительства. Сверх всякого ожидания позап сумел во-время узнать об этой директиве и ее отменить. Начальник поарма мотивировал свою ошибку «неточностью и неполнотой информации» и дал 25 июля вторичную директиву, в которой указывалось: «Вследствие обнаружения коварного замысла Керзона (!!! — *П.С.*) советским правительством предложение не принято, а отклонено».

25 июля т. Кучмин послал начальнику позапа записку по прямому проводу: [2]

«Вследствие продвижения *около месяца не получается центральных газет*, а также информации из других источников о международном положении. Подивы до сих пор получали от меня указания основных линий политработы в виде тезисов. *В связи с вступлением в пределы Польши необходимо дать подивам новые указания*. Не откажите срочно прислать информацию о международном положении: наша политика в отношении Польши, планы Антанты, позиция Румынии, Венгрии, Латвии, возможность их выступления».

Оба разительные факты показывают, что начальник поарма, находясь в дивизиях, попал в совершенно нетерпимое положение: не мог читать центральных газет, не был ориентирован в международной обстановке и т. п. В то же время аппарат поарма, оставшись «без головы», занимался дискуссией на тему: «Будет ли революция в Германии?» [3] Таким образом, опыт руководства поарма методом нахождения начальника поарма в дивизиях себя не оправдал.

Только с начала августа в документах начинает фигурировать полепоарм (2/VIII — г. Бельск). Он пытался установить связь с подивами, часть которых в течение целых недель ничего не сообщала поарму, и установить взаимодействие с тыловым поармом.

Однако несмотря на личный инструктаж члена РВС и начальника поарма, в каждой дивизии работа строилась по-своему и недостаточно целеустремленно. Поарм видимо не прилагал особых усилий, чтобы унифицировать и организовать работу в подготовительный период.

★

Как и в предыдущую майскую операцию *позап* не дал поармам на июльское наступление руководящей политической директивы,

[1] Архив Красной армии, д. 234/493
[2] Там же, д. 234/496.
[3] Там же, д. 72/187.

предоставив им в этом полнейшую инициативу и самостоятельность. Позап не раскачался и тогда, когда красноармейские части вступили в этнографическую Польшу и подивам потребовались новые указания, как о том сообщал начальник поарма 3 [1].

Исключение составила директива, выпущенная 21 июля [2], в связи с выступлением английского правительства. Она гласила:

«...Агитация должна быть доведена до максимального напряжения.

1. Опасность для республики увеличилась, международный капитал, почувствовавший непосредственную угрозу для своего господства, пытается бросить против нас свои свежие силы. Уменьшение агитации несет иллюзию мира. Нужно указывать на увеличение размаха борьбы.

2. Ультиматум Англии — новая попытка дипломатического обмана, как с Врангелем. Предложено остановить военные действия тогда, когда невыгодно нам, и наоборот для Польши.

3. В случае удачи английского плана мы бы имели затяжную, бесконечную войну со стороны Польши. Нужно довести войну до конца и помочь рабочим, батракам и крестьянам Польши освободиться от гнета помещиков и капиталистов. При этом в данный момент не следует еще открыто говорить, что мы будем мириться только с Советской Польшей, нужно лишь разъяснить, что необходима действительная уверенность в безопасности Сов. России от новых наглых нападений польской шляхты. Нужно всемерно подчеркивать, что польские рабочие, которые идут за теперешним правительством, поддерживают не только польских помещиков и капиталистов, но и всех империалистов, разоривших Польшу, сделавших ее ареной империалистической войны, превратив ее теперь в международного жандарма, скупающих все ее богатства и подготовляющих ее полное порабощение иностранному капиталу.

5. Советское правительство наоборот ни в малейшей степени не посягает на территориальную независимость Польши. Нужно с особой подробностью развивать полякам ноты Чичерина, где говорится о нашей готовности уступить польскому народу гораздо большую территорию, чем обещает лорд Керзон.

Среди мелкобуржуазной массы Польши и даже среди части пролетариата еще крайне сильны националистические предрассудки, поэтому этот пункт нужно подчеркнуть с особой внимательностью. При этом необходимо указать на такую перспективу: если бы польский народ создал у себя действительное господство трудящихся, то мы пошли бы тогда и на еще большие уступки, ибо наши задачи и искренние стремления состоят в установлении братского союза между трудящимися.

6. Роль Англии нужно всемерно разоблачать.

7. Более чем когда-либо Красная армия должна доказать, что она — орудие трудящихся и угнетенных. Поэтому сюда нужно двинуть лучшие силы; гуманное отношение к пленным, помощь беднякам — крестьянину и пролетарию, должно быть основным в работе Красной армии.

8. Вся печать должна вести широчайшую кампанию в таком духе, чтобы советы, митинги, собрания, беспартийные и партийные конференции и т. д. выносили резолюции с требованием к центральной советской власти о необходимости полной гарантии (дальше текст неясен. — *П. С.*) необходимо требовать всероссийского чрезвычайного Съезда советов

9. В остальном необходимо следовать тем пунктам, которые содержатся в ноте Чичерина и в манифесте Совнаркома.»

Издательская деятельность позапа в июле, в сравнении с предыдущими м-цами значительно уменьшилась, что не может быть ничем оправдано. Политическо-агитационной литературы было издано — 82 издания с тиражем в 2 562 600 экз., военной — 18 — 155 000 экз., художественной — 31 — 728 771 экз. (здесь — увеличение).

[1] Архив ВПАТ, д. 731
[2] Архив Красной армии, д. 60/369/с.

Также ухудшилось снабжение частей литературой, хотя по расчетам позапа дивизии должны были ежедневно получать 7 000 газет [1]. Таким образом, к обслуживанию частей литературой в условиях наступления позап не приготовился и приспосабливался с большим трудом уже в процессе наступления. Организационное руководство частями также почти замерло в живых формах, письменно же затрагивало только случайные вопросы.

★

Политотдел Юго-западного фронта, как и позап, политических директив о работе в связи с наступлением в июле поармам фронта не давал. Каждый поарм работал по своему усмотрению.

Поарм 12 долгое время оправлялся от потерь, понесенных в период отступления. Только к 25 июля удалось почти окончательно сколотить поарм, [2] исключение составлял лишь политпросветотдел.

Попутно с сколачиванием и укреплением армейского аппарата поарм развил весьма энергичную деятельность по руководству подивами и партийно-политической работой в частях, чрезвычайно расстроившейся за время быстрых переходов и наступления (см. приложение 4).

В ряде приказов поарм обязывал подивы приспособиться к условиям боевой обстановки, выделив так называемые полеподивы и установив с частями живую связь, и «принять самые героические меры к налаживанию непрерывной, интенсивной, мощной политической работы в частях». Предлагалось (для усиления работы) создать при дивизиях 4-хнедельные партийные курсы.

В приказе № 183 [3], изданном от имени РВС, поарм отмечал, «что военкомы, а иногда и начальники подивов не поняли всей важности задачи самой напряженной политической и организационной работы», «и увлекаются только оперативной работой».

Приказ обязывал всех начальников подивов и военкомов:

«... лично объехать подведомственные им органы снабжения и в кратчайший срок поставить их работу на должную высоту

Обратить самое серьезное внимание на поднятие политической работы и приспособление ее ко всякой обстановке. Причем ответственность за выполнение этого пункта возлагалась не только на начподивов, но и на военкомдивов.

«При выдвижении военкомов на более ответственные места или назначении нового руководствоваться не только личной храбростью, но главным образом организационными способностями, умением налаживать политическую работу».

«Приступить к систематической замене всех военкомов, не удовлетворяющих этим условиям, другими, более понимающими требования настоящего момента» и т. п.

Приказами и письменными директивами поарм не удовлетворялся, практикуя систематические объезды частей и созыв совещаний дивизионных работников при поарме.

Одно из таких совещаний состоялось 8 июля. На нем присутствовали начальники подивов и начальники отделов подивов. Были заслушаны

---

[1] Архив Красной армии, д. 60/124/с.
[2] Там же, д. 566.
[3] Архив ВПАТ, д. 587. Приказы № 169/а и 179.

доклады подивов и поарма и обсуждались организационные вопросы. 14 июля в Коростене поарм провел совещание крестьянских секций, 22 — 23 июля в Сарнах совещание учетно-информационных отделений.

Организационное руководство поарма благоприятно отозвалось на постановке работы в частях армии. Создание полеподивов, организованных по указаниям поарма, при всей их громоздкости оказалось мероприятием весьма целесообразным и удачным.

Через экспедиционные аппараты армии в июле прошло: газет — 1 819 087, листовок — 643 101, брошюр — 17 475, журналов — 5 184, плакатов — 30 618, открыток — 12 158, календарей — 918 и портретов — 80. Редиздат поарма выпустил 620 000 экз. армейской газеты, 315 000 «Украинской бедноты», 935 000 листовок и воззваний, 13 000 однодневных газет и 23 000 брошюр, а всего 2 158 000 экз.

★

Поарм 1-й конной армии 29 июня провел широкое совещание политработников армии (100 с лишним человек) дивизионного и полкового масштабов, на котором по заслушивании сообщений начальников подивов были обсуждены главные очередные задачи партийно-политической работы в армии [1].

По сообщению военкомдива 4, сделанного им на совещании, в его дивизии—665 коммунистов, 38 комячеек, 23 культпросветкома и 21 школа грамоты. Непрерывные бои, проводившиеся дивизией, весьма тормозили политработу. В дивизии налицо антисемитизм, перенесенный из Украины. Поэтому на всех стоянках проводились групповые беседы об антисемитизме и шовинистическом отношении к полякам. Среди отдельных бойцов наблюдаются случаи бандитизма. В отношении к пленным имеется перелом в лучшую сторону. Военкомы и политработники в большинстве не соответствуют своему назначению. Снабженческие органы не работают. Красноармейцы по 2 суток не получают хлеба.

По сообщению начальника подива 6 — в парторганизации дивизии числится 950 коммунистов, большинство из которых слабо подготовлены. С антисемитизмом и бандитизмом положение аналогично 4-й дивизии.

Начальник подива 11 заявил, что партячейки «нужно реорганизовать, так как они не справляются со своими задачами».

Начальник поарма в своем выступлении указал, что антисемитизмом заражены даже отдельные военкомы, весьма сильно развит шовинизм, в отношении к местному населению и пленным поведение бойцов армии сплошь и рядом преступное и нетерпимое.

В результате обсуждения совещанием была принята весьма важная резолюция, которую приводим полностью:

«Обсудив вопросы о проявлениях антисемитизма и шовинизма в рядах армии, о случаях грабежей и насилий, а также об отношении к пленным и гражданскому

[1] Архив ВПАТ, д. 657. Повестка дня совещания состояла из следующих вопросов: 1) текущий момент; 2) война с Польшей; 3) национальный вопрос; 4) отношение к пленным и гражданскому населению; 5) бандитизм и борьба с ним и 6) текущие дела.

населению, совещание ответственных работников 1-й конной армии приходит к следующим выводам:

В деле полного оздоровления армии перед командованием и политическим отделом армии *стоит триединая задача — улучшение снабжения, усиление репрессивных мер, усиление политработы.*

1) Необходимо принять *исключительные меры для разрешения продовольственного вопроса, снабжения обмундированием* (в особенности обувью и нательным бельем) *и конским составом.* В этих целях необходимо усилить работу опродкомарма и опродкомдивов, теснейшим образом связав эти последние с начальниками подивов.

2) Так как в ближайшее время вряд ли удастся нам правильно наладить продовольственный вопрос и на некоторое время придется заниматься самоснабжением, необходимо этому самоснабжению придать возможно более организованный характер, необходимо правильно поставить дело уплаты крестьянам за забираемые у них продукты, а также и конский состав. С этой целью командиры полков должны быть снабжены подотчетными суммами, чтобы не повторять горького опыта во время прорыва, когда полки вынуждены были забирать скот и выдавать за него «Филькины грамоты», по которым крестьяне вряд ли получат деньги.

3) Дабы следующие за главными воинскими частями отряды в особенности обозы и нестроевые команды не производили бесчинств, необходимо при дивизиях иметь *летучие эскадроны*, которые будут вылавливать в ближайшем тылу армии все преступные элементы и передавать их соответствующим властям. Кроме того, на летучие эскадроны необходимо возложить сбор винтовок, пулеметов и патронов, которые бросает отступающий враг и которым вооружается население. Вместе с тем, необходимо, чтобы правильно была поставлена работа трофейной комиссии. Во главе эскадронов поарм должен поставить испытанных, энергичных, толковых комиссаров.

К борьбе с бандитскими проявлениями необходимо привлечь не только комиссаров и политработников, но и *командный состав*, особенно *младший.*

4) Совещание указывает, что в дивизиях весьма слабо работают особые отделы, регистротделы и *подивы.* Необходимо усилить работу этих учреждений, а также *объединить и согласовать работу* подивов, особотделов и ревтрибуналов.

5) По вопросу *о борьбе с антисемитизмом* совещание предлагает поарму в срочном порядке разослать по армии *соответствующий циркуляр*, а также *усилить печатную пропаганду и агитацию.*

6) Совещание присоединяется к основным положениям циркулярных писем поарма от 26 июня по вопросу о грабежах и насилиях и отношении к пленным. Совещание считает обязанностью всех политработников, комиссаров, командиров в срочном порядке провести в жизнь сделанные в этих письмах указания [1].

Председатель совещания
начальник политического отдела 1 конармии *Вардин.*

«Триединая задача — улучшение снабжения, усиление репрессивных мер, усиление политработы», поставленная совещанием, целиком вытекала из тех тяжелых и специфических условий, в которых находилась 1-я конная армия. Продовольственный вопрос, фуражный, снабжение обмундированием, вооружением и конским составом находились в исключительно неблагоприятном положении. Непрерывная боевая деятельность с большими переходами и напряженнейшими боевыми столкновениями усугубляла и без того тяжелое положение. Партийные организации армии, ее политсостав и их работа не отвечали в полной мере тем требованиям, которые выдвигались боевой политической обстановкой, специфическим составом армии. Самоснабжаясь, имея в своих рядах перебежчиков и бывших деникинцев, особо проявлявших склонность к антисемитизму, шовинизму, мародерству и т. п., 1-я конная армия вместе с тем выполняла самые ответ-

[1] Архив ВПАТ, д. 567, л. 8.

ственнейшие боевые поручения. Успешное выполнение этих поручений без подлинного революционного героизма и коллективной сознательности было совершенно немыслимо и без них не может быть объяснимо. Поэтому приведенный нами документ ни в коем случае не может служить основанием для распространенного в свое время среди обывательских кругов представления о конной армии, как об армии полубандитской. Документ этот, как и многие другие, свидетельствует о том, что руководящие работники армии смело и открыто разоблачали свои болезни, чтобы вести с ними решительную борьбу. От политорганов армии требовалось особенно много. Не отвечая в полной мере тем задачам, которые выдвигались условиями, часть политорганов и парторганизаций армии не всегда своевременно и достаточно настойчиво боролась со всеми недостатками. Как показывает приведенный нами документ, поарм не дал своевременно исчерпывающих директив о борьбе с антисемитизмом и не обеспечил работу необходимыми печатными средствами. Об уровне политработы и характере руководства некоторых подивов частями можно судить по следующему докладу инструктора-организатора подива 4. Инструктор, прибыв в полк, должен был вследствие ранения военкома, заменять последнего целые 20 дней (с 9 по 29 июля).

В докладе подиву [1] инструктор писал:

.. «воспользовался 3-дневной стоянкой для оргработы. Организовал комячейки в 1-м, 2-м, 3-м, 4-м, 5-м эскадронах и команде разведчиков, было 2 собрания полкячейки, избрали полкбюро, всюду организовал контрольные хозяйственные советы.

В 23-м полку работа поставлена на определенную точку. Остается только (!!! — *П. С.*) делать переорганизации, зависящие от обстановки жизни, и давать определенные направления работе ячеек. Работа членов РКП не бывает намеченной заранее, а проводится ими в связи с их жизнью и жизнью части.

В 24-м полку ячейки и полкбюро организованы, но работы их незаметно.

При батарее и штабриге ячейки имеются, но работы их тоже не заметно.

Культпросветработа ведется. В политработниках большая нехватка».

В штабных эскадронах комячейки были созданы только 7 июля.

Во 2-й бригаде 14-й дивизии за время с 1 по 15 июля общее положение было (по сводкам) таково [2]:

«Материальная часть была очень плохой, дисциплина неважной. К тыловым коммунистам отношение — плохое. Распространены антисемитские настроения. Большой недостаток комсостава. Военком 81-го полка слаб, многие военкомы эскадронов — тоже слабы. Слаба также политработа из-за отсутствия опытных инструкторов-лекторов, хорошо политически развитых коммунистов и боевой обстановки. Было проведено — 1 партсобрание с повесткой дня: «История коммунизма» (!! — *П. С.*), — 2 митинга на темы: текущий момент, антисемитизм, шовинизм, национализм, отношение к пленным и местным гражданам, — ряд собеседований на темы — о коммунах, коммунистическом строительстве, кто такие коммунисты.

В 82-м полку — 4 партсобрания, 4 митинга и 6 групповых собеседований.

Культпросветработа в бригаде неудовлетворительна, клубов и школ грамоты нет».

---

[1] Архив Красной армии, дело № 176.

[2] Там же, д. 117.

К сожалению, в нашем распоряжении нет исчерпывающих материалов из других частей армии. Но по докладам на совещании 29 июня и по уже приведенному материалу примерно можно составить общую картину партийно-политической работы в конной армии.

★

19 июля *поарм 14*, учтя длительный опыт работы, произвел реорганизацию [1] своего аппарата, создав 5 частей: политикопросветительную, советскую, учетно-распределительную, осведомительную и снабжения. Новым в этом разделении являлось, собственно, объединение культурно-просветительной работы с партийной и инструкторской в одну часть — политпросветительную и уточнение функций других частей. Кроме того, реорганизация предусматривала выделение полепоарма [2] и издание журнала «для установления идейной связи с политработниками армии и идейного воспитания в едином духе и единой линии во всех вопросах политработы» (журнал, кажется, не выходил.— *П. С.*). Попутно с реорганизацией самого поарма 5 июля приказом № 12 [3] было установлено создание «политической секции при управлении начальника тыларма 14», основной задачей которой являлось «общее руководство политработой в тылу армии по борьбе с бандитизмом и контр-революционными выступлениями». На начальника ее, который являлся «общим руководителем военнополитической работы на территории тыла армии и пользовался правами помощника начальника», возлагалась «общая ответственность за постановку политработы по борьбе с бандитизмом и восстаниями на территории тыла армии».

РВС и начальник поарма 14 вынуждены были создавать подобное учреждение из-за специфических условий состояния тыла армии: развитие петлюровско-кулацкого и анархистско-кулацкого бандитизма, контрреволюционная работа различных антисоветских групп и организаций, слабость местных ревкомов и парторганизаций.

Реорганизация аппарата поарма отразилась и в частях, — вместо культпросветкомов поарм предложил создавать политпросветкомиссии, был установлен институт полковых политруков, так как «комиссары слишком заняты административно-военными задачами, а председатели полковых ячеек часто сменяются, преобладающими численностью, слабо воспитанными членами партии партийных недель».

Поарм 14 обладал достаточно мощными кадрами работников и средствами политпросветработы. Типография его составляла целый поезд из 13 вагонов с пятью плоскими машинами и большой выпускной способностью. Экспедиция его была поставлена образцово. Наконец поарм сам изготовлял кинофильмы, нелегально закупая пленку в Румынии. Инспекция ПУРа в акте от 23 июля указывала, что «до последнего времени поармом изготовлено 4 фильмы: 1) «Два мира»,

---

[1] Архив ВПАТ, д. 1092. Приказ поарма № 169.

[2] Полепоарм однако выделен не был. Вместо него была создана походная полевая редакция, экспедиция и типография со штатом в 34 чел. См. доклад начальника поарма с 5/VIII по 5/X — 20 г., д. 1092.

[3] Архив ВПАТ, д. 1092.

2) «4 месяца в плену у Деникина — записная книжка американца», 3) «Рассказ о семи повешенных — Горького» (очевидно, описка — следует — Андреева. — *П. С.*) и 4) «Зори Верхарна».

Однако, при этих богатых возможностях поарм обслуживал части далеко не полно и непостоянно, сосредоточив свою работу по ряду отделений главным образом в армейских резервах и частях штарма. Даже связь с частями была весьма недостаточной. Для улучшения ее применялся институт так называемых «ударно-инспекторских групп». Вначале предполагалось послать по группе в каждую дивизию, причем подивы обязывались «предоставить в распоряжение начальника группы достаточное количество ответственных работников», но фактически этих групп было только 4.

Проявляя большую организационную инициативу, издавая много различных полезных инструкций и пособий, нащупывая наиболее целесообразные формы руководства, поарм 14 по содержанию работы в отношении политического обеспечения операции своей армии директив подивам не давал. Мало того, мощный, богатый силами и средствами поарм 14 не только не помогал частям живым и содержательным руководством, но нередко отвлекал внимание низовых работников фронтовых частей задачами завтрашнего дня и иной обстановки: ликвидацией безграмотности и т. п. [1].

★

Работа всей системы политорганов в связи с июльским наступлением Красной армии красноречиво свидетельствует о наличии крупнейших недостатков. Политическое руководство фронтов и армий, совершенствуя организационные приемы управления, методы и формы работы, оставляло в стороне *содержание работы*. Освобождение Белоруссии, вступление в этнографическую Польшу и в Западную Украину, новые сдвиги в международном положении (ультиматум Керзона, активизация рабочего движения в защиту Советской России), стремительный откат белополяков — все эти моменты требовали соответствующих указаний. Новые условия требовали повышения политического уровня агитации и пропаганды, ее совершенствования и подъема на новую более высокую ступень. В действительности же агитационно-пропагандистская деятельность нередко упрощалась. «Даешь Варшаву» покрывало и заглушало все требования и установки.

Июльское наступление поставило перед руководящими политорганами ряд важнейших конкретных вопросов, связанных с практикой советизации Белоруссии, Польши и Украины, с пополнением стремительно наступающих частей новым коммунистическим составом, с насыщением частей вновь освобождаемых территорий и откатывающего противника литературой, с необходимостью усилить работу по разложению белополяков, с максимальным напряжением усилий в устройстве тыла армий. При желании и умении предвидеть события многие из этих вопросов можно было бы своевременно обдумать и разрешить. Но предвидение часто отсутствовало. Все новые вопросы ре-

[1] Архив ВПАТ, д. 1092. Приказ поарма 5/VII — 1920 г., № 11.

шались срочно и на ходу. Между тем решение на ходу возможно только в гибком и насквозь действенном аппарате. Громоздкие, зачастую бюрократизированные и слабо ориентирующиеся в быстрой смене событий, наши политорганы не сумели срочно и на ходу решить главные практические вопросы. Революционный подъем красноармейских масс создавался инерцией старого руководства (начала кампании) и работой низовых аппаратов и рядовых коммунаров.

Разумеется в работе руководящих политорганов были исключения. Но они слишком редки и общей картины не изменяют.

Политработа в период Варшавской операции и нашего отступления.

Август м-ц в советско-польской кампании наименее представлен необходимыми архивными и иными материалами. Проследить по документам политическое обеспечение решающей Варшавской операции совершенно не представляется возможным. Поэтому приходится довольствоваться самым малым и многое восполнять догадками и наиболее вероятными предположениями.

Варшавская операция — операция «кризисная» для всей кампании. Она требовала максимальных усилий от командования, политорганов, парторганизаций и всех бойцов. Главное командование Красной армии и командование Западного фронта были убеждены в успехе операции и в поражении поляков. При этом уверенность в успехе у главного командования была настолько большой, что даже 18 августа, т. е. по прошествии 3 дней после польского контрудара с реки Вепрж, оно заявило в разговоре с комзапом: «С Варшавой ликвидируйте в 4—5 дней, это вам должно удаться»[1]... Уверенность в успехе господствовала и среди большинства всего состава частей Западного фронта, невзирая на потери, отставание тылов, тяжелое состояние снабжения по всем линиям и т. д. Для характеристики красноармейских настроений того времени приводим ряд выдержек из писем красноармейцев 3-й армии (во второй половине июля и в первой — августа).

...«Дела и успехи блестящие. Настроение всех неописуемо. Все горим одним желанием — скорей покончить с Польшей раз навсегда».

... «Скоро вступим в Варшаву, а потом и конец этой войне».

... «Наши дерутся хорошо, каждый день все вперед идут, много пленных берут и всего забирают. Возьмут Варшаву и ожидают мира».

... «Поляк просит мира, его солдаты бегут домой. Германия на него, Литва — со всех сторон на него!»

... «Дела на фронте хорошие. Шляхту бьем наповал. Будет, быть может, конец всему этому. Наша армия сильная».

... «Полякам дали жару, так что по осени дела с ними будут покончены, хотя Франция и мешает немного. Ну, да этому нельзя придавать значения, все ее усилия разлетаются впрах».

... «На-днях будет объявлена Советская Варшава».

... «Не страшитесь, белая Польша подыхает, родится Красная Польша и после этого поедем домой!».

---

[1] Какурин и Меликов, Война с белополяками, стр. 319.

О состоянии своих частей красноармейцы почти единодушно отзывались вполне хорошо, указывая вместе с тем на недостатки питания, обмундирования и санитарного обслуживания. Жаловались домой, что приходится у крестьян воровать картошку и другую зелень»[1].

Без этой уверенности в скорой победе разумеется о Варшавской операции нечего было и думать. Однако одной уверенностью и поддержанием революционного энтузиазма также нельзя было обойтись, так как обстановка перед операцией складывалась для нас все более тяжело. На ряду с ростом в Польше «классового внутреннего фронта» против Пилсудского и продолжающейся паники в различных звеньях государственного аппарата, среди буржуазных прослоек польского «общества» и во многих частях армии Польши бешеным темпом создавались добровольческие формирования, принимались решительные меры к укреплению Варшавского района и до максимальных размеров усилились преследования и террор против пролетарских революционных организаций. Правительство Пилсудского-Витоса-Дашинского, именовавшееся «рабоче-крестьянским», «правительством национального единения» и пр., при активнейшей поддержке ППС с изумительным искусством отравляло общественно-пролетарское и крестьянское сознание националистической демагогией.

С каждым днем все более усиливалась поддержка советских республик западноевропейским пролетариатом. К Варшавской операции движение английских пролетариев достигает кульминационного пункта развития. 9 августа организовывается «Совет действия», 13 августа состоялась национальная конференция рабочей партии по вопросу о войне. Высоко поднимается движение германского пролетариата, итальянского, французского и др. Правофланговые части Западного фронта начинают получать и людское подкрепление от немецких рабочих: т. Гая пишет, что «13 августа в г. Серпец, впервые с начала наступления, корпус получил из своего запасного дивизиона пополнение — 40 солдат германской службы... спартаковцев, самовольно перешедших границу».

Революционная защита советских республик западноевропейским пролетариатом сильно тормозила дело помощи капиталистической Польше со стороны Антанты. Война Советской России с Польшей действительно превращалась в «международную войну против Польши» (Ленин). Тем не менее помощь Антанты не только не прекратилась, а наоборот усилилась, особенно со стороны Франции. В «общественном мнении» Европы подход Красной армии к Висле усилил рост симпатий в сторону Польши. Помощь Европы вселяла лишнюю искру надежды в сознание отчаявшейся польской буржуазии, в польскую армию, в ее новые формирования и пополнения.

В двухстороннем процессе разложения капиталистического организма Польши и его консолидации вновь побеждала как будто вторая тенденция. Националистическая пропаганда и социальная дема-

---

[1] Архив Красной армии, д. 45 — 175. Конечно были настроения (они также отражались в письмах) и иного порядка, но не они создавали тон красноармейской психологии.

гогия делали свое дело. Нашим частям приходилось сталкиваться с *качественно* иным уже неприятелем: националистический туман застилал перед ним классово-освободительное знамя Красной армии. Классовые лозунги политической агитации, организованная деятельность ревкома упирались в рост шовинизма и требовали дополнительных, особых усилий и средств.

Только широкая информация о могучей поддержке международного пролетариата, непоколебимая уверенность в пролетарской правоте наступления, ленински отточенная и гибкая линия агитации и поведения могли в этих условиях бороться с зарождавшимся пессимизмом в отношении революционности польского рабочего и особенно польского крестьянства и, с вылезавшим из многих дыр, великорусским шовинизмом.

К тому же к решительному сражению победоносные армии Западного фронта пришли основательно потрепанными и с большими потерями. Тов. Мовчин считает, что от исходной численности армии потеряли 35% [1]. Находившиеся на колесах 60 000 пополнения не могли догнать наступавшие дивизии. Несмотря на рискованнейшие мероприятия, — изъятие для перевозки пополнений паровозов с санитарных и штабных поездов, — пополнение все же не успело попасть в части. Советский транспорт был настолько беден в то время, что не смог удовлетворить настойчивых просьб командования Западного фронта о поддержке несколькими десятками паровозов [2]. Насчитывая свыше 700 000 едоков, Западный фронт к решающему сражению сумел вывести только 50 000 штыков и сабель [3] против 85 800 штыков и сабель польских. Обоз, снаряжение, обмундирование, снабжение боеприпасами и питание армий находилось в самом плачевном состоянии.

Положение армий Юго-западного фронта, в частности 12-й и 1-й Конной, было не лучшим.

14 августа РВС 12-й армии в телеграмме председателю РВС и Ленину писал: «Считаем долгом предупредить, что самая крупная дивизия имеет 1 500 штыков и самая малочисленная — 700 на всю дивизию... Части устали, плохо одеты. Пополнений из-за отсутствия обмундирования и винтовок подать не можем... Примем меры не терять инициативы, ибо переход к обороне не удается, и части не выдержат, так как противник превосходит нас. Необходима помощь. Нр. 155 [4]».

1-я Конная армия испытывала сильнейшее физическое утомление, острый недостаток в снабжении по всем линиям и понесла большие потери. Все это безусловно отражалось на ее политико-моральном состоянии. Поэтому РВС армии ходатайствовал в начале августа о выводе армии на некоторое время в резерв для отдыха и восстановления сил. В таком состоянии 12-я и 1-я Конная армия едва ли могли оказать необходимую поддержку Западному фронту даже при условии, если

---

[1] Мовчин, Последовательные операции по опыту Марны и Вислы, стр. 65.
[2] Какурин и Меликов, Война с белополяками, стр. 320.
[3] Там же, стр. 390. Цифровые данные у различных источников совершенно не сходятся. Мы склоняемся к подсчетам авторов данного труда.
[4] Там же.

бы в передаче их командованию Западного фронта не произошло печально-знаменитых недоразумений.

Таким образом руководящие политорганы Красной армии к варшавскому сражению должны были считаться: 1) с новыми особенностями международного положения и, в частности, с вопросом о мирных переговорах, затягиваемых и срываемых Польшей; 2) с усиливающимся, благодаря консолидации противника за фронтом, сопротивлением польских частей на Висле; 3) с резким истощением наших героических частей и полнейшей необеспеченностью операции в материальном отношении; 4) с усиливавшейся политической пропагандой противника в рядах наших войск и среди населения освобожденных нами районов при наличии серьезнейших трудностей и общего упадка партийно-политической работы.

Все эти условия требовали от всех поармов и обоих пофронтов, особенно Западного фронта, уделения самого серьезного внимания подготовке операции. Низовые политорганы и парторганизации должны были ориентироваться в новой обстановке и получить исчерпывающие политические директивы. Быть может последние и были даны, но, к сожалению, вследствие гибели многих архивов они остались неизвестными. История сохранила только один важный документ: обращение к коммунистам и политработникам армии члена РВСР Смилги и председателя Ревкома Польши т. Мархлевского, выпущенное в начале августа. Это обращение фактически, очевидно, возместило отсутствовавшую политическую директиву позапа. К нему мы вернемся несколько позже. (См. приложение 11.)

Промахи политического руководства в этот период особенно досадны, потому что наши части имели весьма солидную коммунистическую прослойку. По данным позапа о партийной насыщенности «до отступления», приводимым в труде т. Мовчина [1] — «на двух беспартийных приходился 1 коммунист», а всего в частях фронта было 43 016 членов и кандидатов. Статистика политорганов того времени (в том числе и позапа) не может приниматься на веру. Хотя мы не имели возможности произвести исчерпывающую проверку этих данных, но отдельные подсчеты (по 16-й и 15-й армиям), произведенные нами, говорят о безусловном преувеличении сведений фронта против действительности, хотя и не особенно резком. Кроме того, т. Мовчин устанавливает пропорцию коммунистического состава из расчета 116 000 бойцов Западного фронта, мы же приняли иную цифру. Однако никакие оговорки не могут изменить общей характеристики партийной насыщенности частей Западного фронта.

★

Поарм 16 в отчете за август [2] писал: «Главное внимание было уделено политической и организационной работе. Кадр инструкторов поарма был прикреплен к слабым частям. Было обследовано и проинструктировано 86 войсковых частей и 3 подива». Однако это отчетное

[1] Мовчин, Последовательные операции по опыту Марны и Вислы, стр. 66.
[2] Архив ВПАТ, д. 542.

благополучие на практике выглядело очевидно совершенно иначе. На совещании при поарме 28 октября один из быв. начальников подива говорил: «Хотя и был полевой поарм (в Брест-Литовске.—*П. С.*), но связи с дивизиями он не имел; если же и была связь с полеподивами, то они сами не имели связи со своими частями. Фактически в полеподарме ничего не делалось, работа носила хаотический порядок. Начальник поарма никогда в нем не бывал... Все рвались вперед, но никто не хотел работать [1]. В «Историческо-стратегическом очерке 16-й армии» пишется: «В период нашего наступления... и последовавшего затем отхода, углубление политработы естественно не могло иметь места... качество работы во всяком случае понижается». Никаких директив поарм перед Варшавской операцией подивам не давал, работа шла самотеком. Подив 27 [2] отмечал, что перед Варшавой главная задача заключалась в поддержке энтузиазма у горстки героев, что достигалось личным объездом частей начальником подива и другими работниками. Вместе с тем, подив главным образом занимался организацией советской власти. За весь август дивизия получила литературу всего 4 раза — 5, 8, 27 и 29 августа, таким образом и в смысле обеспечения печатной агитацией операция была поставлена из рук вон плохо.

Подив 10 констатировал [3], что «работа ячеек расстроилась, агитработа велась в $2^1/_2$ раза слабее, чем в июле».

Подив 8 [4] отмечал, что: «политработа в виду беспрерывных передвижений нормально не велась». Полеподив занимался преимущественно организацией советской власти. Количество воззваний уменьшилось в 8 раз. Перед наступлением были проведены беседы: «Война со шляхетской Польшей» и «Война и мирные предложения Польши». На эту же тему подив, не имея от поарма указаний об агитации в связи с переговорами, выпустил листовку.

★

Поарм 3 также не выпустил директивы к операции и не приковал внимания подивов к новым задачам и условиям. 9 августа почти накануне нашего наступления, поарм дал разрешение начальникам подивов 21 и 6 на созыв дивизионных партийных конференций [5]. Очевидно сам поарм был недостаточно ориентирован в оперативно-политической обстановке.

По сводкам частей 3-й армии положение и работа перед наступлением рисуется в следующем виде: 10 августа подив 21 провел совещание военкомов и ответственных политработников дивизии (очевидно вместо дивизионной партийной конференции) с повесткой дня: текущий момент, доклады с мест, организационный вопрос, отношение к местному населению, организация ревкомов. В 182-м полку было проведено 4 беседы: «Отношение красноармейцев к населению»; в 63-й бригаде

[1] Архив ВПАТ, д. 541. Речь т. Цельмина.
[2] Там же, д. 542.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Архив Красной армии, д. 234/496.

велись одиночные беседы в виду того, что полки стремятся вперед — взять Варшаву. 5 августа подив издал приказ об усилении политработы, однако работа тормозилась отсутствием работников, владевших польским языком [1]. Подив 6 доносил 10 августа, что в 52-м и 53-м полках в связи с потерями боеспособность понизилась.

По донесениям подива 56 в 168-й бригаде — 50% босых, в 496-м полку — плохое отношение населения, в 497-м полку — плохое состояние, в 500-м «среднее», в 501-м — «лучше», в 503-м — «ропот на отсутствие обуви». В кавалерийском полку проводилась работа среди населения на темы: «Красная армия и трудящееся население Польши», «Текущий момент». Подив занимался работой среди населения и организацией власти.

Поарм провел 10 августа в Бельске собрание рабочих, постановивших приветствовать Советскую Россию и протестовать против империализма Польши. Кроме этого было устроено собрание городской коммунистической ячейки с докладом «Текущий момент», организован ряд субботников, вооружение партийцев и митинг военнопленных с повесткой: «Строительство советской власти в Польше», «За что боремся». Пленные вынесли приветствие Советской России и пожелание дальнейших успехов.

Сводки 11 и 12, 9 и 8 августа рисуют аналогичную картину.

В этом же духе шла «подготовка» к политическому обеспечению операции и в других армиях фронта.

Позап в данном случае «не отставал». Если взять, например, продукцию его издательской деятельности, то в сравнении с июлем она уменьшилась в августе в $2^1/_2$ раза (153 названия с 1 702 756 тиражом [2]).

Таким образом *в части политической Варшавская операция была подготовлена несравненно хуже июльского наступления.* Собственно, политорганы и парторганизации перед Варшавской операцией жили и работали старой июльской зарядкой. Политические директивы в связи с Варшавской операцией начали поступать уже после начала контрудара поляков.

★

Поарм 15 в своей газете 17 августа опубликовал приказ предреввоенсовета (№ 233 от 14/VIII), разоблачавший польскую игру с мирными переговорами и предлагавший войскам «отучить польское правительство банкротов играть с нами в прятки... — вперед... на Варшаву! за независимую и братскую Польшу!». О наших неудачах и грозном положении, сложившемся на левом фланге Западного фронта, войска были поставлены в известность и призывались всеми политорганами ответить на неудачи наступлением только спустя несколько дней. 20 августа РВС фронта издал по войскам в этом духе специальный политический приказ (№ 1847) [3].

«Прикрываясь лживыми стремлениями к миру польские белогвардейцы готовили нам удар на линии реки Вислы. Изнуренные героическим маршем от По-

[1] Архив Красной армии, д. 72/187/с
[2] Архив ВПАТ, д. 679.
[3] Архив Красной армии, д. 45/134.

лоцка до Варшавы, части Красной армии отходят под давлением превосходных сил врага. Белогвардейцы всего мира ликуют по случаю нашей временной неудачи. Польское правительство, недавно так усиленно просившее о мире, теперь резко изменило политику. Польская мирная делегация в Минске самым подлым образом срывает мир. Сплошь состоящая из шпионов и контрразведчиков, польская делегация пытается использовать свое положение для целей разведки.

Герои Киева, Вильны, Минска, Брест-Литовска и Плоцка! Очевидно, что только на развалинах белой Польши может быть заключен мир. Только окончательно разгромив белых бандитов, мы обеспечим России спокойный труд.

Победоносно начатое наступление должно быть победоносно окончено! Позор тому, кто думает о мире до Варшавы!

Несокрушимой стеной встает на защиту советской власти трудовой народ России, Украины и Белоруссии. Сотни тысяч новых бойцов наполняют поредевшие ряды славных полков.

Не видать победы панам! Стальной кулак Красной армии разобьет голову польской белогвардейщины.

Бойцы Красной армии, помните, что Западный фронт есть фронт мировой революции. На этом фронте мы должны победить.

Красноармейцы, коммунисты, командиры и комиссары, Советская Россия требует от вас величайшего напряжения сил для достижения победы.

Ни шагу назад! Победа или смерть!

Ком. Западного фронта *Тухачевский*. Наштазап *Шварц*. Член РВС *Смилга*.

За день до приказа — 19 августа — Центральный Комитет партии послал Западному фронту следующую телеграмму:

«Центральный Комитет РКП знает о тех причинах, которые вызвали нынешние временные неудачи Запфронта, знает о чрезвычайной усталости частей, всех партийных работников фронта. Тем не менее *ввиду всемирно-исторического значения польского фронта ЦК считает себя вправе требовать от всех коммунистов нового героического напряжения сил, чтобы окончательно сломить польскую белогвардейщину*. Партия во всей стране мобилизует силы, средства на помощь Западному фронту. ***Ленин. Крестинский. Троцкий. Сталин. Бухарин.*** Нр. 788 [1].

Остановить наступление поляков, тем более вновь возобновить решающее наступление, чтобы окончательно сломить польскую белогвардейщину, нам не удалось. С каждым днем в начале отступления обстановка делалась все более грозной и опасной, Красная армия несла сильнейшие потери, вследствие которых последующее восстановление в короткий срок для большинства частей было сверхчеловеческим заданием.

Положение дел в армиях фронта было крайне тяжелым.

Поарм 15 в период неудач совершенно растерялся и никакого влияния на ход отступления не оказал. Влившиеся в армию после поражения питерские коммунисты во главе с новым начальником поарма т. Володиным должны были проделать в сентябре колоссальную работу по восстановлению боеспособности частей и политорганов. Пришлось объявить даже чистку поарма [2]. К концу августа в дивизиях дело представлялось в оценке поарма в следующем виде.

В 11-й дивизии за время операции выбыло 45% состава парторганизации, но «коллективы стояли на должной высоте». Не имея твердой связи с частями, подив не мог руководить ими. В дивизии совершенно отсутствовали коммунисты-поляки, литовцы, белоруссы и соответствующая литература.

[1] Архив Красной армии, д. 234/496.
[2] Архив ВПАТ, д. 732.

В 16-й дивизии отступление нарушало всю работу. За все время отступления и остановки прочитано только 3 политические лекции и 25 естественно-научных (!!!). В полевые части мобилизованы коммунисты-тыловики [1].

О состоянии политработы во 2-й дивизии подиву было неизвестно, так как подив ни разу не был в частях во время отступления вплоть до остановки [2].

В 33-й дивизии при отступлении «комсостав держал себя недостойно». Подив бросил типографию и нуждался в оздоровлении и встряске.

В 27-й дивизии подив во вторую половину августа связи с частями не имел [3], хотя им давались указания о поддержании боевого духа, дисциплины, о пресечении ненормальных явлений. Была составлена листовка и директива о текущих событиях и как отвечать на запросы красноармейцев. По отступлении в полках осталось 50-60 коммунистов, парторганизации распылились, комиссарский состав расшатался и требовал отдыха и встряски [4].

Во всех частях армии за август было распространено 785 735 экземпляров различной литературы. После остановки некоторые подивы немедленно развили интенсивнейшую работу по восстановлению дивизии, в частности подив 27. Последний выпустил ряд листовок с разъяснением причин поражения, с призывом к новому наступлению, издал тезисы «причины нашей неудачи» для агитработы и 1 сентября разослал частям приказ о восстановлении работы (см. приложение 2). 13 сентября подив провел совещание военкомов, информаторов и культурников с повесткой: текущий момент, доклады военкомов и подива, организационный вопрос, постановка агитработы в частях и среди населения, возможные виды культработы в текущей обстановке и текущие дела.

Сам поарм 15 развивал в частях весьма усиленную деятельность: 12 сентября провел совещание начальников подивов [5], на котором были заслушаны доклады с мест и обсужден ряд весьма важных вопросов: о дивизионных партконференциях, о подготовке к наступлению, о линии поведения в местной политике, об упразднении некоторых категорий комиссаров, о введении повсеместно института политруков и о связи с газетой.

Эти доклады дали следующую характеристику состояния дивизий после отдыха.

2-я дивизия вышла из отступления благополучно. Пополнение, состоящее из дезертиров и выделенное из других дивизий, недисциплинировано, но с удовлетворительным настроением. Имеется 2 800 коммунистов, 1 500 кандидатов и 140 инструкторов-питерцев. Производится учет, чистка и перераспределение политработников. Партработа ведется регулярно, изучается программа РКП. Развернута работа по

---

[1] Архив ВПАТ, д. 732.
[2] Архив Красной армии, д. 59/084/с.
[3] Там же.
[4] Архив Красной армии, д. 60/326/с.
[5] Архив ВПАТ, д. 732.

созданию наступательного порыва. Нехватает литературы, библиотеки всюду уничтожены.

В 11-й дивизии качественный состав красноармейцев определить трудно. Настроение пополнения — пассивное, инертное. Старый кадр уцелел. Коммунистов 2 145, кандидатов 609. Развернута большая политическая и строевая работа, преимущественно в резервных бригадах. Военкомы полков и подив в политическом отношении слабы. Библиотек нет. 50% комсостава в полках не соответствуют своему назначению. При отступлении выбыло 388 коммунистов.

Пополнение 16-й дивизии состоит из дезертиров. Настроение хорошее, но в 140-м полку ведется агитация за мир. Нехватает комсостава. В каждой роте решено создать комячейки. Коммунистов и кандидатов 1 907 человек.

Крайне слабо и неаккуратно снабжение газетами.

В 33-й дивизии осталось только 50% коммунистов. Дивизия доукомплектовывается. В порядке подготовки к наступлению решено ввести планирование политикопросветительной и партийной работы, развить агиткампанию, подтянуть снабженческие органы, предупредить возможное развитие антисемитизма.

Из постановления совещания начальников подивов 15-й армии по организационным вопросам обращает внимание решение о повсеместном введении института политруков и об упразднении существовавшего института председателей ячеек. Политрук, назначаемый военкомом полка, одновременно должен являться и председателем комячейки.

Совещание сыграло большую роль в улучшении политического руководства армией, несмотря на все последующие неудачи и отступления.

☆

28 августа начальник *поарма 3* т. Кучмин послал начальнику позапа т. Шутко по прямому проводу следующую[1] записку

«За тяжелый период отхода из Варшавского района в Гродно дивизии потеряли почти весь комиссарский кадр боевых частей и до 90% коммунистов. Аппараты подивов наполовину сохранились, кроме 21-й дивизии; последний весь погиб. Сейчас дивизии пополняются политически малообработанным элементом. Приходится выкачивать почти все партсилы из тыловых учреждений. Оставшиеся старые бойцы ошеломлены происшедшим. Отсутствие обмундирования и обуви как у пополнения, так и у оставшихся бойцов сильно отражается на настроении и боеспособности. Приходится принимать все усилия к тому, чтобы сделать пополнение боеспособным. Пришлось заменить начальников подивов 6, 56 и 5 дивизий, бывшие начподивы за отступление настолько измотались, что не могут проявить должной интенсивности в настоящий момент. (Начподивами были назначены помощники начпоарма и военком штарма. — *П. С.*). *Создавшееся положение выдвинуло целый ряд принципиальных вопросов, которые необходимо разрешить совместно с вами...* Прошу выехать в армию, где увидитесь с начпоармом 15».

Начальник позапа в армию не приехал, директив на ряд новых приниципальных вопросов не дал (например, о перемирии, об отношении к Литве и пр.). и помог армии только присылкой коммунистиче-

[1] Архив Красной армии, д. 234/496.

ского пополнения в количестве — 400 питерцев, 100 ч. из 15-й армии и 64 политработников.

В первых числах сентября т. Кучмин сообщал:

«В 56 и 5 дивизиях прошли партконференции, в 21-й откроется 11-го, в 6-й — 13 или 14-го. По окончании их предположена армейская партконференция. В резервных дивизиях провели кроме того беспартийные бригадные конференции. Нельзя ли разрешить нечто вроде партнедели? Кр-цы охотно вступили бы в партию. Очень остро — с продовольствием и обмундированием, появляются всевозможные болезни. Несмотря на интенсивность политработы дух частей будет падать. Просьба выслать газетной бумаги, культпросветпособий осталось только на 4 — 5 дней. В 5 див. 2 044 коммуниста (д. чл. и канд.), в 6-й — 3 337, в 21 — 1 269, в 56 — 2 344, в частях Штарма 1 607, а всего 8 791».

Новый обход поляков нанес армии еще более сильный удар. Армия потеряла большую часть пополнений, громадное число коммунистов, материальную часть. Боеспособность была подорвана... Поарм, только начиная с перемирия, начал развертывать свою работу [1].

☆

16-я армия вышла из операции [2] также сильно расстроенной и приведение ее рядов в боевой порядок во всех отношениях заняло добрую половину сентября. По подсчетам начальника поарма 16 т. Пикель [3] на 10 сентября армия нуждалась в 1 891 партработнике, потеряв в действующих частях около 70% коммунистического состава. После первого отката в дивизиях началась интенсивная работа по восстановлению боеспособности. В 10-й дивизии [4] с 1 по 20 сентября происходило переформирование; политработа носила ударно-агитационный характер, почти всюду заново были организованы ячейки, проводились бригадные беспартийные и партийные конференции, а также дивизионные конференции военкомов, политруков и культпросветработников. Подив давал на каждый день тезисы. Интенсивность работы в сравнении с августом повысилась в 4 раза.

В 18-й дивизии [5] — та же картина.

В 48-й дивизии, находившейся весь сентябрь в боях, положение складывалось иначе [6]. Дивизия, испытывая сильнейший напор противника, все время отступала, не получая по 10 дней пищи, и вконец деморализовалась. Партийцы вели за собой части, потеряв из своих рядов 500 человек. Проведенная партийная неделя дала 139 новых коммунистов (партийная неделя проводилась и в других дивизиях). Политработа преследовала все время одну цель — сохранение боеспособности. Большая работа велась среди населения и противника. Подив усилил также свою издательскую деятельность, но снабжения частей литературой во второй половине месяца совершенно не было.

Второй откат снова ухудшил положение дивизий, принеся большие потери.

---

[1] Архив Красной армии, д. 234/493.
[2] Архив ВПАТ, д. 542.
[3] Там же д. 541.
[4] Там же д. 542.
[5] Там же.
[6] Там же.

В августе армия насчитывала 9 780 коммунистов, в сентябре — 8 491 и в октябре — 13 203.

Во время отступления поарм сосредоточил все внимание на приведении в порядок расстроенных частей, на прекращении паники и упорядочении отхода. «Коммунисты из тыловых учреждений были поставлены под ружье. В Слониме и Барановичах были организованы заградительные отряды; часть работников поарма была выделена в отряды для прикрытия Пружанского направления, часть — в разъезды для указания отходящим путей отхода, борьбы с паникерами. Расстреляли даже и некоторых коммунистов. В полном объеме поарм работу развернул лишь с ноября [1]».

Позап в сентябре издал ряд руководящих указаний о линии нашей работы в связи с создавшимся положением и начинающимися мирными переговорами. Издательская деятельность позапа значительно увеличилась (208 названий с 3 527 590 тиражом).

★

Поарм 12 составлял редкое исключение из общего правила. В недостатке политического руководства с его стороны подивы пожаловаться не могли. С 10 августа в ряде документов и в газете он сосредоточивал внимание на новых условиях работы, особо подчеркивая классовый характер войны и наши освободительные цели, популяризовал деятельность польревкома и попытки создания польской Красной армии. В этом отношении он также пошел дальше многих других поармов, крайне слабо работавших по части популяризации польревкома, его декретов и деятельности как среди красноармейцев, так и среди местного населения и в польских войсках.

18 августа в Ковеле было проведено совещание начальников подивов, которое отметило и подчеркнуло новые условия работы.

28 августа происходило совещание крестьянских секций. Со 2 сентября поарм стал издавать журнал для политработников «Коммунистическая армия».

С 4 сентября происходила армейская партийная конференция (400 делегатов) с большой повесткой дня: 1) текущий момент и международное положение; 2) ближайшие задачи партийной работы; 3) работа среди населения Польши и Галиции; 4) ликвидация неграмотности; 5) об РКИ; 6) партработа в продорганах и др.

По первому вопросу командарм т. Кузьмин дал чрезвычайно бодрую и оптимистическую оценку положения и перспектив: «Польшу мы опрокинем, это ясно!» Лишь — «будем начеку!» Таким образом в общеполитической ориентировке партийная конференция дала делегатам не совсем правильную установку.

В качестве ближайших задач партийной работы начальник поарма т. Дегтярев выдвинул положение о необходимости борьбы с узким толкованием партработы, обрисовал силы капиталистической Польши и роль националистического шовинизма, призвал к поднятию боеспо-

[1] «Историческо-стратегический очерк 16-й армии».

собности армии, к усилению работы среди населения и большему участию военкомов во всех областях военнополитической работы.

К 20 августа в армии насчитывалось 6 770 коммунистов (1 317 чел. в 7-й див., 1 325 — в 24-й, 980 — в 25-й, 895 — в 44-й, 1 040 — в 58-й, 282 — в упраформе и 931 — в специальных и тыловых частях).

В августе через экспедиционные аппараты действующих частей прошло 1 081 474 газеты, 978 849 листовок, 18 138 брошюр, 1 603 журнала, 19 986 плакатов и др. Редиздат поарма несколько снизил свою продукцию, выпустив только 1 875 000 экземпляров различных изданий [1].

★

О 1-й конной армии имеются лишь отдельные отрывочные сведения. Очевидно поарм не издавал никаких директив, предоставив части самим себе.

Подив 6 10 августа провел дивизионное совещание секретарей партячеек, на котором были поставлены задачи: борьба с антисемитизмом и бандитизмом, разъяснение необходимости дальнейшего ведения войны с белополяками и ликвидация оборонческих настроений (вопрос о переходе границ Галиции), привлечение на нашу сторону симпатий польских и галицийских трудящихся, правильное освещение вопроса о положении в тылу и о значении тыла. Перечень задач, поставленных подивом перед ячейками, дает возможность судить о состоянии дивизии. Оно оставалось попрежнему ненормальным в отношении антисемитизма, бандитизма, антитыловых настроений и в дополнение к этому появились опасные «оборонческие настроения».

Кроме того, совещание разрешило ряд организационных вопросов [2] и принесло большую пользу в дальнейшем улучшении постановки партийной работы. В сентябре подив решил создать 3-месячные курсы политграмоты с весьма оригинальной программой: цикл естествознания, цикл советского строительства, практика работы и эпизодические лекции (женский вопрос и новая мораль, семья и брак, пролетарская этика, бог и человек и т. д.) и между прочим... война с Польшей и итоги II Конгресса КИ.

Командованию и политорганам 1-й конной армии приходилось принимать исключительные мероприятия, чтобы выполнить сверхтрудные задачи, ставившиеся командованием Юго-западного фронта перед армией. В противовес широко распространенному взгляду о низком политическом уровне руководства в частях 1-й Конной армии вся практика работы показывает достаточно зрелое и политически подкованное руководство дивизиями 1-й конной армии (см., например, приложение 3).

18 сентября поконарм 1 провел в Ровно армейскую партконференцию [3], материалы о которой, к сожалению, не сохранились.

20 сентября начальник поарма, учтя опыт прошедших месяцев, издал следующий приказ о реорганизации поарма.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 566.
[2] Архив Красной армии, д. 12.
[3] Там же, д. 117.

«Опыт показал, что поарм не справляется с работой, если следует за полештармом. 1. Основному поарму следовать впредь за основным штармом. 2. Для более тесной связи с дивизиями и принятия мер неотложного характера выделить полепоарм. При нем никакие отделы не создаются. 3. На заместителя т. Мельничанского возлагаю общее руководство всем аппаратом поарма. 4. Уполномоченному поарма при тылштарме—т. Шульге—прибыть в полепоарм и вступить в должность моего помощника по полепоарму. Взять на себя общее руководство органпаратами подивов».

Итак, с большим опозданием и с далеко неисчерпывающей полнотой и четкостью поконарм все же учел недостатки своего организационного построения и исправил их.

★

Поарм 14, реорганизованный в конце июля т. Мирошниковым, в конце августа новым начальником т. Федоровым вновь был реорганизован. Во время наступления поарм оторвался от частей, и руководство его заключалось в периодическом издании руководящих указаний и тезисов для политработы, что действительно достигало реальных результатов. Политсостав частей вел себя выше всяких похвал, подавая пример красноармейцам своей храбростью и геройством. Во время отступления политсостава выбыло 60%, что очень печально отразилось на ходе политработы в следующих периодах. Особенно печально отразились на дальнейшем ходе операций раздетость и разутость наших частей, наступающие холода и дожди и небоеспособные пополнения из дезертиров и ненадежных элементов, мобилизованных в Киевской, Херсонской и Одесской губерниях. Нужно было отыскать что-то ощутительное, чтоб удержать натиск превосходных сил противника. Начали поступать сведения о недовольстве одетым тылом, о переходе к противнику, об уходе с постов «сушиться и греться по хатам». Принятые меры: политическая агитация, мобилизация 10% коммунистов тыловых ячеек, посылка работников поарма не могли «восстановить политработы» и положения. Остро чувствовалась нужда в ответственных политработниках (нужно было сменить 4 начальников подивов). Между тем поюгзап никого не присылал. Точно так же поюгзап вообще не осуществлял никакого политического руководства поармом. Вследствие этого поарм жаловался «на оторванность от политической жизни», на «большие трудности» ориентировки на месте по «отрывочным» радиосводкам и московским газетам, приходящим неаккуратно и с большими опозданиями [1].

Работа белополяков по разложению наших частей и контрмероприятия политорганов.

Белополяки развили весьма интенсивную работу по разложению наших войск, используя разнообразные средства и возможности. Во многом они строили свою работу по нашим образцам, копируя формы

[1] Архив ВПАТ, д. 1092.

некоторой нашей работы до мелочей. Но к несчастью пилсудчиков, им не представлялось возможным скопировать содержание. Классовая капиталистическая, контрреволюционная правда вылезала наружу даже и из-за самой утонченной социальной демагогии, окрашенной под ложно большевистский цвет. Нужно отдать должное полякам: в своей агитации они не брезговали ничем и умело применялись к особенностям обстановки. Они действовали и от своего имени, и совсем без всякого имени, от имени «Политического отдела... Польской армии», от перебежчиков и пленных, от «Революционного Комитета спасения Красной армии», «Русских деятелей» и от имени Троцкого и СНК, от «Центроплена» и «Союза Крестьян», от «Штаба N Зеленой армии» и т. д. и т. п. Они выпускали печатные листовки, регулярно выходившие газеты («Правдивые известия», «Последняя правда»), брошюры, папиросную бумагу, писали листовки и письма от руки, разбрасывали «пропуска» в плен и т. п. В отдельных случаях с предательской целью провоцировали красные части на братание.

В начале войны содержание листовок поляков сводилось к лживому освещению причин и целей войны: «не Польша напала, а большевики, обманывающие русский народ. Они хотят пробраться в Европу за мировой революцией. Польша же хочет мира, польское правительство сделало все для мира, а советская власть не умеет жить в мире... такая власть должна быть свергнута». «Долой войну!», «Довольно крови!», «Да здравствует демобилизация!», «Да здравствует мир и братство народов!» [1] Изо дня в день листовки настойчиво били по «теории передышки»; — «довольно игры в передышку», кричали они [2].

Польские условия мира излагались красноармейцам совсем «по-большевистски»:

«Мир без аннексий и контрибуций, отказ от захватов», что означало справедливость границ 1772 г.

«Против контрибуций. Для своих рабочих и крестьян Польша требует лишь... соответствующего вознаграждения».

«Право наций на самоопределение»... что означало «невмешательство» Москвы во внутренние дела Украины, Грузии, Финляндии и Латвии».

«Демобилизация... Красной армии. Армия нужна не для мира, а для войны»!

Крестьяне красноармейцы настойчиво натравливались на коммунистов, белополяки пытались *играть на их собственнических инстинктах*. Брошюра «Земельный закон в Польше» [3] писала:

«Власть в Польше рабоче-крестьянская, проведена в ней правильная земельная реформа, так как земля передана в *собственность* крестьянству. Это большевики в России не сделали, в этом только и заключается разница в земельной революции Польши и России. Кроме того крестьянство Польши имеет подлинную свободу и равные права со всеми».

В одной листовке [4] говорилось:

---

[1] Архив ВПАТ, д. 541. Листовка в расположении 16-й армии.
[2] Архив Красной армии, д. 71/859/с.
[3] Там же.
[4] Там же.

— «Крестьяне! Большевики кроме насилия ничего вам не дали, теперь же отберут и землю и передадут немецким колонистам. Комитеты бедноты — большевистские шпионы».

В период июльского наступления польская агитация побледнела и качественно снизилась, занималась антисемитизмом, грубыми подделками и тупым контрреволюционным зубоскальством. Например газета «Последняя правда» от 20 июля 1920 г. № 27 с подзаголовками «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Газета трудового народа», «Орган штаба N Зеленой армии» содержала следующие статьи и заметки:

«В Польше подъем. Польша — за самоопределение народов. Не бойся польского плена (вот в чем «корень вопроса»!! — *П. С.*) Воюют не «польские паны», а весь польский народ, что подтверждают своими подписями польские пролетарии. Английские рабочие против советской власти. Большевистский царизм. Земля народу, стих. Демьяна Бедного. Конница Буденного разбита — надежды большевиков на победу рухнули. Спасай свою жизнь — сдавайся в плен!»

Разумеется, подобная агитация противника не оказывала влияния на красноармейцев, вызывала шутки и насмешки (единодушный отзыв всех политорганов).

В период наших неудач поляки умело раздували и эксплоатировали панические настроения провокационными листовками об окружении, о колоссальных потерях Красной армии и т. п. Вот образец подобной агитации.

Читайте, что комиссары скрывают перед вами.

Начало польского наступления.
Грандиозная победа поляков.

19 августа польские войска прорвали фронт, в два дня сделав 100 *км*, разбили впрах целые дивизии при употреблении огромного количества аэропланов и танков и дошли от Вислы до Дрогичина и Брест-Литовска.

В два дня взято 17 ооо пленных, 32 пушки и 112 пулеметов.

Убито множество коммунистов, комиссаров и командиров.

Крестьяне везде помогают ловить красноармейцев. *Наступление продолжается.*

Многие красноармейцы поняли, что дело комиссаров потеряно и что незачем им страдать за интересы кровопийцев, — бросили оружие и пошли домой; другие же добровольно целыми отрядами идут в плен, лишь бы покончить эту проклятую войну за интересы комиссаров.

Многие поступают в украинские, русские и казачие части и дерутся на стороне поляков против коммунистов.

Солдаты Красной армии!

Ударим с нами против коммунистов *и через две недели будет мир.*
Будем свободно и по-братски жить.

Политический отдел польской армии [1].

В период варшавского поражения польская агитация безусловно находила некоторое отражение в рядах панически отступающих обозников, разбитых и перемешанных частей. Можно также констатировать влияние польской агитации и на Юго-западном фронте, в частности, в отдельных частях 1-й Конной и 14-й армиях в период отступления.

[1] Архив ВПАТ, д. 587, лист 295.

17 августа в частях 16-й дивизии под Пултуском была разбросана неумелая, грубая, черносотенная и провокационная листовка от имени «Революционного комитета спасения Красной армии [1]»:

«Беда! Грядет уже для нас роковой час расплаты, ибо польская армия по всей линии перешла в могучее, грозное наступление.

Польская армия, это — карающий нас перст божий, но разве нет выхода?

Есть! Вот он: сдать оружие и военные припасы, тогда поляки пропустят нас по чугунке, как в свое время германцев. Нам мешают китайцы, коммунисты, жиды-комиссары. На штыки их: устранить их куда легче, чем бороться с поляками!

... И деньги большие потом можем нажить за казенное имущество, за которое поляки платят наличными царскими, а не советскими лоскутками-бумажками.

«Отправляйтесь на родину, где гибнет все, что ваше!»

Эта нелепейшая провокация пыталась играть на самых низких инстинктах крестьянина — мелкого собственника, пыталась воскресить традиции разложения империалистической русской армии. Само собой разумеется, что она успеха не имела и не могла иметь. Однако иногда польская агитация давала образцы весьма тонкой демагогии, составленные повидимому не без участия ППС и требовавшие пристального внимания политсостава и более серьезной разоблачительной работы.

Вот один из этих образцов [2]:

«Товарищи красноармейцы!

К вам обращается польский крестьянин и польский рабочий, социалисты, одетые в солдатские мундиры. Зачем вы приходите к нам? Для того ли вы, товарищи красноармейцы, сбросили с себя тяжелое царское и капиталистическое иго и объявили миру справедливое право о самоопределении народов, чтобы три года спустя итти на новые завоевания?»

... Были вы первой революционной армией в мире, предметом гордости и зависти мирового пролетариата. А что вы теперь? Орудие в руках кровожадных генералов, столпов царского режима, пушечное мясо для их завоевательных прихотей. А что осталось у вас от всех приобретений революции? Где 8-часовой рабочий день? Где полковые и ротные солдатские комитеты? Где ваша свобода? Где неприкосновенность личности? Где свобода печати? Где лозунг — «Война — войне»? Под предлогом военного времени вас одну за другой... лишают всех тех свобод.

Вас обманывают, говоря, что Польшей правят контрреволюционеры, что Польша ведет наступательную войну с вами. Четыре раза польское правительство предлагало мир вашим советам, но нашему правительству, во главе которого стоит крестьянин Витос и социалист Дашинский, отказано под разными предлогами, хитрыми и коварными.

Товарищи-красноармейцы, спросите ваших генералов, за что они проливают вашу и нашу кровь, для чего они ворвались в наши земли?»

В духе этой листовки строилась вообще вся пепеэсовская агитация. Но даже утонченная агитация пепеэсовцев не могла сделать польские попытки разложить Красную армию более убедительными и сколько-нибудь серьезного успеха у красноармейцев не имела.

Таким образом в попытках разложить красноармейские части поляки били на крестьянские мелкособственнические инстинкты и национальную ограниченность, крайнюю усталость и истощение в предшествующие годы империалистической и гражданской войны, остатки

---

[1] Архив Красной армии, д. 59/612/с.

[2] Там же, д. 59/612/с. Листовка из архива 16-й дивизии, полученная в дивизии приблизительно во второй половине июля или начале августа 1920 г.

подозрительного отношения к военным спецам, «демократически-социалистическую» внешность польского государства и его правительства, революционные традиции 1917 г., животные инстинкты паникеров, антисемитизм, употребляя при этом большевистскую фразеологию.

В отдельных случаях белополяки пытались прибегать к братанию (случаи в 15-й, 4-й и 14-й армиях), но и здесь не могли добиться результатов. Политсостав красноармейских частей в большинстве случаев принимал меры к прекращению братания.

В ответ на польскую печатную агитацию политорганы предпринимали различные мероприятия. Листовки белополяков разъяснялись тут же на месте, им отвечали в армейских газетах, в своих листовках. Наши ответы пересылались также в больших количествах полякам. В отдельных случаях политорганы давали специальные указания о способах борьбы с агитацией противника. Например поарм 3 (31/VII) в специальной директиве начальникам подивов [1] давал линию контр-агитации против польских прокламаций, распространявших лживые сведения о восстаниях на Дону и Кубани. Эти сведения поляков среди красноармейцев-донцев и кубанцев имели некоторый успех.

Польская агитработа в наших частях в силу своего классового, контрреволюционного содержания успеха не имела и руководство армии не тревожила, за исключением тяжелых дней неудач. К сожалению, мы не располагаем польскими листовками с украинского фронта, где, нужно предполагать, белополяки пытались эксплоатировать украинские шовинистические настроения и помогали кулацкой агитации в тылу Юго-западного фронта.

---

[1] Архив Красной армии, д. 234/496

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАБОТА ПО РАЗЛОЖЕНИЮ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ.

★

1 июня 1920 г. Политуправление Реввоенсовета республики в приказе № 34 [1] опубликовало «Инструкцию по распространению агитационной литературы в районах расположения неприятельских войск». В «инструкции» прежде всего отмечалось идейное содержание агитации — «идеи коммунизма» и указывалось ее значение:

«Наши летучки, воззвания, бюллетени, прокламации и газеты ломят силу неприятеля иной раз не меньше, чем штык, пуля и орудийные снаряды... Агитационная литература, предназначенная для неприятеля, это наша коммунистическая, тяжелая, дальнобойная артиллерия, перед которой не устоит никакая армия капиталистов».

Кроме того инструкция намечала практические формы работы: а) использование услуг местного населения, б) специальные посыльные-лазутчики, в) авиасилы, г) разведотряды и разведпартии расклеивают воззвания на деревьях, заборах, разбрасывают в сухую погоду на дороге, оставляют во всех жилых и нежилых помещениях, д) бросают по ветру при сильном ветре в сторону противника, в сухую погоду, е) по течению на плотах и лодках — к неприятелю, ж) оставляют в строениях, подлежащих занятию неприятелем, з) оставляют и расклеивают везде при отступлении, и) пишут на стенах зданий, заборов и т. п. яркой краской, углем, мелом и т. п. коммунистические лозунги, к) снабжают при наступлении листовкой каждого красноармейца.

Инструкция, изданная ПУРом, излишне скромно суммировала опыт работы среди контрреволюционных армий. К сожалению, в этой, *единственной* инструкции о работе среди противника отсутствовали такие важнейшие указания как: 1) об организации *специальных органов* (внутри существующих политотделов), долженствующих проводить работу в войсках противника; 2) о конкретном содержании (хотя бы в виде общей установки) нашей агитации среди *польских* войск и об особенностях содержания работы *в войне с поляками*; 3) о новых и технически более совершенных способах агитации, ибо способы, указанные ПУРом, весьма примитивны и кустарны; 4) о линии в отношении к братанию с поляками; 5) о работе среди военнопленных и об использовании перебежчиков.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 979.

Насколько нам известно, ПУР до самого окончания войны не дал этих указаний ни одному из пофронтов или поармов. Поэтому организационно-руководящую работу по разложению противника пофронты каждый осуществлял по своему.

О работе поюгзапа у нас нет материалов.

Работа позапа в этой области имела довольно стройную систему и сосредоточивалась в специальном «агентотделе». Агентотдел был создан в начале кампании со следующими основными заданиями [1].

1. «Разложение войск противника путем интенсивного и широкого распространения в его рядах агитационной литературы». Для этого конструировался соответствующий аппарат, долженствовавший «своевременно выпускать необходимое количество литературы, умело и регулярно распространять ее среди противника».

2. «Доставка агентурных сведений о противнике. Выпускать периодические десятидневные сводки о противнике, в которых на ряду с военными сведениями помещать подробную политическую характеристику частей противника, расположенных по всему Западному фронту».

3. «Наладить аккуратный транспорт зарубежной прессы...»

4. «... Иметь постоянное и неуклонное наблюдение за всеми сношениями между нашими красноармейцами и солдатами противника», до сих пор имеющими место.

Агентотдел позапа имел по одному представителю на каждую армию, по одному агенту связи на дивизию, заведующих бригадными экспедициями (на которых между прочим возлагался опрос пленных и перебежчиков) и проводников литературы в полках, а иногда и батальонах. При перегруппировках сотрудники агентотдела оставались на месте, вливаясь во вновь приходящие части. Они должны были регулярно информировать соответствующих военкомов и политотделы, передавая им для ознакомления копии своих сводок в центр и зарубежную прессу. Кроме того, агентурный отдел имел штат специальных «контролеров-пропагандистов».

На Юго-западном фронте в поармах 12 и 14 были созданы специальные польские отделы.

Работа агентотдела развернулась относительно быстро и достигла весьма солидных размеров. Однако вначале дело не обходилось без различных затруднений, об одном из которых (особенно примечательном) отдел писал [2]:

«Работа наша неожиданно встретила препятствие среди военкомов, так как они усвоили точку зрения, что с противником нужно бороться штыком, а не литературой и пропагандой».

Наступление Красной армии сильно нарушило работу агентотдела, прервало связь с уполномоченными при армиях и затруднило доставку литературы, которая стала поступать случайно.

Отступление создало еще худшие условия и свело работу почти совсем на-нет [3].

---

[1] Архив ВПАТ, д. 57.
[2] Там же, д. 601.
[3] Там же, д. 679.

Таким образом стройная организация агентотдела не выдержала серьезных испытаний и оказалась мало приспособленной к характеру операций кампании.

В своем отчете [1] агентотдел дает следующие цифры о своей деятельности.

До кампании среди противника и населения прифронтовой полосы было распространено литературы: в декабре 1919 г. — 630 340 экз., в январе 1920 г. — 331 500 экз., в феврале — 559 600 экз., в марте — 898 765 экз.

В период кампании: в апреле — 1 644 375 экз. [2], в мае — 2 461 163 экз., в июне — 2 173 480 экз., в июле — 2 245 110 экз., за сентябрь и 13 дней октября 996 980 экз. (за август сведений нет). Всего за кампанию было распространено: 9 521 108 экз. различных изданий, в том числе и две регулярно выходившие в издании позапа польские газеты.

Цифра эта нуждается в двух поправках, во-первых, в целом она преуменьшена, так как не содержит сведений за август и не включает данных о литературе поармов и подивов, изданной и самостоятельно распространенной своими средствами, во-вторых в войска противника из этой цифры попала, в силу ряда общеизвестных причин, вероятно половина, значительная же часть оседала среди населения прифронтовой полосы и просто погибала.

К сожалению, о деятельности Юго-западного фронта нет даже и столь несовершенной статистики. Имеются только отрывочные сведения по 12-й армии [3], в которой существовало по июль даже специальное польское издательство, выпускавшее регулярно газету (в июле было выпущено 221 000 экз.) и большое количество листовок (в июне например 938 000 экз.).

Поэтому дать более или менее точную цифру распространенной нами среди польских войск на обоих фронтах литературы не представляется возможным. Приблизительно можно считать по Западному фронту — 6 — $6^1/_2$ млн. экз., по Юго-западному — $3^1/_2$ — 4 млн., а всего около 10 млн. экз. различной литературы. Подобный размах едва ли может быть признан вполне достаточным. С самых различных участков фронтов очень часто слышались жалобы на недостаток польской литературы, эти жалобы особенно усиливались по мере успехов нашего июльского наступления и в период подготовки и первых дней Варшавской операции. Отступая под жестоким контрударом поляков, мы фактически полностью прекратили работу среди войск противника (исключения единичны, например 48-я дивизия) и впоследствии сумели развить ее в значительно меньшем размере (в 2 — 3 раза меньше в сравнении с первыми месяцами кампании).

Изучение постановки работы по разложению противника заставляет сделать определенный вывод, что наши руководящие политорганы оказались далеко не в должной степени вооруженными необ-

---

[1] Архив ВПАТ, д. 679.

[2] В это количество, повидимому, входит вся литература, распространенная и до начала кампании, т. е. до 25 апреля.

[3] Архив Красной армии, д. 566.

ходимыми организационно-техническими средствами, развили, хотя и большую, но недостаточную деятельность и «истощились» гораздо скорее, чем это допускали обстоятельства. При всех трудностях в снабжении бумагой и в общем состоянии типографского дела в Советской республике политорганы безусловно могли дать армии при большей настойчивости ПУРа и лучшей организованности работы пофронтов гораздо большее количество литературы для польских войск и населения.

Кроме каналов агентотдела литература распространялась и посредством воздушных сил. Однако вследствие слабости советского воздухофлота через него прошла очень небольшая часть литературы, переправленной на ту сторону фронта. Кроме того ограниченность и нерегулярность использования воздушных сил не позволили ни одному из политорганов, в какой бы то ни было степени, оформить за время кампании технику разбрасывания литературы самолетами. В журналах того времени статьи об использовании авиасредств в политработе являлись редкими гостями и обычно носили ярко выраженные следы «детского возраста».

Позап в процессе кампании изобрел и технически вчерне разработал агитснаряд [1]. Однако, в виду особенностей кампании, агитснаряд — это орудие ближнего действия — совершенно не получил применения.

Другие формы работы среди противника, указанные в инструкции ПУРа, получили наоборот, вследствие своей простоты, весьма широкое распространение и давали неплохие результаты.

В отдельных местах практиковалось братание, причем часто инициатива исходила со стороны поляков, прибегавших к братанию, как уже было сказано выше, с провокационными целями. С нашей стороны братание происходило большей частью по инициативе или красноармейцев или низового комсостава и политработников. Например 29 августа начальник подива 8-й кавалерийской дивизии доносил начальнику поарма 14 [2]:

«Между казаками 1-го полка и поляками по инициативе казаков, желавших привлечь на свою сторону противника, происходило братание: братавшиеся интересовались отношением к пленным и перебежчикам и, взяв газеты, вернулись в свои окопы, обещая передать о сказанном казаками другим солдатам.»

Подив против братания ничего не возразил. В 16-й армии 10 августа в 2 бригадах 8-й стрелковый дивизии по инициативе поляков красноармейцы пошли брататься. Поляки убеждали красноармейцев прекратить войну и разойтись по домам. Но здесь, в противовес практике 8-й кавалерийской дивизии, братавшиеся были разогнаны артиллерийским огнем, командование же дивизии повело следствие и запретило братание. В сентябре в той же армии по инициативе же поляков происходило братание в 48-й дивизии. В 15-й армии в конце апреля поляки предложили брататься и поменяться литературой, и, когда политрук с группой красноармейцев отбыл на другую сторону

[1] Было начинено 612 снарядов, а израсходовано только около 200. Архив ВПАТ, д. 679.

[2] Архив ВПАТ, д. 8-й кавалерийской дивизии.

реки, в лодку были брошены гранаты, и наши делегаты погибли. Можно привести еще ряд аналогичных фактов братания.

Ознакомление с ними заставляет предположить, что не у всего начсостава и не у всех политорганов, не говоря уже о красноармейцах, было в то время ясное представление об условиях и методах применения братания. В отдельных случаях этим пытались воспользоваться польские офицеры, причем иногда мы сами давали им оружие в руки. Так, поарм 12 в июне выпустил листовку [1] к противнику за подписью «Красноармейцы N-ской армии», в которой на ряду с разоблачением контрреволюционного характера войны со стороны Польши, — классовых противоречий в Польше и польской армии, на ряду с призывом к прекращению войны через революцию в Польше — звал польских солдат брататься с нами... И, хотя эта листовка и являлась исключением из общего правила, но к сожалению не единичным...

Основное политическое содержание нашей агитации в польских войсках сводилось:

1. К разоблачению наступательного контрреволюционного характера войны со стороны Польши, ее кабальной зависимости от империалистической Антанты.

2. К противопоставлению наступательным и контрреволюционным целям белогвардейской Польши справедливых подлинно революционных оборонительных целей войны со стороны Советской России и Украины, к разоблачению обмана о захватнической и наступательной политике советского правительства, к пропаганде его миролюбивости, отстаиванию независимости Польши.

3. К разоблачению классовых и национальных противоречий в Польше и вскрытию классовых противоречий в самой армии, к разъяснению в противовес этому политики рабоче-крестьянского правительства России и Украины, в частности национальной, земельной, рабочей и в отношении обеспечения семейств красноармейцев.

4. К пропаганде бурного развития международного пролетарского революционного движения вообще против капитализма и, в частности, против белогвардейской Польши, и в защиту советских республик.

5. К пропаганде неизбежности поражения белой Польши в войне и победы польских трудящихся.

6. К призыву свергнуть польское авантюристско-капиталистическое правительство и польскую буржуазию, к социалистической революции и установлению рабоче-крестьянского правительства.

7. К призыву прекратить войну революционным способом, к переходу на нашу сторону.

8. К разъяснению нашего отношения к пленным и перебежчикам.

9. К пропаганде успешности наших действий и т. п.

Основными документами в нашей агитационной работе являлись документы Коминтерна, Центрального комитета партии, ВЦИК'а, Совнаркома, Всеукраинского съезда советов и т. п. В очень большом

[1] Архив ВПАТ, д. 587. Листовка на польском языке «Довольно кровопролития».

количестве экземпляров был распространен «Манифест, ВЦИКа к польским рабочим, крестьянам и солдатам» от 7 мая 1920 г. (см. приложение 1).

Основные положения этого манифеста легли в основу всей нашей последующей агитации среди поляков. Особенно настойчиво подчеркивался тезис о том, что мы не покушаемся на независимость Польши и в интересах мира шли всегда на большие территориальные уступки. В период известной ноты Керзона специально и особенно широко разъяснялся тот пункт ответной ноты т. Чичерина, в котором указывалось на нашу готовность дать Польше больше территории, чем обещает лорд Керзон. Причем в разъяснении по уже приведенной выше директиве позапа развивалась мысль, что «если бы польский народ создал у себя действительное господство трудящихся, мы пошли бы тогда еще на большие уступки».

Также настойчиво через всю нашу работу проходило стремление вскрыть классовые противоречия в Польше и в армии, пробудить классовое сознание польского солдата, подтолкнуть его потенциальные революционные устремления.

В общеполитических вопросах наша агитработа была без исключения классово выдержанной, достаточно четкой и сильной. Недостатком в этой области являлось то, что мы мало (сравнительно с другими вопросами) уделяли места пропаганде национальной политики советской власти и партии, разоблачению националистическо-угнетательской политики буржуазной Польши, популяризации польского и галицийского ревкомов и их деятельности, вскрытию внутреннего разложения буржуазной Польши и сообщениям о той помощи, которую оказывал нам, особенно в период наших неудач, международный пролетариат.

Однако основной недостаток работы лежал не в области политического содержания агитации. Он заключался в построении агитации только из расчета на политическое обеспечение конечных целей кампании, между тем как интересы политического обеспечения конкретных операций тех или иных армий и дивизий нами почти не обслуживались. Такой задачи (приспособить агитацию для целей данной операции), как правило, наши политорганы себе не ставили. ПУР, пофронты, поармы и подивы почти всегда агитировали по общим вопросам, с одним и тем же размахом и с одними и теми же лозунгами независимо от того, стояли ли перед данной дивизией крепкие познанские части или полуразложенные белорусско-литовские, наступали наши части или отступали, находились ли они на советской территории или литовской и т. д.

В нашем распоряжении имеется несколько десятков листовок, выпущенных различными политорганами (фронтовыми и армейскими) в различные периоды кампании. Что конкретно содержат в себе эти листовки?

В ответ на польскую листовку — разоблачается ложь о Советской России, вскрывается истинное положение дел в Польше, подчеркивается неизбежность поражения Польши; сообщается о революционном движении в Польше, о кровавой борьбе с ним польского правительства.

От имени перебежчиков-поляков разоблачается контрреволюционный характер войны, обман польского офицерства о якобы зверском обращении с пленными в Красной армии. Зверское отношение польского офицерства к пленным и красноармейцам противопоставляется гуманному и братскому отношению к польским пленным в Красной армии, приводится приказ председателя РВСР № 217. Солдаты польской армии призываются «повернуть фронт на Варшаву» и совершить революцию. Сообщается о майских успехах Западного фронта. Солдаты белой Польши призываются к объединению с Красной армией против польской шляхты за Польскую рабоче-крестьянскую республику. Разъясняется истинное положение семей польского солдата (голод, холод, нищета, безработица, беспощадная эксплоатация польскими помещиками и капиталистами, преследование жандармерией) и семей красноармейцев, а затем — призыв к созданию солдатских советов для борьбы с польской шляхтой. Разоблачается предательская роль ППС посредством цитат из «Роботника». Сообщается о победах конницы Буденного, о мобилизации миллионных масс рабочих и крестьян России и Украины для отражения белопольского налета, о неизбежности поражения поляков. Вскрываются классовые противоречия между польскими солдатами и офицерством. Развенчивается Пилсудский, рассказывается правда о его союзе с Врангелем, Петлюрой и Махно. Польские солдаты призываются не расстреливать, а поддерживать крестьян-повстанцев. Разъясняются причины отставки правительства Скульского и солдаты призываются подать «в отставку». Сообщается о дезертирстве и разложении польской армии. Разъясняется гнусность и недопустимость еврейских погромов и т. п.

Только несколько случайных листовок имеют более конкретную установку: сообщить «своему» противнику о том, что он окружен, и призвать его к переходу на нашу сторону и сдаче в плен. Вот одна из этих случайных листовок:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи солдаты Польши!

Вы окружены со всех сторон отрядами нашей Красной армии. Глубоко в вашем тылу заняты города *Бердичев и Житомир, а также перерезана единственная дорога вашего бегства на Коростень.*

Товарищи польские солдаты!

Мы не хотели и не хотим войны с *вами*. Ваше правительство кровавой шляхты, правительство Пилсудского довело вас до гибели. Мы, трудящиеся России и Украины, могли бы с *вами*, польскими рабочими и крестьянами, жить в мире и согласии.

Товарищи солдаты Польши!

Не проливайте даром своей крови. Переходите на нашу сторону. Сдавайтесь нам. Лакеи польской шляхты — ваши офицеры нагло врут вам, что красноармейцы расстреливают взятых в плен польских солдат. *Это — гнусная ложь.* В приказе Троцкого № 217 советская власть ясно и решительно запретила не только убивать, но вообще издеваться над взятым в плен противником, *ибо рабочий и крестьянин России и Украины является братом польского рабочего и крестьянина. Ведь у нас одинаковые на руках мозоли.*

Товарищи польские солдаты!

Сдавайтесь нам и переходите на нашу сторону, будем совместно с вами нашими рабочими руками строить новую, лучшую жизнь.

Да здравствует революция в Польше!
Да здравствует братский союз трудящегося народа Польши, России, Украины и всех стран!
Долой ясновельможное панство и шляхту во всем мире!

Политический отдел N-ской Красной армии.

Июнь 1920 г.

Некоторые из имеющихся в нашем распоряжении листовок составлены весьма удачно и заслуживают особого внимания (см. приложения 4 и 5).

В августе нами в большом количестве распространялось следующее обращение Временного ревкома Польши к польским солдатам:

«Польские солдаты! всякое дальнейшее продолжение сопротивления армии есть преступление по отношению к рабочему классу Польши.

Рабочий народ в областях, освобожденных из-под ига шляхты и капиталистов, взял бразды правления в свои мозолистые руки, сам решает свою судьбу и сам управляет. К дальнейшему кровопролитию, к дальнейшей братоубийственной войне вас призывают ваши эксплоататоры, офицерики, строящие карьеру на вашей крови, ваши генералы, палачи из палачей, кость от кости шляхты и буржуазии. Вы, сыны рабочего класса, до сих пор принуждены повиноваться им лишь потому, что власть не в ваших руках, а в руках ваших врагов. Пора покончить с этим. Временное революционное правительство Польши, пользующееся доверием рабочего народа освобожденных областей, *приказывает вам, польские солдаты, выбрать немедленно во всех воинских частях советы солдатских депутатов. Эти советы должны взять в свои руки власть над всеми вооруженными силами.* Офицеров, преданных народу, оставить на постах; остальных, а в особенности самых свирепых и жестоких генералов, арестовать. Об исполнении немедленно доносить нам для того, чтобы сейчас же могло быть приостановлено бесцельное и преступное кровопролитие, и утопающая в крови трудовая Польша могла приступить к строительству нового порядка, как свободная, ни от кого независимая, республика рабочих и крестьян.

Временный революционный Комитет Польши.
Подписали: председатель *Юлиан Мархлевский.*
Секретарь *Эдуард Прухняк.*

Белосток, 11 августа 1920 г.»

Крупным техническим недостатком наших листовок являлась их чрезмерная длиннота, часто плохой (газетный) стиль и язык. Нами совершенно не учитывалось, что у польского солдата нет ни времени, ни возможности прочесть без риска попасться офицеру или шпиону столь длинные и тяжело написанные статьи.

Тем не менее сила классовой правды ломала все преграды. Действие нашей агитации по единодушному отзыву наших работников и многих польских вождей и литераторов было исключительно успешным. Нашей агитации не могли помешать даже наиболее вдумчивые польские командиры. (Например, командир 8-й польской дивизии приказал создать специальные организации по искоренению большевистской агитации. Листовки не уничтожать просто, а разъяснять солдатам. Следить, чтобы солдаты не уносили листовок домой.) Часто приходили жалобы польских солдат на недостаточность литературы и требования на дополнительные и новые материалы. Начитавшись нашей литературы, в отдельных случаях польские солдаты прибе-

гали при подходящей обстановке и к устной «консультации». Например в 39-м полку 5-й дивизии 30 июня был такой случай:

«Полковой оркестр целый день играл в окопах революционные песни. Стрельбы не было. Под вечер 5 польских солдат подошли и просили объяснить нашу программу, что и сделал комвзвод. Поляки просили больше передавать им литературы» (из политсводки)».

Иногда наши листовки вызывали немедленно по прочтении шумные дискуссии (36 п. — 4/VII — политсводка). Достаточно общеизвестно также заявление «самого» Пилсудского о грозном нарастании «внутреннего фронта», в чем немало повинна наша работа в войсках. Лидер ППС — Дашинский, выступая в сейме в начале кампании, говорил:

«На могилах павших в бою красноармейцев видны надписи: здесь похоронены герои, которые пали, защищая исконную русскую землю от польских панов. Польша для них это паны. Паны, польский дворянин, который идет на Белоруссию и Украину восстановить свои земли. Большевики подскажут польскому солдату: ты бьешься, ты гибнешь, ты умираешь, раненый, умирая за Польшу князей, за Польшу помещиков, за Польшу панов. *Эта агитация представляет из себя неслыханно грозную силу*. От чьего имени будет говорить польское правительство» [1].

Лучшей аттестации наша агитработа не требует.

Подкрепленная успешным и безостановочным наступлением наша политическая работа привела к серьезному падению боеспособности в ряде польских частей, к развитию дезертирства. Мы уже приводили заявление Ружицкого («Bellona», 1927 г., кн. II), подтверждающее этот вывод.

Деморализация, разложение и дезертирство не приостанавливались даже тогда, когда геройские, но истощенные красные части откатились на сотни километров из-под стен Варшавы. В августе — сентябре дезертирство в польской армии приняло огромные размеры. Специальные военные суды были завалены работой, применялись даже групповые приговоры. Газеты были испещрены сообщениями о расстрелах дезертиров. «Naprzod» 23 июля писала:

«В пятницу вечером в Краков прибыл специальный поезд с сильной военной охраной, везущей около 1 200 дезертиров, захваченных на границе Верхней Силезии, которые бежали из Польши от военной службы и старались скрыться за границей» [2].

Был издан специальный закон, угрожавший вечным изгнанием уехавшим за границу под каким-либо предлогом, даже по болезни, и не явившимся в назначенный срок на военную службу.

«Дезертирство коснулось и офицеров, и в Киевской группе принимает массовый характер. Пришлось расширить компетенцию специальных военных судов, чего до августа не было» [2].

Производились многочисленные расстрелы коммунистов. Под влиянием нашей агитработы зарегистрирован ряд случаев, когда отдельные части отказывались выполнять боевые приказы и проявляли явные признаки революционных настроений. К сожалению сколько-

---

[1] «Красная армия», за 18/VII 1920 г.
[2] «Вестник НКИД» № 8, 1920 г., ст. т. Бродского.

нибудь исчерпывающих и точных данных в этом отношении совершенно не имеется (наши разведывательные органы того времени находились далеко не на высоте своего положения).

В политсводках позапа о противнике, составлявшихся агентотделом (по 20/VII), имеются следующие данные [1]:

1. В конце апреля в белорусско-литовской дивизии — признаки революционных настроений.

2. В 3-й и 8-й дивизиях и в ряде других — в конце мая — признаки разложения.

3. В начале июня 4-й и 35-й полки отказались выполнить приказы.

4. В конце июня — во многих частях упадок дисциплины и сильное дезертирство.

5. В начале июля в 8-й, 10-й, 14-й и других дивизиях — падение дисциплины и рост революционных настроений.

В газете поарма 12 «Красная армия» сообщалось: «20/IV — в Деражне отказались наступать две бригады, в Василевичах — волнение среди легионеров; 3/VIII — отказался воевать 15-й полк легионеров; 9/VIII — возле Сарны восстала бригада; в районе Олевска — восстала целая дивизия и т. п. Подобных газетных сведений можно было бы привести неограниченное количество. Однако исчерпывающее представление о размерах влияния нашей работы по разложению польской армии мы сможем получить лишь тогда, когда героический пролетариат Польши, свергнув фашистский режим «пана коменданта», раскроет архивы польских военнополевых судов для научного исследования.

В известных кругах нашей советской общественности, в особенности среди интеллигенции, части военных спецов, части крестьянства и городской обывательщины наша четкая пролетарски-революционная точка зрения подменялась скрытым или явным великодержавным шовинизмом. Общеизвестна история с закрытием журнала «Военное дело» за его шовинистическую позицию. «Военное дело» не являлось одиноким, на шовинизм сбивались и некоторые партийцы. Шовинистический лозунг «За единую неделимую Красную Русь» был даже помещен в органе поарма 15 [2].

Употребляемое нами в официальных лозунгах слово «пан» также давало пищу для шовинизма, ибо в представлении довольно многочисленных кругов красноармейцев и даже начсостава слово «пан» было синонимом «поляка». Например политсводка военкома 46-й бригады 16-й стрелковой дивизии от 14 июля [3], сообщавшая о том, что во время вторичной атаки 136-го полка перед проволочными заграждениями поляки предложили нашим сдаться, гласит: «Стрельба перестала, *паны* вышли из окопов, а наши подошли к проволочным заграждениям и началась словесная борьба — кто и за что воюет», *паны* говорят, что вы теперь отсюда не уйдете: или сдавайтесь, или мы вас всех побьем, но мы завели с *панами* разговор про буржуазию, то офицеры

[1] Архив Красной армии, д. 78/172/с. К сожалению, после 20 июня сводок разыскать не удалось.

[2] «Красная звезда» от 7 мая 1920 г.

[3] Архив Красной армии, д. 59/792/с.

кричат стреляй, стреляй и открывают огонь, пришлось уходить от них...» (и с потерями).

К нашему стыду военком 46-й бригады не был редким исключением.

«Несознательный» шовинизм в известной степени подрывал могучую силу нашей агитации. В еще большей мере вредил нашей работе тот националистический подъем, который бросил в ряды Красной армии старых военных спецов, интеллигенцию и т. п. Когда наши войска перешли границы этнографической Польши и националистические настроения очень сильно сказались в широких кругах Польши, в том числе и среди значительной части трудящихся, тогда помощь военных спецов и их шовинизм давали польской буржуазии добавочные аргументы для контрреволюционной демагогии против нас.

Наши головокружительные успехи, быстрое наступление и занятие обширных районов создали некоторый перелом в политической работе среди противника.

На ряду с процессом разложения польского буржуазного общества и его армии националистически-шовинистические предрассудки делали свое дело. Мы что-то упустили из внимания и не предусмотрели. Многие польские рабочие и наиболее слабые коммунары смутились и растерялись. Цитированный уже нами т. Бродский пишет:

«Поход на Варшаву рабочим массам был непонятен, так как на основе манифеста ВЦИК коммунисты вели агитацию, что Красная армия не переступит границ этнографической Польши».

Небольшое количество польских рабочих (3 200 чел.) даже добровольно пошло против Красной армии, войдя из недоверия к своему правительству в особые рабочие полки. Успех имели даже такие нелепости, которые распространял «Курьер поранный»:

«Большевики-москали пошли на компромисс с царскими методами, поэтому, переступая польские границы, они переступили кульминационный пункт своей силы и своего успеха. Большевики-москали изменили идее коммунизма». (Из воззвания ген. Роя.)

Ген. Рой, обвинявший большевиков в измене идее коммунизма (!!), в своей аргументации был не одинок. Ему (или он ей) целиком вторила ППС и ее лидеры.

Таким образом на сей раз в ожесточенной схватке польской контрреволюции с советским авангардом международной пролетарской революции пролетарскому интернационализму и коммунизму пришлось всерьез ощутить силу националистических предрассудков...

Работа среди польских военнопленных проходила у нас менее организованно и широко, чем работа в действующих войсках Польши. Политорганы действующих частей почти совершенно не регулировали эту работу и вели ее от случая к случаю, проводя митинги, распространяя литературу, опрашивая отдельных пленных, придавая к ним политсопровождающих. Никаких специальных организационных форм обслуживания военнопленных в полевых частях установлено не было. Некоторые поармы выделяли для работы среди военнопленных только по нескольку политработников поляков, обязывали агитпункты обслуживать их и этим ограничивались. Иначе дело обстояло с идейной стороной руководства. В этом отношении велась большая разъясни-

тельная работа о недопустимости избиений и издевательств над пленными. Неоднократно давались директивы о решительном прекращении подобных явлений, принимались специальные меры административно-карательного порядка.

15 августа в ПУРе была организована польская секция при агитпросветотделе, реорганизованная впоследствии в польский отдел [1]. В задачи отдела входило главным образом проведение политпросветработы среди военнопленных. Аппаратом польского отдела были так называемые политинструктора, проводившие работу непосредственно среди военнопленных. О состоянии работы по обслуживанию военнопленных можно судить по тому, что даже в декабре ПУРу не было точно известно количество военнопленных, местонахождение их лагерей, положение этих лагерей и пр. Отдел сумел более или менее учесть пленных и ознакомиться с их положением только через несколько недель после своей организации и лишь в пределах РСФСР; об Украине не было сведений даже 10 декабря. Организованная перед этим польская секция при поюгзапе сведений не имела сама.

В РСФСР находилось 24 000 пленных, расположенных в 29 лагерях. В лагерях работало 34 политинструктора из расчета 1 инструктор на 500 человек пленных. В 12 мелких лагерях инструкторов не было совсем и они или совсем не обслуживались или обслуживались периодически объездными политинспекторами. Политическая работа среди военнопленных проводилась путем митингов, лекций, бесед, читки газет с объяснением, организации школ политграмоты и партийных ячеек.

Комячейки на декабрь удалось сорганизовать в следующих лагерях: Звенигородском (6 чел.), Крюковском (7 чел.), Ярославском (21 чел.), Иваново-вознесенском (15 чел.), Кинишемском (6 чел.), Тверском (7 чел.), Саратовском (12 чел.), Костромском (2 чел.), Орловском (5 чел.), Брикетском (32 чел.), Кожуховском (10 чел.). Таким образом ячейки были организованы в 11 лагерях и в них состояло 123 человека. Митингов на 1 декабря в 21 лагере было проведено 99. Темы митингов — в основном — война, заключение мира, советское строительство, о текущем моменте.

Лекций в 7 лагерях прочтено 31; преимущественное содержание лекций — «Азбука коммунизма» и о религии. В других 5 лагерях лекции читались регулярно 3 раза в неделю.

Беседы проводились во всех лагерях и чаще всего на темы о советской конституции, из «Азбуки коммунизма», по брошюре «Беседа Матвея с Андреем» и т. п.

Читка газет с объяснением производилась всюду, где имелись политинструктора.

Школы политграмоты были организованы в 6 лагерях и проходили программу РКП (б), конституцию РСФСР и политическую экономию. В области общественно-самодеятельной во всех лагерях были организованы комиссии; культурно-просветительные, контрольно-хозяйствен-

[1] Архив ВПАТ, д. 496. До организации этого отдела с июня военнопленными занималась междуведомственная комиссия. См. Эстрейхер-Егоров, Опыт советизации тыла, стр. 47.

ные и санитарно-гигиенические. Кое-где были избраны лагерные комитеты. В области просветительной прежде всего проводилась ликвидация малограмотности: на 1 декабря в 12 лагерях обучалось 639 человек и в 5 лагерях подготовлялась организация школ грамоты. Главные предметы обучения: польская азбука и арифметика; обучали учителя из военнопленных. В 5 лагерях были библиотеки, в остальных только агитлитература. Клубы имелись в 9 лагерях и организовывались еще во многих других.

Во всей нашей работе ощущалась крайняя необеспеченность и людьми, и различными средствами политпросветработы (книги, письменные принадлежности, музыкальные инструменты, грим и т. п.) и помещением. Также основательно хромала хозяйственно-бытовая сторона. В результате всей работы в 4 лагерях 152 человека записалось в ряды Красной армии и в других 4 лагерях изъявило желание поступить 97 человек. Сообщение о заключении мира и о возможности вернуться в Польшу не изменило их желания. Результаты — 239 человек добровольцев в Красную армию и 123 члена партии на 24 000 человек — едва ли могут быть признаны удовлетворительными. Их мизерность в значительной степени может быть объяснена слабостью нашей политработы среди военнопленных, нашей общей неподготовленностью и неорганизованностью во всем деле обслуживания военнопленных.

Например в Харькове военнопленные находились в концентрационном лагере рядом с нетрудовыми контрреволюционными элементами [1], распылялись на мелкие партии и употреблялись на работе по очистке улиц, уборке путей и т. п. Офицеры не везде изолировались от солдат.

Только 18 сентября 1920 г. были установлены некоторые основные принципы работы среди военнопленных [2].

1. Пленных следует «разбивать на категории по социальному происхождению», изолировав «в первую очередь солдат от ксендзов, офицеров и интеллигентов — сторонников соглашательских партий».

2. В пути следования по этапам пленные должны сопровождаться «соответственными политическими руководителями (комиссарами, комендантами), которые... должны заботиться о довольствии и наблюдать за посторонним влиянием».

3. Необходимо организовать достаточно достоверную и регулярную информацию о действительных настроениях военнопленных.

4. Лагеря должны быть разделены на 3 категории. В наиболее отдаленных лагерях необходимо разместить безнадежный элемент, ближе — средний, колеблющийся элемент, в ближайших же лагерях наиболее надежный элемент в классовом отношении, легко поддающийся революционному воспитанию.

5. Необходимо установить определенную систему политработы среди военнопленных во время следования в лагеря и в лагерях.

Это постановление, принятое к тому же только накануне заклю-

---

[1] «Революционный фронт» № 10 1920 г.

[2] Эстрейхер-Егоров, Опыт советизации тыла, стр. 47.

чения мира, устанавливает самые общие, элементарные принципы и ни в какой степени не разрешало практические вопросы работы в лагерях. Это обстоятельство с очевидностью указывает на то, насколько слабо мы были подготовлены к такому важному виду работы среди противника, как работа среди военнопленных.

О такой важнейшей отрасли работы по разложению польских войск и их тыла, как агентурная, подпольная и партизанско-повстанческая деятельность за фронтом, в нашем распоряжении, к сожалению, совершенно не имеется материалов. Судя по устным отзывам многих участников кампании, эта деятельность была развита крайне слабо.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАБОТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ. ИЗ ОПЫТА СОВЕТИЗАЦИИ.

★

Состояние прифронтовой полосы к началу войны.

«Тыл был не опорой, а угрозой для фронта», — так характеризовал состояние прифронтовой полосы Отдел ревкомов 16-й армии [1]. Почти дословно также оценивал состояние своего тыла и поарм 12. Тем не менее состояние тыла Западного фронта было несколько лучшим, не таким страшным, как его обрисовала 16-я армия, но и не вполне удовлетворительным. Прифронтовая полоса кишела тысячами и десятками тысяч дезертиров. Дезертирство вырождалось в бандитизм, принимавший иногда достаточно внушительные размеры. В Быховском уезде в апреле бандитизм вылился даже в контрреволюционное восстание нескольких волостей.

В подобном положении тыла частью мы были сами виноваты. Местные органы власти имели слабый, плохо подобранный состав (в который просачивалось немало преступных элементов), извращавший в существеннейших для крестьянства вопросах партийную линию — в продовольственно-заготовительном, в области трудовой повинности и т. п. Ощущалась острая нехватка работников и различных средств, в частности, средств для помощи семьям красноармейцев. В сельском хозяйстве почти повсеместно «наблюдалась разруха, главным образом в деле устройства советских хозяйств и коммун, существование которых вследствие плохой постановки дела давало отрицательные результаты» [2]. Политическая работа в деревнях была поставлена слабо или совсем отсутствовала. В ряде мест наблюдались трения между гражданскими и воинскими властями. Состояние местного военного управления также было далеко неудовлетворительным. Судя по состоянию советской и деревенской работы можно совершенно безошибочно предположить, что партийные организации прифронтовой полосы не были достаточно мощными для выполнения всех задач. Относительно сильные парторганизации губернских (Витебск, Гомель, Смоленск) центров проникали в деревню крайне слабо.

Восстановление советской власти зимой 1919/20 г. на Украине происходило в условиях гораздо более благоприятных, чем это имело место в прошлом. Пролетариат Украины, деревенская беднота

---

[1] Архив ВПАТ, д. 541.
[2] Там же.

и середнячество ждали прихода Красной армии с нетерпением и вели активнейшую повстанческую борьбу с деникинскими бандами. Даже в рядах социал-националистической мелкой буржуазии и интеллигенции происходил известный перелом в сторону Советской власти. (Реорганизация боротьбистов в УКП, переход части их в КП(б)У, советская платформа боротьбистов). Партийно-советские кадры возвращались умудренные большим опытом прошедших тяжелых испытаний и ошибок, значительно более окрепшими. В феврале рабоче-крестьянское правительство Украины объявило земельный закон, полностью удовлетворивший трудящееся крестьянство. Основной задачей работы правительство и КП(б)У поставили уничтожение влияния и «раскулачивание» украинского кулака, закрепление советской власти на селе классовым расслоением села и организацией беднейшего и маломощного крестьянства в комитеты незаможных селян. На всеукраинской партийной конференции, происходившей во второй половине марта, докладчик по работе на селе — Раковский, говорил:

«Главный капитальный вопрос заключается в том, чтобы мы могли проникнуть в деревню как власть. В деревне были советы, теперь есть ревкомы, но вы знаете, что во многих местах они кулацкие. В прошлом году многие волисполкомы фактически занимались срывом советской власти. Сельсоветы используются против нас кулаками».

Выход — только в организации комнезамов, в раскулачивании и уничтожении власти кулака. Политика комнезамов себя полностью оправдала, создав могучую опору советской власти в украинском селе. К концу 1920 г. в организациях КНС насчитывалось уже свыше миллиона членов. Но к апрелю — маю советская власть и КП(б)У еще не сумели, особенно на Правобережьи, пустить свои корни в деревню достаточно прочно и крепко. Положение в прифронтовой полосе было чрезвычайно тяжелым. Некоторые впадали даже в своеобразное неверие в возможность сколько-нибудь значительного улучшения. В районе 12-й армии банды имелись в 15 уездах. Кацюра, Ромашко, Загородный, Петренко, Голый, Цветков и многие десятки других атаманов, батек и просто бандитов убивали представителей советской власти, партии, незаможников, красноармейцев и всех заподозренных в сочувствии советской власти, грабили все, что попадалось на дорогах, в местечках, деревнях и городах, громили и вырезывали евреев. Все это совершалось под различными флагами: и под самостийно-украинским, и под анархистским, и под «советско-большевистским, но без коммунистов и жидов» и т. п. и т. д. Банды орудовали при прямой поддержке кулацкой части крестьянства, часто при сочувствии середняцких элементов села, а иногда даже при своеобразном «нейтралитете» бедноты. Беднота и середнячество настоящей советской власти не знали, «соввласть» появлялась на селе в то время лишь в виде продагентов, наскоро сколачиваемых, милицейских, особоназначенских и иных отрядов. Испытывая нужду в отношении многих предметов первой необходимости, селянство от советской власти получить почти ничего не могло. Местные органы власти в уездах и местечках или бездействовали, или никуда не годились, парторганизации были чрезвычайно слабыми. Мы имели в

прифронтовой полосе очень слабый советский аппарат и кадры, объективно тем самым способствуя бандитскому движению и подрывной работе Петлюры и белополяков. А они не дремали. Так же как и на Западном фронте, где поляки умело использовывали для диверсионной деятельности шляхетские элементы Белоруссии, они связывались с петлюровско-кулацким украинским бандитизмом и подрывали тыл советских армий.

Совершенно иначе складывалось положение дел за польским фронтом. Панское господство в бывших советских Белоруссии и Литве в оккупированных уездах Советской Украины революционизировало крестьянство и небольшие отряды пролетариата этих мест до максимальных пределов. Белорусское и украинское крестьянство, а частью и литовское, с нетерпением ждало прихода Красной армии, всячески сопротивляясь польским оккупантам.

Широко было развито партизанское движение против поляков; в начале кампании в Минской губернии вспыхнуло огромное крестьянское восстание. Даже антисоветские, мелкобуржуазные националистические белорусские организации и те были настроены явно антипольски.

Иное отношение к себе встречали поляки со стороны большей части польского населения, трудящиеся слои которого находились еще под сильным влиянием ксендзов и шляхты.

Таким образом, состояние прифронтовой полосы самым неотложным образом требовало ударной и энергичной работы. Эта работа, хотя и с некоторым опозданием, но все же была развернута. ЦК РКП (б) из многих тысяч мобилизованных на польский фронт партийцев солидное количество работников двинул в прифронтовую полосу для ее укрепления и советизации. ЦК КП(б)У также сосредоточил свои усилия на работе в прифронтовой и наиболее угрожаемой полосе.

Работа политорганов Западного фронта. Советизация Белоруссии.

В известных тезисах ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» предлагалось выяснить всему населению России смысл нашей политики в отношении Польши, чтобы рабочий и работница, крестьянин и крестьянка поняли и почувствовали, «что война с Польшей есть их война, есть война за независимость социалистической России, за ее союз с социалистической Польшей и с пролетариатом Европы и всего мира».

Этот тезис, собственно, и являлся основной установкой в политической работе среди населения прифронтовой полосы. Задачи советизации Белоруссии, а впоследствии Польши дополняли эту установку рядом конкретных политических положений, выдвигавшихся специфическими условиями и требованиями театра военных действий и момента.

Приступая к полному освобождению порабощенной польскими белогвардейцами Белоруссии, РВС Западного фронта обратился к трудящимся массам освобожденной Белоруссии с воззванием. Воззвание являлось важнейшим документом и для политработников

фронта, так как в нем РВС фронта формулировал не только общеполитические лозунги но и основные конкретные задачи работы среди освобождаемого фронтом белорусского населения.

«Победы Красной армии, — писал РВС, — имеют целью сокрушение господства панов и спекулянтов... вековых угнетателей белорусских трудящихся масс»... «Помогите Красной армии довершить ее дело окончательного разгрома польских панов и помещиков. Преследуйте разбегающиеся белые полки»... «Немедленно приступайте к строительству рабоче-крестьянской власти. Гоните из поместий помещиков, какой бы национальности они ни были».

Конкретное содержание политработы среди населения пополнялось также неотложными нуждами фронта — ликвидацией массового дезертирства, мобилизацией различных средств местного населения (в частности подвод) на нужды войск и т. п.

Партийный состав частей Западного фронта изо дня в день пропагандировал среди населения важнейшие вопросы партийной программы и текущей советской политики, особенно напирая на крестьянскую политику партии и власти. Причем в этой области главным образом в начале кампании усиленное внимание уделялось вопросам коллективизации сельского хозяйства. Значительное место в повседневной политработе среди населения занимало также разъяснение решений съезда партии о «трудовом фронте» и вообще вопросы, связанные с нашими прерванными войной попытками восстановления народного хозяйства. Недостаточно места, времени и усилий отводилось разъяснению национальной политики партии и советской власти и помощи международного пролетариата.

Борьба с дезертирством, проводившаяся в прифронтовой полосе Западного фронта чрезвычайно интенсивно, дала, как известно, достаточно ощутительные результаты — 100 000 человек, по данным т. Тухачевского. Широчайшая агитационная кампания [1], развернутая политорганами фронта и ревкомами, была обеспечена должными организационными мероприятиями. Были созданы комиссии по борьбе с дезертирством при фронте, армиях и дивизиях, выделены усиленные заградительные отряды в частях и в особо важнейших районах армии, усилена работа судебно-карательных органов, органов местного военного управления и ревкомов. В относительно краткий срок (май — половина июня) тыл Западного фронта радикально «видоизменился»; одна из самых грозных язв его — дезертирство — почти полностью была ликвидирована. Антидезертирская кампания политически была обеспечена мастерски и великолепно. Основываясь на разъяснении общеполитических вопросов, на невиданном подъеме против белопольского нашествия широчайших слоев населения советских республик, политорганы умело вовлекли в борьбу с дезертирством деревенскую общественность, обеспечили в сознании широких рабоче-крестьянских и красноармейских масс понимание и одобрение жесто-

[1] Тов. Б р и л ь например указывает, что в мае в 16-й армии было распространено 72 000 специальной антидезертирской литературы, а в июне уже 210 000. О постановке агиткампании ПУР дал директиву лишь в конце мая.

ких карательных мер революционной защиты против дезертирства и его пособников.

Вместе со всей страной политорганы и местные организации проводили «недели помощи фронту». Основная задача этих недель заключалась в максимальном заострении внимания всего населения на политических вопросах войны, на оказании возможной помощи частям в материальном отношении, на моральной поддержке действующей армии. «Недели помощи фронту» в прифронтовой полосе имели большое практическое значение. Посредством их местное население весьма широко вовлекалось в обслуживание разнообразных и многочисленных нужд армии. Без систематической и широко разветвленной общественно-политической работы армии не получали бы того, что удалось Западному фронту мобилизовать для материального обеспечения своих операций. В Белоруссии, население которой не обладало сколько-нибудь заметными излишками, приходилось сплошь и рядом брать необходимое самим крестьянам. Надо было процесс взимания обставить возможно организованнее и серьезнее обеспечить политически. В этой области, к сожалению, в балансе Красной армии за советско-польскую кампанию имеется гораздо больше минусов, чем плюсов. При этом немалую толику минусов можно объяснить «субъективными причинами». Политическому руководству и контролю над деятельностью опродкомов не уделялось должного внимания. Не спасало положения создание при опродкомзапе (в июле) информационно-агитационного отдела с задачей «ведения агитации, политически-пропагандистской работы по продвопросу» [1].

Всем частям фронта, за очень редким исключением, пришлось создавать себе транспорт за счет местного населения. В общей сложности для этой цели было мобилизовано несколько десятков тысяч крестьянских подвод. Одна только 16-я армия мобилизовала до 15 000 подвод. Командованию и политорганам неоднократно приходилось издавать приказы и директивы о прекращении всяких самочинных мобилизаций, реквизиций и т. п. партизанских действий в отношении транспортных средств местного крестьянства, о необходимости проведения подводной повинности только через органы комтруда. Усиленная эксплоатация местных средств, неурегулированность ее организации и своевольничество многих частей не могли не отразиться на настроениях крестьянства. Часто в политсводках и докладах попадаются свидетельства ухудшения отношения населения к нам в результате самочинных мероприятий частей и усиленной эксплоатации местных средств.

Однако при всем этом отношение основной массы местного белорусского и еврейского населения, освобождаемого нами, оставалось достаточно благоприятным. В советской власти и Красной армии оно видело избавителей от национального гнета, эксплоатации и погромов и освободителей, обеспечивающих удовлетворение коренных

---

[1] Архив Красной армии д. 60/124. Сообщая об этом поармам 11 июля, позап обязывал их оказывать агитаторам отдела содействие и представлять соответствующие силы и средства.

классовых и национальных потребностей. Встречая красноармейские части весьма дружелюбно и часто с ликованием, местное крестьянство помогало им организацией многочисленных партизанских отрядов, разрушавших польский тыл и фронт, а также массовым наплывом добровольцев. Кстати сказать, части совершенно не были подготовлены к разрешению вопроса об отношении к добровольчеству, и поэтому отнеслись к добровольцам-белоруссам излишне суховато и подозрительно. Между тем добровольцы показали себя впоследствии достаточно стойкими бойцами. Таким же образом отнеслись части к партизанскому движению. Эти два обстоятельства свидетельствуют о серьезных промахах политического руководства кампанией.

Отношение белорусского населения оставалось попрежнему благоприятным для нас и во время наших неудач...Почти все политорганы 15-й армии сообщали в своих политсводках, что при отступлении в мае — июне отношение местного крестьянства оставалось последовательно хорошим, мы получали от него всевозможную помощь и поддержку (добровольцы, партизанские отряды), встречали искреннее сочувствие и горячее сожаление о временной неудаче.

Уже указывалось, что командование и политорганы частей принимали строжайшие меры к урегулированию взаимоотношений с местным населением. Но этим дело не ограничилось: принимались меры и к организации всяческой помощи населению, в особенности бедняцкому сектору. На совещании начальников подивов в июле при поарме 15 было решено провести широкую агиткампанию за уборку урожая и притти населению на помощь, организовав с этой целью из красноармейцев дружины. РВС 15-й армии 25 июня издал приказ войскам армии: «Не потравляйте посевов». 16 -я дивизия 27 и 28 мая провела ряд субботников помощи местному населению. 33-я дивизия в апреле издала специальный приказ, в котором части дивизии призывались к оказанию помощи населению в посевной кампании. 18 июня ряд политсводок частей 3-й армии приводил факты запашки полей крестьянам. По всей вероятности иногда трудовая помощь населению шла даже в ущерб боевой подготовке и работе частей.

Разнообразная и братская помощь населению, оказывавшаяся красными частями, не могла не усиливать советских настроений белорусского, литовского, а впоследствии и польского крестьянства. Трудовая помощь населению, на ряду с классово и национально-выдержанным и корректным вообще отношением были лучшими агитаторами в нашу пользу. Наоборот, — наши недостатки в этой области, — а недостатков насчитывалось не мало, — были лучшими помощниками белополяков.

Политически-агитационной и организационной работе среди населения все политорганы частей Западного фронта уделяли большое внимание и много усилий. Подготовляя политическое обеспечение июльской операции, поарм 16-й на совещании начальников подивов 30 июня провел следующие решения:

1. «Каждый политрук... должен иметь при себе сумку или мешок... с листовками польскими и русскими (забыты белорусские

листовки. — *П. С.*) для широкого распространения среди жителей занимаемых нами местностей».

2. «Подивам обратить самое серьезное внимание на снабжение газетами и литературой освобождаемых местностей».

3. «Для организации советской работы на местах заранее намечать ... опытных и энергичных ответственных организаторов... Этих организаторов по соглашению поарма с ревкомом (отдел ревкомов РВС) также выделить из резервов поарма и тыловых ревкомов».

4. «Для пропаганды среди населения выделить от подива по одному ответственному работнику» [1].

Поарм 15 в директиве частям на июльское наступление также останавливается на задачах работы среди населения. В период майского наступления проводит специальное совещание политотделов дивизий по вопросу об организации власти. У политотделов дивизий во время наступления значительную долю времени и сил занимала работа среди местного населения, в частности — организационная. При этом подивам приходилось самим издавать ответственнейшие положения и инструкции (см. приложение 6).

Большую политпросветработу проводили также органы местного военного управления [2].

В воззвании к трудящимся Белоруссии РВС Западного фронта разъяснял освободительную роль Красной армии и призывал белорусских крестьян и рабочих немедленно приступать к строительству рабоче-крестьянской власти. Центральный комитет компартии Литвы и Белоруссии в своем воззвании в рабочим и крестьянам Литвы и Белоруссии, разоблачал помещичье-капиталистическую эксплоатацию и жандармский гнет, принесенные в Литву и Белоруссию польскими захватчиками, и призывал всех «под знамя коммунистической партии», — «привлекать на свою сторону обманутых польских солдат» и «уничтожить подлый помещичий строй». Генеральными лозунгами воззвания были: «Долой власть помещиков и капиталистов». «*Долой помещичьи рады*». «*Да здравствуют советы*». «*Долой объединение с помещичьей Польшей*». «Да здравствует тесный *союз* Социалистической Литвы и Белоруссии *с социалистической Польшей, Россией и* другими социалистическими республиками».

В десятых числах июня ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии в своем центральном органе «Звезда» (№ 6, 7 и 8) опубликовал «Тезисы по аграрному вопросу в Белоруссии» и «Инструкцию о передаче национализированных земель», долженствовавшие стать «руководством членам партии в оккупируемых частях Белоруссии». Эти два документа по своему политическому значению заслуживают особого внимания, так как касались коренного вопроса советизации Белоруссии — аграрного.

«Польская оккупация не только отняла все политические завоевания Октябрьской революции, но и лишила крестьянство... земель-

[1] Архив ВПАТ д. 542.
[2] Там же, д. 671. Доклад ПУРу окр. воен. комиссара ЗВО от 28/VI—1920 г.

ных приобретений... и помешала дальнейшим мероприятиям советской власти по аграрному вопросу».

«Основными предпосылками аграрной политики» ЦК КП ЛиБ считает: «а) существующий недостаток земли у крестьянства... и б) необходимость сохранить высшие формы сельскохозяйственного производства, могущие быть крупными источниками государственного снабжения трудовых масс городов Белоруссии и носителями помощи... крестьянству».

Тезисы отмечали, что польская оккупация привела к разрушению «значительной части помещичьих имений, что ставит непреодолимые препятствия... советской власти вести хозяйства по образцу.. совхозов».

«При непременной централизации всех дел земледелия и землеустройства в одном органе», намечались следующие практические мероприятия:

1. Уничтожение частной собственности на землю и леса и национализация их.

2. Из национализированных земель нетрудового пользования для организации на них народных имений по образцу фабрично-заводской промышленности не более одной трети... переходит в непосредственное ведение и управление советской власти. «Остальные земли нетрудового пользования передаются безвозмездно коллективам или отдельным лицам «немедленно после очищения края от власти оккупантов».

3. «Крестьянское и вообще трудовое землевладение остается в руках прежних владельцев на правах землепользователей, причем покупки, совершенные в период польской оккупации, аннулируются».

4. «Не разрушая сложившихся форм крестьянского землепользования, стремиться к постепенному переходу мелкого хозяйства к высшим формам».. С этой целью тезисы проводят ряд экономических и аграрно-технических мероприятий.

5. В народных имениях «управляющими... не могут быть бывшие помещики и бывшие управляющие данного имения... они немедленно выселяются из имения». Вместе с ними выселяются и «все паразитические и ненужные в сельском хозяйстве элементы». «Временное управление народными имениями возлагается на рабочкомы»...

И тезисы и инструкция стояли на высоте основных требований коммунистической аграрной политики. Вместе с тем с точки зрения политического такта в них поражали два обстоятельства. Во-первых, усиленное выпячивание «народных имений», «высших форм сельскохозяйственного производства» и т. п., что едва ли могло способствовать усилению влияния партии и ее агитации, и что практически в хозяйственном отношении едва ли могло быть оправдано. Во-вторых, ЦК КП ЛиБ самым решительным образом и с педантичной настойчивостью хотел обеспечить «порядок», «организованность», «чистоту», «культурность» в аграрной революции, не допустить «плебейских» методов уничтожения помещиков. Аграрную революцию должны были провести земотделы, точно по протоколам и заявлениям.

В вопросах тактики аграрной революции ЦК КП ЛиБ приближался в известной степени к ошибочной аграрной политике Временного ревкома Польши.

31 июля была обнародована декларация о создании независимой Советской социалистической республики Белоруссии и лишь 12 августа РВС фронта в приказе войскам (№ 1785) объявил о создании БССР во главе с Временным революционным комитетом. Таким образом РВС фронта с большим опозданием известил армию о столь важном политическом акте. В этом опоздании лишний раз сказалось то общее недостаточное внимание политическим вопросам советизации Белоруссии, которым характеризуется деятельность руководящих политорганов фронта вообще. Ни одной сколько-нибудь заслуживающей внимания политической директивы по вопросам советизации Белоруссии издано не было. Наши части работали в Белоруссии, не имея ориентировки в белорусской политической ситуации, в частности, в разрешении национально-государственного вопроса, в отношении к белорусским националистическим группировкам. Белорусские коммунистические кадры почти отсутствовали, и советизация проводилась в значительной мере руками русских и еврейских работников и по образцам русского опыта.

12 мая РВС фронта [1] приказал: «Ввиду сложившейся обстановки советские отделы пофронта и поармов временно переходят в непосредственное подчинение соответствующего реввоенсовета на правах отделов». Это правильное организационное мероприятие, повышавшее значение и роль советских отделов, а следовательно и их работы, нуждалось однако в необходимом подкреплении высококвалифицированными работниками. Но этого-то как раз полностью и не удалось провести. Даже во главе советского отдела РВС Западного фронта одно время сидел совершенно негодный работник [2]. Отдел Ревкомов 16-й армии отмечал [3], что никакой помощи от фронта он не имел.

Что касается политотделов дивизии и дивизионных советских отделов здесь существовал необычайный разнобой; некоторые подивы имели советские отделы (как это и должно быть по приказу 116), ряд других не имел. Дело было настолько запутанным и неясным, что даже не все поармы сумели разобраться в нем. Например, поарм 3 еще в декабре 1920 г. не имел твердой точки зрения и запрашивал позап: «Есть ли в подиве советские отделения?»

Советские отделы (иначе — отделы ревкомов) и политорганы проводили колоссальную работу по советизации освобожденных от польских оккупантов областей. РВС Западного фронта 19 мая (приказ № 873) объявил «Положение о ревкомах в местностях, очищенных от неприятеля» (см. приложение 7), которое давало достаточно четко основные указания о работе ревкомов. «Положение» обязывало реввоенсоветы армий «по мере продвижения через отделы ревкомов... организовать... губернские, уездные и поселковые ревкомы из 3 до 5 членов при непременном участии в них представителя отдела ревкомов армии».

«Ревкомы — высшие органы местной революционной, военной и

[1] Архив Красной армии, д. 531. Приказ РВС фронта № 841.
[2] Эстрейхер-Егоров. Опыт советизации тыла, стр. 37.
[3] Архив ВПАТ, д. 541.

гражданской власти... Им предоставляется «помимо прав, предоставленных постановлением ВЦИК от 24 сентября 1919 г.» по решениям РВС армий ряд дополнительных прав, в частности, «объявить местность на осадном положении с правом непосредственной расправы над бандитами, грабителями, шайками и бродящим в тылу неприятелем».

В июне отдел ревкомов разработал дополнительную инструкцию о практической работе ревкомов. В этой инструкции заслуживали внимания следующие пункты:

1. За работу ревкома в целом несут ответственность все члены ревкома. Поэтому все должны одинаково работать и проявлять инициативу.

2. Работа между членами ревкома распределяется: 1-й — председатель — руководит отделом управления и экономическими вопросами; 2-й член — просвещением, социальным обеспечением и вопросами труда; 3-й — главным образом партийной и профессиональной работой. Военное дело сосредоточивается в увоенкомате. Еженедельно на заседании каждый докладывает о своей работе.

3. Планировать работу рекомендуется следующим образом: прежде всего организовать уездный аппарат, затем — волостные ревкомы, в крайнем случае послать в волости уполномоченных. После этого заняться обслуживанием нужд армии, организацией повинностей (трудовой, подводной и т. п.), организацией с согласия опродкомарма продовольственного аппарата, изъятием контрреволюционных элементов, дезертиров, банд, учетом имений. Наконец — приступать к созидательной работе. Связь устанавливать снизу вверх.

4. На случай отступления оставить комячейки с литературой, соответствующим образом проинструктировав их.

Поарм 16 до наступления эпизодически проводил конференции ревкомов своего района, на которых учитывался опыт работы и намечались практические задачи и способы деятельности ревкомов.

Одна из таких конференций была проведена 26 — 27 апреля [1]. По актуальности вопросов и по времени созыва — накануне майской наступательной операции — конференция имела весьма большое значение. В ее повестке стояли вопросы: 1) о партийном и советском строительстве; 2) о задачах ревкомов в настоящий момент; 3) организационный вопрос; 4) топливный и транспортный вопросы; 5) о борьбе с дезертирством; 6) о задачах комитетов труда; 7) продовольственный вопрос.

Конференция постановила:

«Необходим крепкий и здоровый тыл, поэтому в прифронтовой полосе и в ближайшем тылу необходимо создать крепкие революционные органы, подчиненные и объединяемые РВС армии.

Особые условия прифронтовой полосы требуют непосредственного подчинения ревкомам органов, ведущих борьбу с дезертирством, бандитизмом и ведающих учетом, распределением и мобилизацией по трудовой повинности.

В области партийного строительства необходим перевод всех организаций прифронтовой полосы на военное положение, создание дисциплинированных отрядов особого назначения... усиление партийной работы в селах и волостях

[1] Архив ВПАТ, д. 544.

путем посылки уездных работников в волости и установления персональной ответственности последних за партработу... усиление партработы в местных красноармейских частях».

В области советского строительства:

«Работа ревкомов должна носить ударно-боевой характер и сосредоточиться на самых серьезных и сугубоважных задачах:

а) Всемерное содействие армии во всех ее мероприятиях, б) привлечение всего населения к трудповинности, в) решительная беспощадная борьба с дезертирством... создать по волостям специальные комиссии по борьбе с дезертирством, производить облавы, применять полную или частичную конфискацию имущества у дезертиров и их укрывателей, к 10 мая произвести снятие дезертиров-учетников с лесозаготовок в районе западнее реки Днепра и линии железной дороги Витебск — Орша, всемерно усилить помощь семьям красноармейцев...»

Работа конференции свидетельствует о достаточно высоком уровне армейского руководства ревкомами, вполне правильном и умелом сосредоточении внимания на действительно очередных и боевых задачах.

Решения апрельской конференции ревкомов с некоторым практическим уточнением были переложены в приказ по армии (см. приложение 8) только 13 июня (!!).

В начале июля отдел ревкомов фронта подал в ЦК РКП(б) «докладную записку» [1], в которой писал:

«Фронт ощущает острый недостаток работников. Нехватает своих сил даже при чехарде с переброскими советских работников. Для советизации Минской, Гродненской и Виленской губерний (40 уездов, 600 волостей) необходимо 1 000 совработников-коммунистов, разных квалификаций, в том числе 600 человек — председателями волревкомов. 600 человек вероятно удастся найти на месте, 400 же работников должен дать центр».

Однако удовлетворить фронт квалифицированными советскими работниками центр не сумел.

На 1 июля фронту подчинялось 30 уездных ревкомов [2], распределявшихся по армиям следующим образом:

4-я армия имела в подчинении 6 уездных ревкомов: Дриссенский, Великолуцкий, Невельский, Себежский, Дисненский и Свенцянский;

15-я армия — 5 уездных ревкомов: Полоцкий, Городокский, Велижский, Ошмянский и Вилейский;

3-я армия — 3 уездных ревкома: Лепельский, Сенненский и Витебский;

16-я армия — 16 уездных ревкомов: Борисовский, Оршанский, Юрецкий, Могилевский, Чаусский, Игуменский, Чериковский, Климовический, Рогачевский, Бобруйский, Суражский, Мглинский, Почепский, Слуцкий и Пинский;

Мозырская группа — 5 уездных ревкомов: Речицкий, Гомельский, Новозыбковский, Мозырский и Стародубский.

Бросается в глаза крайняя неравномерность распределения ревкомов по армиям (что может быть частично объяснено мощностью по-

---

[1] Архив Красной армии, д. 532.

[2] Там же, д. 57/949 и Архив ВПАТ д. 531. Приказ войскам Западного фронта 17/VI, № 127.

литорганов). «Территориальный» принцип (по разграничительным линиям) приводил к явно несуразным явлениям, как подчинение ничтожной по силам Мозырской группе 5 уездных ревкомов, крайние из которых были удалены один от другого почти на 250 — 300 *км*, или подчинение 16-й армии — 16 уездных ревкомов, для настоящего руководства которыми нужно было создавать весьма громоздкий специальный аппарат и т. д. Подчинения армиям ряда ревкомов, весьма удаленных от фронта, можно было с успехом избегнуть тем более, что фактически большинство ревкомов, удаленных от фронта в 3 — 4 перехода (75 — 100 *км*), систематически руководилось своими губернскими центрами.

Повседневное руководство отдела ревкомов фронта, как уже отмечено выше, было крайне недостаточным. О живом руководстве отдела ревкомов фронта нет никаких свидетельств, хотя отдел имел все же небольшой инструкторский аппарат.

Советский отдел поарма 16, развернувшийся 20 мая в самостоятельный отдел РВС армии, 21 апреля издал приказ-инструкцию (см. приложение 9), регулировавший работу представителей воинских частей в волостных ревкомах. Практической пользы, однако, инструкция дать не могла, так как она не учитывала кратковременности работы представителей, не указывала главнейших задач работы, — с чего начинать, и совершенно не отмечала особенностей белорусской деревни.

До 1 июля отдел ревкомов РВС 16-й армии направил в уездные ревкомы 93 работника. В период июльской операции армии были организованы Минский, Барановичский, Несвижский, Слонимский, Пружанский, Волковыский, Брест-Литовский и многие другие ревкомы [1], и проведена колоссальная инструкторская работа. Ряд ревкомов работал (по оценке отдела) вполне удовлетворительно — Волковыский, Слонимский, Барановичский и Несвижский, остальные значительно слабее. Пружанский и Ружанский ревкомы впоследствии при отступлении панически бежали, за что и были преданы суду Революционного военного трибунала.

Политотделы дивизий 16-й армии советизации освобождаемой от белополяков территории уделяли львиную долю времени и сил. Например: подив 8 в июле организовал 2 уездных ревкома, 16 волостных ревкомов, ряд отделов ревкомов и упрофбюро [2]. Для полевой части подива 8 организация власти являлась в июле — августе, как пишет поарм [3], даже «главной работой». Подив разработал ряд инструкций по советской работе, возложив в бригадах и полках советскую работу на помощников комиссаров и временно оставляя своих работников в качестве председателей ревкомов и инструкторов ревкомов.

О работе полков 8-й дивизии можно судить по следующим данным одной очередной политсводки (на 1 августа) [4]. Согласно этой сводке в 64-м полку политруки уделяют особое внимание организации вла-

[1] Архив ВПАТ, д. 541.
[2] Там же 542.
[3] Там же.
[4] Там же.

сти на местах, создав (за какой срок не указано) 7 волостных ревкомов, в г. Несвиж — комячейку и ячейку КСМ, и в м. Узда — профсоюз (какой — неуказано); в 65-м полку 2 товарища выделено для советской работы, организовано 1 волостной ревком и 6 сельских советов; в 66-м полку организовано 3 волостных ревкома, 1 поселковый совет, проводились митинги по пути движения.

Подив проводил также всюду по селам киносеансы.

Насколько широко была поставлена советская работа можно судить по следующему характерному для тогдашнего времени случаю: 1041-й госпиталь проводил волостные съезды советов и инструктировал партийные комитеты, в частности Несвижский [1].

Подивы 15-й армии также прилагали много усилий к советизации освобождаемых районов, к организации в них власти. Так, подивами и полками 11-й дивизии за время июльского наступления и до 7 августа было организовано — 1 уездный ревком, 21 волостной, 49 сельских советов, 9 рабочих комитетов, 4 фабкома, 11 районных советов и проведено 75 митингов и собраний [2]. Но вся эта работа была очень поверхностной. Подив чистосердечно признавался, что «о работе организованных им учреждений он ничего из-за непрерывных передвижений не знает [3]». Организацией ревкомов в 11-й дивизии занимались и низовые парторганизации, например, ячейка одной из батарей 1 легкого артдивизиона 25 июля [4] после предварительного обсуждения вопроса на своем собрании провела выборы ревкома в д. Заполье.

На совещании при поарме 15 июля по докладам начальников подивов выяснилось, что за время наступления подив 4 организовал 8 волостных ревкомов, подив 16 — 3 волостных ревкома, подив 33 — 7 волостных ревкомов; проведено 16 собраний и 75 бесед [5].

25 июля поарм 3 указал подивам, чтобы они не ограничивались организацией волостных ревкомов, но назначали по деревням (не ниже 10 дворов) «уполномоченных советской власти» [6]. Однако поарм не указал, откуда брать этих уполномоченных и кому их выделять, — волостным ревкомам или военным представителям.

Подивы и полки 3-й и 4-й армий и Мозырской группы так же, как и в 15-й и 16-й армиях, проводившие большую организационную и агитационную советскую работу, точно так же ничего не могли знать о работе своих «птенцов» из-за лихорадочных передвижений. Отделы ревкомов армий были несколько лучше осведомлены о работе ревкомов, так как последние посылали свои доклады и сводки (но знали все же только по бумагам).

До июльского наступления уездные ревкомы занимались борьбой с бандитизмом и дезертирством, учетом оставленных имений, неприятельского имущества, трудоспособного населения, военнообязанных, живого и мертвого инвентаря, организацией сельской власти. Полит-

---

[1] Архив ВПАТ, д. 542.
[2] Архив Красной армии, д. 59/909.
[3] Архив ВПАТ, д. 732.
[4] Архив Красной армии, д. 234/496.
[5] Архив ВПАТ, д. 732.
[6] Архив Красной армии, д. 234 — 496.

работа, которую они вели, была очень слабой из-за недостатка сил. В период наступления характер деятельности вновь создаваемых ревкомов почти не изменился. Созидательной, в частности хозяйственной работой, почти нигде заняться не пришлось. К тому же исчерпывающих директив не было. В связи с отсутствием этих директив в различных местах по-разному разрешался вопрос о торговле, о местных рынках; причем или полностью проводился военный коммунизм, или велось известное «регулирование рынка». В Барановичах была оставлена «свобода торговли, но без повышения цен» [1].

Мероприятия политорганов и ревкомов в Белоруссии встречали полное сочувствие городских рабочих, бедноты и основной массы крестьянства. Коренной слабостью нашей работы было ничтожное развитие партийной работы в освобождаемых местностях.

Работа политорганов Юго-западного фронта.

Основная политическая установка работы — добиться усвоения и понимания каждым советским рабочим и крестьянином истинного революционно-оборонительного характера войны со стороны советских республик — дополнялась в украинских условиях специальной задачей: разоблачением «освободительной роли» нашествия белополяков и продавшегося им Симона Петлюры. Трудящимся массам Украины доказывалось, что маршал Пилсудский пришел не «освобождать» Украину от несуществующего московского гнета, а вернуть польским помещикам и заводчикам земли, поместья и сахарные заводы Волыни, Подолии и Киевщины, и что Петлюра, продававший уже дважды Украину, вновь, в третий раз, продался новому хозяину — шляхетской Польше, чтобы дорваться до кормила власти.

Основными материалами, дававшими установку в работе политорганов, являлись воззвания реввоенсоветов, правительства УССР, статьи центральных украинских и армейских газет и наконец манифест IV Всеукраинского съезда советов (18 — 21 мая). Вторжение войск польской шляхты в пределы Советской Украины, занятие ими Киева и значительнейшей территории на Правобережьи вызвало, в противоположность петлюровско-кулацким настроениям, огромное негодование широких кругов населения Украины (даже и украинской интеллигенции). Вернулся Винниченко, приняв назначение на пост наркоминдела Советской Украины и члена Ревсовета Юго-западного фронта. Выступая против предательства Петлюры и нашествия Пилсудского, он призывал к защите Советской Украины.

IV Съезд советов Украины обратился в ИККИ со специальным манифестом, который ИККИ передавал «трудящимся всех стран». Этот манифест съезда гласил:

«Не только коммунистическая партия большевиков Украины (КПУ), но и все остальные партии и группы заявляют о своем желании принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Все до единой политические группы Украины мобилизовали своих членов и отдали их в распоряжение военных властей для

---

[1] Архив ВПАТ, д. 541.

защиты Советской Украины против похода польских панов. В Центральный исполнительный комитет Советской республики Украины вошли представители всех партий Украины, а также бывший глава украинской демократической республики В. Винниченко, который теперь признал правоту советской власти. Все члены съезда мобилизовались и отдали себя в распоряжение военных властей для работы на войну против польских белых войск. Энтузиазм съезда при принятии всех этих решений был неописуем» [1].

Принятое еще в марте на IV конференции КП(б)У решение о создании комитетов незаможных крестьян и о наступлении на кулака («раскулачивание») занимало в работе политорганов Юго-западного фронта среди населения весьма видное и важное место. Популяризация решений о создании комитетов незаможных крестьян и о «раскулачивании» кулака, содействие незаможникам в их деятельности, нажим на кулака — таковы практические работы, проводимые в прифронтовой полосе попутно с разъяснением истинных причин и целей войны, с разоблачением «освободителей» Пилсудского и Петлюры.

Борьба с дезертирством, подводная и другие повинности также проводились и на Юго-западном фронте. Значительно больше сил и внимания здесь приходилось уделять, как уже нами неоднократно указывалось, борьбе с бандитизмом. Политорганы разоблачали его грабительски-погромный и кулацко-петлюровский характер, полную безнадежность и обреченность в дальнейшем, откалывали заблуждавшихся из бедноты и середняков, организовывали против бандитизма и поддерживающего его кулачья революционных незаможников.

Поюгзап, как и во всех других отраслях работы, в отношении работы среди населения прифронтовой полосы почти никаких указаний по политическим установкам поармам не давал, предоставив их самим себе. Он безнадежно отставал и в области политически-организационной: его указания об организации органов власти, о работе советских отделов и т. п. поспели только к концу врангелевской кампании [2], тогда как в советско-польскую кампанию он и не удосужился их даже разработать. Тем не менее кое-что поюгзап делал. Например, он создал курсы «Социалистического землеустройства и работников в деревне» [3]. Правда в этом случае он занимался собственно работой Наркомзема УССР и отдела по работе на селе ЦК КП(б)У, но последние, нужно думать, претензий к поюгзапу за это «вмешательство во внутренние дела» не имели...

В отличие от Западного фронта советские отделы поюгзапа, в зависимости от украинских условий, были оставлены внутри поармов и подивов.

Огромную политработу агитационного и организационного порядка проводил среди населения поарм 12. Особо следует отметить издание им специально крестьянской газеты «Украинская беднота». Все издания поарма для населения отличались правильной политической линией и большевистской выдержанностью. Они умело и своевременно учитывали специфические украинские условия и запросы:

[1] «Коммунистический интернационал», № 11, стр. 1865 — 1866.
[2] Архив Красной армии, д. 176.
[3] «Революционный фронт», апрельский номер, 1920 г.

борьбу с кулачеством, разоблачение продажности и контрреволюционности кулацко-петлюровского движения, внимательное отношение к национальным особенностям Украины. В этом отношении работа поарма 12 сильно отличалась от работы поармов Западного фронта, уделявших национальным особенностям Белоруссии мало внимания.

В организационном отношении поарм 12 практиковал несколько отличные от других армий методы работы среди населения, перенеся на польский фронт опыт работы политорганов в борьбе с Колчаком и Деникиным. Поарм создавал так называемые «крестьянские группы» или комиссии. «Крестгруппы» находились непосредственно в распоряжении поарма, подивов и военкомов бригад; их должны были выделить также и полковые партколлективы. Крестьянские группы такого образца были дополнением штатной организации политорганов, имеющих своей задачей работу среди населения. Создание и работа крестгрупп (см. приложение 10) по единодушному отзыву всех политработников 12-й армии себя оправдали.

Основной задачей крестьянских комиссий в полках являлась борьба с преступными действиями, грабежами, незаконными реквизициями у трудового крестьянства со стороны несознательных элементов Красной армии и местных властей.

Комиссии должны были:

«Разбирать и улаживать все конфликты... между населением и Красной армией».

«Разъяснять значение и необходимость помощи крестьян Красной армии».

«Следить за правильным и справедливым размещением людей и конского состава в занимаемых пунктах».

«Следить за выполнением декретов и инструкций о социальном обеспечении семей красноармейцев...»

«Организовывать сельревкомы и комнезамы... контролировать и инспектировать их деятельность...»

«Вести решительную борьбу с дезертирством... и контрреволюционной агитацией и деятельностью».

«Организовывать культпросветкружки, клубы, хаты-читальни и т. п.».

«Вести устную агитпропработу и распространять литературу и т. п.»

«Организовывать комячейки и ячейки комсомола и др.».

Указания поарма о работе низовых крестьянских групп, ценные своим практическим подходом, все же недостаточно правильно и четко ставили задачи их работы. Выполнение большинства перечисленных задач требовало работников с большой политически-организационной подготовкой и не малого времени, между тем ни того, ни другого у полков 12-й армии, как правило, не было.

В июне и в начале июля поарм обслуживал 12 уездов [1]. После майской мобилизации число крестьянских работников составляло 165 человек, которые были распределены следующим образом: в 7-й дивизии — 32, в 24-й дивизии — 10, в 44-й — 14, в 58-й — 49 работ-

[1] Архив Красной армии, д. 566.

ников, остальные были поделены по 4 — 6 человек на 12 групп, работавших по непосредственным заданиям советского отделения поарма. Когда связь с частями установилась, поарм провел два совещания крестьянских секций, одно — 14 июля в Коростене, другое — 28 августа в Ковеле.

За все время нашего наступления политотделами дивизии 12-й армии было организовано 527 волостных ревкомов, 429 сельских, 91 партийная ячейка, 662 комитета незаможных селян и 361 хата-читальня. Проинструктировано 41 ревком, проведено 17 съездов и конференций, 1 490 митингов и сходов, 84 митинга-концерта, 32 детских праздника и 8 агитвоскресников [1]. Метод агитвоскресников практиковал и сам поарм, «местный отдел» которого регулярно, почти каждое воскресенье или субботу мобилизовывал ответственных работников управлений и штарма на агитработу в окрестных селениях. Серьезнейшее внимание поарм уделял вопросам взаимоотношений с местным населением, настойчиво борясь с различного рода проявлениями бандитизма со стороны наших частей.

Часть времени и сил политорганы уделяли, как и в других армиях, организации помощи местному населению.

Поарм 14 также проводил большую работу по советизации прифронтовой полосы и более глубокого тыла. В июле им обслуживалось 12 уездов, впоследствии же в июле и в августе 30 с лишним уездов, в том числе 9 галицийских. До августа большие силы уделялись Подолии, «где губернский центр не был в состоянии установить советскую власть за полным отсутствием работников» [2].

Работа инструкторов советской части поарма проходила через губернский партийный комитет и непосредственно по поручениям поарма. С начала августа поарм постепенно стал оттягивать своих работников из Подольской и Одесской губерний и перебросил их в распоряжение дивизий для работы в ближайшей прифронтовой полосе. Так как поарму приходилось обслуживать колоссальную территорию, обладавшую крайне плохими средствами связи, он не смог сколько-нибудь систематически и действительно руководить своими инструкторами и подивами, которые находились в постоянных передвижениях. Поэтому работа шла самотеком и главным образом под руководством местных партийных и ревкомских центров. В общей сложности за время с 5 августа по 5 сентября 1920 г. по поармовским данным была проделана следующая работа [3]:

Создано 806 ревкомов, 158 комнезамов, 72 избы-читальни, 27 комячеек, 5 организаций комсомола, 9 школ и приютов, 11 клубов, 4 театра, 22 советских мастерских и столовых, 7 больниц и 77 профорганизаций; проведено 9 конференций, 3 «недели», 16 съездов, 1 454 схода и митинга; поставлено 63 спектакля; раскрыты 2 контрреволюционные организации; поймано 54 бандита; выслано на борьбу с бандитизмом 2 отряда; работало в общей сложности 118 инструкторов.

[1] Архив Красной армии, д. 566.
[2] Архив ВПАТ, д. 1092.
[3] Там же.

Статистика поарма нуждается в двух серьезных поправках. Во-первых, она весьма неполна, что объясняется нерегулярностью или отсутствием связи между инструкторами с поармом. Во-вторых, учтенная ею работа в значительной мере не может быть отнесена за счет непосредственной работы инструкторов поармов или подивов, так как последние в свои донесения поарму включали данные о работе ревкомов и местных парторганизаций в целом. Таким образом, в поармовскую статистику попадали мероприятия и организации, к которым его агенты никакого отношения не имели. Наконец работа ревкомов и партийных комитетов развертывалась часто или по инициативе местных работников, посланных ЦК КП(б)У и губкомами, или под руководством губернских центров.

В одном из своих докладов (август — октябрь) поарм и сам отмечал, что «представляется трудным определить, что именно является работой советской части, так как командированные инструктора в большинстве случаев работают не самостоятельно, а совместно с местными силами» [1].

Поарм постоянно обращал внимание подивов и низовых парторганизаций на работу среди населения. 5 июля в одном из своих приказов он писал:

«У тт. коммунистов-армейцев продолжает существовать взгляд, что советское строительство относится к обязанностям гражданских организаций... Этот взгляд в корне неправилен... Предлагаю всем комячейкам в самый кратчайший срок обсудить вопрос о работе их в области советского строительства и все материалы прислать срочно в поарм. Не ожидая дальнейших указаний... понемногу приступать к этой работе, не нарушая работы в частях»...

Выпущенная поармом специальная «инструкция ячейкам по работе среди населения», отмечая слабость работы ячеек в советском строительстве, продолжительное отсутствие на местах всякой власти, отсутствие определенного плана советской работы и прочие недостатки, обязывала все партийные организации «вести политработу по пути продвижения... организовать власть... содействовать оформлению и закреплению завоеваний Красной армии».

Из опыта советизации Польши и Западной Украины.

30 июля Временный революционный комитет Польши в составе тт. Ю. Мархлевского (председатель), Феликса Дзержинского, Феликса Кона, Эдуарда Прухняка и Иосифа Уншлихта обратился «к польскому городскому и сельскому рабочему люду» с манифестом.

Манифест в своей вступительной части содержал разъяснение предательской роли шляхты в истории Польши, разоблачая особенно позорную роль ППС, вскрывал контрреволюционную роль Польши в Европе («Освобожденная» Польша... жандарм капиталистической Европы) и ее вождя Пилсудского, обрисовывал революционно-освободительную борьбу Красной армии, социалистическо-оборонительный характер войны со стороны Советской России и заявлял, что «прочный мир может быть заключен только между социалистической

[1] Архив ВПАТ, д. 1092.

Россией и социалистической Советской Польшей». Манифест звал рабочих к «делу»:

«Мы должны вырвать фабрики и каменноугольные копи из рук капиталистов и хищников-спекулянтов. Они переходят в собственность народа и под управление рабочих комитетов.

Поместья и леса равным образом переходят в собственность народа и под управление народа. Помещики подлежат изгнанию, управление имениями переходит к сельским батрацким рабочим комитетам.

Крестьянам-труженикам гарантируется неприкосновенность их земель.

Управление в городах переходит к советам рабочих депутатов, в деревнях создаются общинные советы.

В момент, когда на всем протяжении Польши будет низвергнуто кровавое правительство, ввергнувшее страну в преступную войну, съезд городских и сельских рабочих депутатов создаст польскую социалистическую советскую республику.

Рабочие... Вы со своей стороны должны всеми силами содействовать... Красной армии... Вооружайтесь как можно скорее на защиту обретенной свободы. Повсюду создавайте местные революционные комитеты.

Да здравствует свободная рабочая, социалистическая Польша».

В этом первом важнейшем историческом документе Польский ревком допустил грубейшую ошибку в отношении крестьянства, отказавшись от развязывания аграрной революции передачей земли помещиков в пользование крестьянства.

В последующей деятельности эта линия в отношении крестьянства так и не изменилась.

В «тезисах по аграрному вопросу», разосланных для руководства политорганам обоих фронтов, ревком писал [1]:

«1. Земельные отношения в Польше значительно отличаются от земельных отношений в России. Земельные запасы совершенно отсутствуют. Если бы поделить поровну всю помещичью и крестьянскую землю, то на каждую крестьянскую семью пришлось бы всего несколько десятин. Далее, в России помещики по большей части не вели собственного хозяйства, они эксплоатировали крестьян, сдавая землю в аренду. Напротив, в Польше имеются около 20 000 хорошо оборудованных фольварков, превосходящих далеко крестьянские хозяйства и около которых — более 1 млн. сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян.

2. Земельная политика должна учесть различие земельных отношений. КПП объявила земли трудового крестьянства неприкосновенными, требует изгнания помещиков и передает их имения всему народу, сохраняя хозяйство этих имений, переданных в народную собственность. Советская Польша получит таким образом возможность оказать содействие улучшению техники крестьянского земледельческого производства. Паны изгоняются, а имения их, если они превышают 15 *га*, без выкупа переходят в собственность народа и в управление фольварковых рабоче-батрацких комитетов. Леса — тоже в собственность народа и в первую очередь для нужд трудящегося крестьянства. Аннулируются крестьянские долги. Малоземельным земля по возможности прирезывается за счет многоземельных крестьян, также той части фольварков, которая не является необходимой для ведения хозяйства в последнем. Все эти меры проводятся исключительно земельными отделами советов, но отнюдь не захватническими действиями крестьян.

3. Все политорганы и политработники обязаны всеми мерами точно и неуклонно содействовать этой земельной политике компартии, в частности, содействовать батрацким фольварочным комитетам в их борьбе против грабежа и разрушения народного достояния. Красноармейцы в общем не знакомы с этой политикой и склонны проводить аграрную революцию по единственно известным им образцам 1917 и 1918 гг., а это может привести к тому, что красноармейцы будут

[1] Архив Красной армии, д. 60/369.

сжигать имения, подлежащие национализации, и станут подстрекать крестьян к дележке и грабежам, поэтому необходимо настойчиво указывать, что такой способ действий может причинить только тяжкий вред всему трудящемуся населению Польши».

Эти тезисы наиболее полно характеризуют аграрную политику ревкома Польши и чрезвычайно ярко оттеняют ее слабые стороны, отразившиеся отрицательно на результатах по советизации Польши.

Ревком Польши не провел национализации земли и, как бы опасаясь развертывания массовой революционной инициативы польского «хлопа» против помещика и его имения, не декретировал передачи, если не всех, то большей части помещичьих имений малоземельному и трудящемуся крестьянству вообще. Этим самым он до крайности суживал социальную базу и фундамент советской революции, между тем как «Рабоче-крестьянское» правительство белой Польши не жалело в это время средств для пропаганды своего обещания разрешить земельный вопрос, обещания насквозь лживого, но еще не разоблаченного полностью среди польского трудового крестьянства. Ревком не декретировал также и национализации промышленности, хотя в Белостоке — местонахождении ВРКП — отдельными приказами фактически национализация фабрик и заводов была проведена. В рабочем вопросе, как и в ряде других, ревком не успел разработать и издать необходимых революционных законоположений. Была опубликована декларация о свободе вероисповеданий, об отделении церкви от государства и о запрещении духовенству заниматься политической деятельностью.

Вся практическая деятельность ревкома в силу кратковременности существования и отсутствия аппарата, работников и средств связи с периферией сосредоточилась почти исключительно в Белостоке, где и была проведена с безусловным успехом немалая работа.

Красноармейские части, их командный костяк, партийные организации и политорганы являлись весьма серьезными, пожалуй даже главными помощниками ревкома в его сложной и многогранной работе. От их отношения к польскому населению, к особенностям польских национально-бытовых и исторически-культурных условий, наконец, к политике самого временного ревкома в значительной степени зависел успех советизации. Поэтому советское правительство Польши неоднократно обращалось к Красной армии с руководящими воззваниями и указаниями.

Тотчас по образовании ревком выпустил воззвание к красноармейцам, в котором, приветствуя Красную армию, «как братьев и соратников в борьбе с мировым империализмом», как «сынов революционного народа», несущих рабоче-крестьянской Польше «не угнетение, а свободу», выражал «глубокую уверенность в том, что за грехи панов и капиталистов не пострадает несчастный польский рабочий народ».

В начале августа председатель временного ревкома совместно с членом РВСР опубликовал директиву «коммунистам и политработникам Красной армии» (см. приложение 11). Эта директива требовала, чтобы Красная армия действовала таким образом, чтобы Польша видела в ней освободительницу, а не завоевательницу... и беспощадно

в самом зародыше пресекать все, что способно напоминать о ненавистных царских армиях, облегчая этим польским товарищам предстоящую работу по социалистическому строительству.

Директива предлагала:

«Разъяснить красноармейцам, почему польское население встречает нас с некоторым недоверием.

Усилить борьбу с случаями грабежа и насилий. Красноармеец идет на борьбу за свободу, а не за добычей... Бандитам нет места в... Красной армии. К немедленному расстрелу бандитов.

Самое бережное отношение к пленным.

Беспощадная борьба с польскими контрреволюционерами... ловите, преследуйте, но не рядовых членов, а сознательных контрреволюционеров, вожаков, заправил черносотенных и желтых организаций.

Старательно охраняйте фабрики и заводы, усадьбы и их имущество от расхищения и разгромов.

Помогайте польским товарищам возможно быстрее наладить собственное управление в местностях, освобожденных от панской армии.

Повсюду первым делом разыскивайте местные организации польской компартии, содействуйте укреплению и расширению этих организаций, не разрешайте ни одного сложного и крупного вопроса без совещания с ними» и т. п.

Директива ревкома и РВС, на ряду с указаниями для внутренней армейской работы (разъяснение причин некоторого недоверия польского населения к Красной армии), содержала также несколько важных общеполитических указаний по советизации вновь освобождаемых районов. Таковы — пункт о борьбе с контрреволюционными (черносотенными и желтыми) организациями, дающий осторожную и в то же время безусловно правильную установку, пункт, подчеркивающий задачу, находившуюся вообще в загоне, строительства польских коммунистических организаций и обязывающий политорганы Красной армии не разрешать без участия местных работников «ни одного сложного и крупного вопроса», и другие пункты.

В области организационного оформления советского строительства польский ревком разработал и издал довольно подробные инструкции и положения об уездных, гминных и сельских органах власти, батрацких фольварочных комитетах и т. п. К сожалению, инструкции не успевали за ходом военнополитических событий.

Из руководящих политических указаний и мероприятий реввоенсоветов и политорганов необходимо отметить:

Приказ № 1784 РВС Западного фронта [1] от 5 августа, в котором предписывалось: издавать все приказы и объявления к населению на польском языке; снабжать части знаменами с лозунгами: «За нашу вольность и вашу», «Польская республика социалистических рад»; на митингах среди населения выступать товарищам, лишь достаточно ориентирующимся в польских делах; не задевать религиозных чувств польского населения; не заменять польских вывесок и надписей русскими и не вводить новых на русском языке; на агитплакатах русские надписи заменять польскими; рекомендовать хорам и оркестрам, кроме Интернационала, преимущественно исполнять «Красное знамя» и «Варшавянку».

[1] Архив Красной армии, д. 538.

13 августа в приказе 1803 были даны строжайшие указания прекратить безобразия с «трофейными» делами [1].

2 сентября в приказе 1934 РВС констатировалось «уничтожение командованием в занимаемых городах и местечках средней и мелкой торговли предметами домашнего обихода и первой необходимости» и предлагалось «не нарушать торговых предприятий иначе как по соглашению с местным советским органом» [2].

Наконец 1 сентября РВС фронта и позап опубликовали «Инструкцию о польской работе поармов» [3] (см. приложение 12). В этой инструкции, данной с таким колоссальным опозданием, в крайне общем и недостаточно разработанном виде, содержалось указание об основных задачах агитации среди польского населения и перечислялся ряд установок для практической работы политорганов.

Основные из них: 1) ставка на возможно большее вовлечение в советизацию местного трудящегося населения; 2) восстановление и расширение организации КПП, профсоюзов (их реорганизация по производственному принципу), вовлечение их в нашу работу; 3) в советской работе принять участие всему аппарату поарма; 4) «для непосредственного руководства и наблюдения за польской работой поармов учреждается особая должность польпомначпоармов».

Только два поарма 12 и 14 в своих директивах указали об отношении к ППС. Поарм 14 во временной инструкции [4] инструкторам польского бюро писал:

«Выяснить существует ли ППС... Членов ППС не допускать к польской работе. В случае их активного выступления против власти или ведения активной ППС-кой агитации или по обнаружении подполья — немедленно арестовывать»...

«Инструкция» эта едва ли может быть признана удачной и правильной, так как в ППС имелись различные группы, по-разному относившиеся к войне и к советизации. Кроме того в ППС входили и рядовые рабочие, поэтому «не допускать» к советской или общественной работе всех членов ППС без разбора было неправильно.

В заключение остановимся на одной статье (М. Гришина) «Агитбюллетеня Западного фронта» (2 сентября 1920 г.), бывшего директивным органом для армейской печати и агитаторов фронта. Статья, «Работа в освобожденных областях», предупреждала политорганы от повторения следующих «ошибок, допущенных в Советской России»:

«Слишком много уступали перед принципом «уравнительного землепользования», благодаря чему обессилили зачатки государственного земледелия — совхозы».

«Слишком доверялись перепуганным буржуа и помещикам, оставив их... в качестве «завсовхозами».

«Волна «бараньей» недоверчивости к массам интеллигенции и середняку-крестьянину».

---

[1] См. Степанов, Красной армией на панскую Польшу.
[2] Архив ВПАТ, д. 1093.
[3] Там же.
[4] Там же, д. 1092.

«Слишком церемонились с кулачьем, отступая на позициях продкампании, и слишком терроризировали мешечников».

«Слишком забыли деревню продуктами рабочего производства».

«Слишком мало привлекались массы ко всем видам террора».

«Мало было трудовых принуждений для крестьян».

Эта политически безграмотная статья-«директива», возводящая ряд поклепов на нашу партию и революцию, говорит сама за себя и... в некоторой степени за качество руководства позапа. Повидимому из-за расстройства транспорта и отсутствия связи с частями «директива» никуда, кроме архива, не попала. Но она симптоматична, ибо выражала мысли безусловно не одного автора. «Мысли» эти запутанны и неопределенны, а именно неопределенность, нечеткость и чувствовалась в ряде важнейших отраслей ответственнейшего дела советизации Польши.

Социальная база советизации Польши была достаточно ограниченной. Помимо красноармейских частей ревком Польши встречал поддержку со стороны сознательной части рабочих, сельскохозяйственных рабочих, городского полупролетарского и мелкособственнического еврейского населения. К сожалению, освобожденная нами территория этнографической Польши принадлежала к «наиболее отсталой части Польши», с малой пролетарской прослойкой. Пролетариат был сконцентрирован главным образом в Белостоке. О степени политической организованности белостокского рабочего можно судить по тому, что членов ППС среди него было 25 человек, а коммунистов (в подполье) около 80 человек. Крестьянство, не получив от ревкома земли и вообще крайне недостаточно затронутое советской революционной волной, относилось к Красной армии и советизации настороженно. В земельном вопросе, являвшемся основным, ревком не сумел противопоставить иллюзиям, жившим в крестьянстве о наделении землей за счет парцелляции помещичьих имений, обещанной Пилсудским, реальное наделение землей революционным, плебейским способом. Между тем иллюзии крестьянства усиленно поддерживались демагогической агитацией социал-шовинистов, ксендзов и крестьянских вождей, сдабриваясь самой отравленной шовинистической и религиозной приправой. Нетактичные действия отдельных представителей Красной армии русотяпского и просто головотяпского порядка, недостаток польских советских работников, неорганизованное самоснабжение красноармейских частей и многое другое весьма способствовало упрочению антисоветской агитации шляхетской агентуры, обильно оставленной в тылу наступавших красных армий.

Тов. Гая пишет:

«Многочисленная зажиточная шляхта и духовенство, имевшие громаднейшее влияние на беднейшее польское крестьянство, не давали возможности закреплять занимаемые районы, или хотя бы обеспечить наш тыл, ведя агитацию, шпионаж и даже организуя в период отступления партизанские отряды» [1].

Тов. Гая приводит также интересные сведения о том, как местное белопольское население принимало участие в борьбе с III конным кор-

[1] Гая, На Варшаву, стр. 15.

пусом в ряде важнейших боевых операций, например при взятии Вильно, Цеханова и других населенных пунктов.

Покойный т. Степанов писал: «Крестьянство пока оказывает своеобразное сопротивление проведению «русских» методов в перестройке земельных отношений, боясь возвращения панов. Батраки... несколько иначе».

Один из красноармейцев 3-й армии в письме на родину писал: «Жители недовольны нами. На русские деньги ничего не продают, а на польские все дешево» [1].

Подив 8 в политсводке от 10 августа сообщал: «По ту сторону Буга население относится к нам враждебно».

Подив 56 8 августа доносил поарму 3: «Отношение населения плохое, вырезывают провода».

Подив 11 в докладе поарму 15 за июль — начало августа сообщал: «Масса жалоб местного населения на части... В г. Острове части 16-й дивизии произвели погром рынка, а население собиралось нас торжественно встретить» [2].

Таким образом все эти свидетельства говорят о том, что на селе, в польском крестьянстве наша опора была весьма непрочной. Кроме того, мы сами рядом допущенных ошибок ухудшали свое положение, и в результате, когда пришлось отступать, были случаи выступления местного населения и крестьянства против нас.

Тыл также не был очищен в частности от дезертиров польской армии, ее агентуры и от представителей старой власти. Поэтому при отступлении агентура польской контрреволюции и дезертиры, желавшие загладить свою вину, предательски били в спину красные войска. Ревкомы не организовали себе вооруженной опоры и милиции, куда сплошь и рядом брались чины бывшей полиции Пилсудского, например в Седлеце. Понятно при отступлении это «милиция» повернула штыки против красных.

Член РВС 16-й армии т. Пятаков 28 августа послал в ЦК РКП следующую телеграмму:

«Важным фактором, усугубившим панику в рядах армии при отступлении, была партизанская война населения Седлецкой губернии. Установлено многочисленными показаниями ответственных серьезных товарищей, что проходящие войска всюду обстреливались партизанами. Население Седлецкой губернии относилось к нам резко враждебно, отказываясь давать даже воду уставшим отступающим частям. Во многих случаях отступающие части вели арьергардные бои с местным населением, во время которых красноармейцы расправлялись с повстанцами жестоко. В Белостоке, по докладу подива 27, пробивавшегося с бригадой через занятый уже город, ему пришлось вести бой больше с населением Белостока, чем с польскими войсками, причем во враждебных действиях деятельное участие принимало также и еврейское население. Весь район примерно от линии Белосток — Бельск к юго-западу особенно в Седлецкой губернии кишел повстанцами... Нр. 811 с». [3].

Телеграмма т. Пятакова, написанная под свежим впечатлением тяжелой драмы, разыгравшейся 15 августа, возможно, несколько пре-

---

[1] Архив Красной армии, д. 45/175.
[2] Там же, д. 59/909.
[3] М о в ч и н, Последовательные операции, 167 стр.

увеличивает повстанчество и партизанские действия местного населения, тем более, что она основывается на показаниях, хотя и «ответственных работников», но все же работников отступавших, руководивших впавшими в паническое бегство частями. Несмотря на эти оговорки, телеграмма в основном все же дает безусловно верную картину отношения населения к нам. В других местах в той или иной степени было то же самое. На совещании начальников подивов 15-й армии, происходившем 12 сентября (в порядке подготовки нового наступления), т. Шендерович, докладчик по вопросу о «нашей практической линии поведения в местной политике», также констатировал партизанское движение местного населения против нас и в полосе отступления 15-й армии. Вместе с тем он указывал, что:

«Скопление обозов... было причиной нашего панического отступления, а отнюдь не партизанщина, не имевшая массового характера» [1].

Таким образом все слабые стороны политики советизации — неразрешение аграрного вопроса, слабая очистка тыла, отсутствие вооруженной опоры органов власти, попытка «культурного» проведения революции и практической работы ревкомов, русотяпство и головотяпство представителей Красной армии, безалаберное и хищническое самоснабжение за счет местного крестьянства — все это «вышло боком» при неудаче и сказалось при нашем отступлении. Такие революционно-героические факты как переход рабочих-членов ППС в ряды коммунистической партии в Белостоке, Седлеце и других местах, как враждебная встреча польских войск батраками в Цехановском уезде, Ломжинской и Седлецкой губерниях, общего безусловно неблагоприятного для красных войск положения изменить не могли.

Революционное батрачество действительно являлось в освобожденных в свое время районах Польши опорой ревкома. За это союз батраков был подвергнут бойкоту помещичьими и государственными организациями (за антипатриотизм и за «большевизм»), несмотря на все клятвы и заверения в преданности буржуазной Польше его пепеэсовских лидеров. Победоносно настроенная польская шляхта жесточайшим террором отомстила революционным батракам.

Что делали политорганы армии в области советизации освобожденной территории Польши? Все основные политические указания запаздывали и приходили только тогда, когда известные факты (нарушение мелкой торговли, русотяпство и головотяпство и т. п.) уже были совершены и оказали свое вредное влияние. Во-вторых, указания реввоенсоветов, ПУРа, позапа и поармов далеко не охватывали всех сложных вопросов действительности.

Серьезнейшие недостатки политического руководства не могли не отразиться на работе низовых политорганов, уделявших советскому строительству почти все свое внимание и развивавших колоссальную энергию и производительность. Так, подив 27 в своем августовском отчете писал, что совработа являлась его «главной работой». Им было организовано 27 сельских, 5 волостных и 2 уездных ревкома и 3 ра-

[1] Архив ВПАТ, д. 758.

бочих комитета в имениях; проведено 11 митингов, 18 заседаний ревкомов, 1 торжественные похороны и 10 собеседований.

В 21-й дивизии (3-й армии) даже полковой заградительный отряд организовывал ревкомы (11 августа в м. Нур).

Подив 56 (3-й армии) за десять дней августа организовал 3 сельских совета, 12 районных советов, 1 волостной ревком, провел 6 митингов и субботник по уборке хлеба.

Подив 11 (15-й армии) с 4 июля по 7 августа организовал 1 уездный ревком, 49 сельских советов, 11 районных советов, 9 рабочих комитетов, 4 фабкома и провел среди населения 75 митингов, бесед и собраний [1].

Поарм 12 в середине августа организовал польскую секцию и командировал во все подивы уполномоченных по польской работе и польских политработников вообще. В 7-ю дивизию им было направлено 77 человек, в 24-ю—88, в 25-ю — 89, в 44-ю — 69, в 58-ю — 15. Но почти все командированные были крайне слабы в отношении политического развития и опыта советской работы. Поарм считал необходимым пропустить их предварительно хотя бы через дивизионные школы политруков. К тому же польским языком многие из них почти не владели.

В августе поарм издал ряд ценных директив о партийных группировках в Польше, о классовом характере войны, о характере нашей агитации, о земельной политике в Польше, о неограничении прав польского населения [2]. Он реорганизовал также крестьянские секции, приспосабливая их к польским условиям.

Приведенных фактов достаточно для характеристики работы политорганов. В их работе виден большой разброд и невыполнение инструкций польского ревкома: создавали сельские ревкомы, избирали сельские советы, устанавливали институт районных советов и т. д. Крайне недостаточна была политическая агитационная работа среди населения. Значительно уменьшилась и издательская деятельность. Политорганы почти совершенно не занимались организационно-партийной работой. Крайне незначительное внимание уделялось очистке тыла. Поэтому приходится брать под большое сомнение и качество столь огромной производительности по советскому строительству. К тому же политорганы сплошь и рядом давали в ревкомы мало пригодных тыловых работников или из пополнения.

О работе самих ревкомов имеются весьма ограниченные сведения. Аппарат польского ревкома фактически был создан лишь в десятых числах августа, т. е. крайне поздно и накануне отката из-под Варшавы. Связи с периферией и руководства ею ревком Польши так и не установил. При ревкоме был создан ряд отделов, принявшихся за разработку основных законоположений и директив.

В самом Белостоке ревком провел большую политическую работу. Ему быстро удалось завоевать симпатии белостокских пролетариев, парализовать «Бунд», «Труд» и ППС, создать Совет, реорганизовать

[1] Архив Красной армии, д. 59/909/с.

[2] Там же, д. 566. К сожалению перечисленных выше документов в деле не сохранилось.

по производственному признаку профсоюзы (текстильщики — 12 000 чел., транспортники — 2 500 чел., кожевенники — 2 400 чел., металлисты — 2 000 чел., швейники — 1 200 чел., строители — 376 чел., печатники — 400 чел., нарпитовцы — 300 чел., сообщенцы — 120 чел., совработники — 2 800 чел., рабис — 300 чел., табачники — 300 чел., сельскохозяйственные рабочие — 900 чел., всего 14 союзов с 30 220 членами), вовлечь рабочих в строительство, побудить членов ППС перейти в компартию, поставить работу местной парторганизации, пустить уже 10 августа в ход национализированные текстильные фабрики, впоследствии сконцентрировать и пустить в ход кожевенные заводы и др. При всех этих успехах в Белостоке польские товарищи сумели заложить лишь первые ростки работы [1].

Они не сумели создать своей вооруженной опоры, в частности милиции, и очистить город и уезд от агентуры Пилсудского и реакционных элементов. Последние притаились и при отступлении выместили свои обиды и сокровенные стремления на дивизии т. Путна (27). Для эвакуации белостокских организаций была создана тройка, которая однако не смогла провести эвакуацию организованно. Ревком оставил все дела и телефонные аппараты. О положении на фронте ревком ничего не знал [2].

Работа в организованных армейскими политорганами ревкомах шла «хаотически» и стихийно. Почти ни один ревком не сумел (или не успел) пустить глубокие корни в местные трудящиеся массы; ревкомы эвакуировались в большинстве случаев в беспорядке и без заметного сочувствия большинства населения. Из-за недостатка коммунистов-поляков во многие ревкомы входили «бундовцы», «левые бундовцы», «беспартийные анархисты» и т. п. элемент, в своем подавляющем большинстве совершенно бесполезный или даже вредный.

Подводя общие итоги советизации, руководящие политические работники 15-й армии на совещании 12 сентября пришли к следующим выводам:

«Мы плохо подготовили себя политически и организационно к столь трудной задаче, как советизация Польши. Не имели общей линии работы и у каждой организации существовала своя тактика».

«Не сумели с должной стороны подойти к организации польского пролетариата», и совсем не вовлекли в наше движение крестьянство.

При назначении ревкомов мало привлекали польское население ... и злоупотребляли назначением в состав ревкомов русских красноармейцев.

Не имели «определенной линии в отношении к католическому духовенству».

«Снабжение происходило без объединяющего аппарата» и крайне неорганизованно, что и вызвало (частью) партизанское движение населения.

Совершенно не разрешили вопрос о милиции.

---

[1] Почти все сведения о работе Белостокского ревкома заимствованы из работы т. Эстрейхера-Егорова, Опыт советизации тыла.

[2] Архив Красной армии, д. 532.

Учтя эти уроки, совещание постановило:

«Держаться следующей основной линии: а) координированного взаимодействия всех политорганизаций и учреждений, б) установить общий план действий опродкомов..., в) вовлекать в ревкомы (больше) польское население, г) в отношении польского духовенства — больше умения и осторожности, д) обращать главное внимание организации ревкомов в волостях, а не в городах, е) выполнить приказ РВС фронта по вопросу о национализации и т. п. (очевидно национализации внешних атрибутов и политработы. — *П. С.*), ж) издать польскую литературу, з) при организации внутреннего порядка в городах придерживаться системы гарнизонов, и) установить через реварм единую валюту».

Совещание не вскрыло всех политических и организационных ошибок и недостатков советизации, в некоторых случаях вступало на неправильный путь. Однако, при всем этом оно в общем правильно сделало основные выводы из опыта советизации Польши, правда, поставив их главным образом в разрезе прав и функций командования и политорганов красноармейских частей.

В первой главе мы приводили мнение т. Дзержинского о практических ошибках польского ревкома и о причинах неудачи советизации Польши в 1920 г. Ссылающийся на это мнение, т. Варский пишет:

«Крестьянские и мелкобуржуазные массы (и значительная часть, а вернее большинство рабочих) не пошли за революционным пролетариатом, за КПП, так как видели в нашей партии — противника лозунга «земля крестьянам», противника лозунга независимости Польши. Но они пошли за ППС, за вызволением и т. д., за партиями, которые обещали крестьянам землю, боролись во имя лозунга независимости Польши и организовали польское государство (разумеется, государство буржуазии и шляхты, которое обмануло крестьянские и мелкобуржуазные массы, не говоря уже о рабочих)» [1].

Так КПП поплатилась за свои старые (с 1900-х годов) ошибки. Но 1920 г. не прошел даром ни для нее, ни для польского пролетариата и крестьянства.

В июле части Юго-западного фронта вступили в пределы Западной Украины. 26 июля был занят Тарнополь. 2 августа организовался галицийский ревком. К сожалению, мы почти совершенно не обладаем материалами о политике и деятельности галицийского ревкома. В общих чертах о ней можно судить по интервью председателя ревкома т. Затонского, данного советским журналистам в начале августа, после нескольких дней существования и деятельности ревкома. Тов. Затонский прежде всего охарактеризовал большие трудности, стоявшие на пути советизации Галиции. Это — отсутствие пролетариата в освобожденных местностях и сложный переплет национальных отношений. Затем он говорил о национализации земель и предприятий. Вопрос о державной сущности Галиции т. Затонский называл «не важным» и не требующим немедленного разрешения. Основными задачами галицийского ревкома он считал: 1) борьбу с польскими насильниками и

[1] «Коминтерн» № 16 — 17, 1929 г., стр. 32.

украинскими предателями и 2) организацию власти трудящихся, советской власти.

По вопросам советизации Западной Украины наши центральные органы буквально никаких указаний поармам не дали. Инструктора ПУРа, обследовавшие в августе поарм 14, в своем докладе писали:

«Сейчас в связи с вступлением в Галицию возникает целый ряд основных вопросов о советском строительстве и проведении советской политики, а между тем нет никаких руководящих указаний со стороны поюгзапа, ПУРа, ЦК КП(б)У, ЦК РКП(б)... и таким образом местным работникам приходится самим на собственный страх и риск намечать линию советской политики в Галиции, что может привести к нежелательным результатам, печальным осложнениям» [1].

Таким образом «политика» явно отставала от требований военной обстановки, упускалось драгоценнейшее время, и политорганы Юго-западного фронта совершали ошибки, аналогичные тем, которые делали соседи на Северном фронте.

Однако сами поармы, хотя и с опозданием, директивы частям выработали. В нашем распоряжении имеется директива, изданная поармом 14, совместно с представителем галицийского комитета коммунистической партии [2]. Эта директива прежде всего подчеркивала необходимость разъяснения населению освободительной роли Красной армии в Галиции и предоставления самим трудящимся Галиции окончательно решить вопрос о государстве на галицийском съезде советов. Всю силу агитации предлагалось направить «против польских панов и чиновничества, против Петлюры». От «противокулацкой агитации» предлагалось «воздержаться», имея в виду, что «процент кулаков в Галиции ничтожен». «При популяризации земельного закона» предлагалось «подчеркивать, что вся земля помещиков передается всему народу, но... воздерживаться от агитации за раздел земли между крестьянами и вообще оставлять в стороне вопрос о формах пользования отнятой у помещиков землей».

Директива предлагала «усиленно вести агитацию за вступление в ряды армии и вообще за вооруженную борьбу с польскими панами» и разъясняла о взаимоотношениях с различными слоями населения и партийными группировками:

«Безусловно надежными элементами населения являются почти все крестьянство» и городские, трудовые... украинские и еврейские массы, в особенности железнодорожники». Большинство польского населения, интеллигенции и духовенство настроены враждебно или выжидательно-настороженно и требуют самого пристального изучения и осторожного подхода. Изымать предлагалось «только активных контрреволюционеров, не трогая лиц, запятнанных *прошлой* политической работой».

«В полном контакте» работать с местными коммунистами, «привлекать к сотрудничеству членов партии социал-радикалов (левых, так называемых крестьянских марксистов). Трудовикам (народная демократия) безусловно не доверять. «Народное учительство в подавляющей массе» также целесообразно привлекать к советской работе».

Кроме того директива совершенно правильно отмечала национальные особенности освобожденной местности, предостерегая полит-

[1] Архив ВПАТ, д. 1092.
[2] Там же.

органы от излишнего представительства в ревкомах еврейского и польского населения и подчеркивая необходимость преобладания в них представителей украинского трудящегося населения. Одновременно указывалось на необходимость вести работу на родном языке среди польского и еврейского населения.

Директива поарма 14, в основном политически выдержанная, практически оказалась полезной и безусловно дала подивам армии ориентировку, но она пришла с значительным опозданием, и в начале работы в Галиции подивы работали по советско-украинскому образцу.

Так как в основном практическом вопросе — земельном, — поарм был связан политикой (или отсутствием к тому времени политики) ревкома, его директива страдала отсутствием определенного указания о способах разрешения земельного вопроса. Это обстоятельство конечно не могло не оказать отрицательного влияния на успешность закрепления совстроительства.

Давая «осторожную» линию в отношении к антисоветским группировкам и прослойкам, поарм вместе с тем не давал достаточно четких и исчерпывающих директив об очистке тыла от многочисленных и разнообразных агентов Пилсудского и Петлюры. Предложения об изъятии «только активных контрреволюционеров» и о том, чтобы «не трогать лиц, запятнанных прошлой политработой», были явно недостаточны. Не указывалось, как поступать с представителями польской оккупационной власти. Недооценивалось значение исполнительных органов прежних гмин, ибо предлагалось, распуская гмины, их «исполнительные органы использовать как технический аппарат для ревкомов». Между тем совершенно очевидно, что эти «органы» нуждались в серьезной очистке.

Наконец, в директиве отсутствовали также указания об экономической политике в освобождаемых местностях, об организации вооруженной опоры ревкомов, о партийной и профессиональной работе, об исправлении недочетов уже происходящей советизации Галиции. Все подивы по образцу советской Украины организовали в Галиции комитеты незаможных селян. Поарм знал об этом и, предлагая «воздерживаться» от антикулацкой агитации, в то же время ни слова не говорил об организации комнезамов в Галиции.

Полное отсутствие указаний от центра заставляет умерить критику поарма 14. Но и при этом условии поарм должен был дать больше, чем он дал, так как подивы вынуждены были брать на себя политическую ответственность и разрешать на свой риск коренные вопросы политики. В силу этого ряд вопросов разрешался различно на различных участках фронта.

В первых числах августа РВС 1-й Конармии обратился с воззванием к «трудовому народу Галиции» [1].

Воззвание разъясняло истинные причины и цели войны и заявляло, что Красная армия наносит «смертельные удары» угнетателям трудящихся Галиции и «хочет помочь... создать свою трудовую рабоче-крестьянскую власть».

[1] «Красный кавалерист», 2/VIII, 1920 г.

Воззвание призывало трудящихся Галиции к восстанию «против польской шляхты и ее украинско-галицийских союзников», к «свержению власти богачей», «к созданию советов», к захвату «власти в свои руки», к созданию «независимой рабоче-крестьянской Галиции».

Политорганы 1-й Конармии в силу специфических условий армии уделяли вопросам взаимоотношений конармейцев с местным населением исключительно много усилий и времени.

Политорганы 14-й армии работали в 9 уездах Галиции, причем обслуживание уездов происходило только силами подивов.

В Борщовском уезде было организовано 23 ревкома, 10 комнезамов, проведено 10 митингов, уездный съезд земотделов и 2 обследования ревкома.

В Бучачском уезде — организовано 54 ревкома, 4 профсоюза, 4 комнезама, 4 комячейки, 1 комсомольская ячейка и проведено 5 собраний, 21 митинг, 2 спектакля.

В Залещическом уезде — 4 ревкома, проведено 5 митингов, уездный съезд ревкомов, учительский съезд и съезд кооперативов.

В Чертковском уезде—10 ревкомов, 7 профсоюзов, 3 избы-читальни, 10 милиций, 13 митингов, уездный съезд ревкомов.

В Збаражском уезде — 25 ревкомов, 6 митингов, 2 столовые.

В Бродском уезде — по всему уезду ревкомы и милиция, 36 митингов. Выработаны твердые цены. Магазины взяты на учет. Открыты муниципальные лавки и 2 столовые на 750 обедов.

В Скалатском уезде — 20 ревкомов, 59 митингов, 5 концертов и спектаклей, 3 комячейки и уездная беспартийная конференция...

В Золочевском уезде — 7 ревкомов и 9 митингов.

В Подгаецком уезде — 8 ревкомов, 1 комячейка, 18 митингов и собраний и 1 концерт [1].

В этом перечне работ подивов и организаций (с 5 августа по 5 октября), учрежденных ими, некоторая доля должна быть отнесена за счет деятельности местных галицийских ревкомских и партийных сил. Тем не менее работа была проведена немалая и достаточно разнообразная. Подивы проводили уездные съезды земотделов, ревкомов, учителей, кооперативов, уездные беспартийные конференции. Учреждали и организовывали милиции, столовые, уничтожали свободную торговлю (в Бродском уезде) и т. п.

К недостаткам деятельности подивов необходимо отнести то, что шаблонно переносилась политика и методы работы в Советской Украине на территорию Западной Украины: комнезамы, уничтожение свободы торговли, продразверстка и т. п.

Советская работа подивов страдала и в организационном отношении. Начальник подива 8 писал начальнику поарма 14:

«Нет разграничительных линий между подивами, инструктора одного подива организовывают власть и уезжают, приезжают инструктора другие — распускают и организовывают ревкомы по своему... Организация... производится случайно... товарищи часто совершенно незнакомы с местными условиями общественной жизни, с классовым составом (населения)».

---

[1] Архив ВПАТ, д. 1092.

Однако при всех наших недостатках, при всех слабостях советизации отношение трудящегося украинского населения по единодушному отзыву всех политработников было вполне благожелательным. Население встречало Красную армию весьма тепло и проявляло большой интерес к Советской Украине. Достаточно хорошим было отношение и основной массы еврейского населения. Иное отношение проявляла значительная часть польского населения.

В Ровненском, Владимиро-Волынском, Ковельском, Соколовском и Грубешовском уездах работал поарм 12, организовавший там уездные ревкомы. Однако сведений о советизации этих уездов в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ.

★

Прежде всего о *политической подготовке кампании.*

Моральный вес советской дипломатии, убедительный показ действительного нежелания воевать и покушаться на государственную независимость Польши, доказательство справедливости обороны революции от нападения белой Польши, разоблачение авантюризма Пилсудского в «общественном мнении» Европы, мобилизация широчайших трудящихся масс на защиту Советской России — таков баланс наших достижений в политической подготовке кампании. В этом смысле мы вправе констатировать большие успехи, положительно аттестовать работу и партии и правительства.

Благодаря этим достижениям могучая пролетарская кампания в защиту Советской России получила большой моральный вес и в широких мелкобуржуазных массах Европы. Многие либеральные и «прогрессивные» буржуазные органы печати, вожди и представители принуждены были обвинять Польшу в нападении на Россию и Украину.

Несколько иную оценку должны мы дать при попытке более конкретно подытожить работу по политической подготовке кампании внутри Советских республик. Прежде всего нужно отметить, что ставка IX Съезда РКП(б) на длительную и прочную «передышку» не полностью оправдалась. Расчет на «передышку», ставка на «трудовой фронт» обосновывались и сопровождались известными мирными иллюзиями, частичной демобилизацией внимания к вопросам военной готовности. Ленин говорил, что «основой нашей агитации и пропаганды» должно быть «на ряду с шагами к миру» постоянное и настойчивое «напряжение военной готовности». Однако параллельная мобилизация усилий на сохранение боеготовности вооруженного фронта революции и вновь выдвигающийся трудовой фронт оказались не под силу. Агитация и пропаганда за «напряжение военной готовности» не соответствовала фактически проводившемуся сокращению сил и средств вооруженного фронта и передаче части войск на нужды хозяйственного восстановления страны.

Сосредоточение главных усилий на хозяйственных задачах, перевод армий на положение трудовых, решение о «коренной» реорганизации системы вооруженных сил — переход к милиции, — улучшение международного положения — все это, вместе взятое, в известной степени ослабило бдительность советского общественного мнения в

вопросе об опасности польского нападения и не содействовало мобилизации сил и средств к новому серьезному военному испытанию.

Готовя нападение против нас, белополяки в то же время прилагали все усилия к тому, чтобы усыпить общественное мнение советов. Есть основания предполагать, что предложение приступить к мирным переговорам (хотя и в Борисове) вполне сознательно было передано именно в дни IX Съезда партии для того, чтобы содействовать укреплению мирных иллюзий в первую очередь в рядах самой партии.

Красная армия подготавливалась к неизбежному столкновению непростительно плохо. Настроения «передышки», «мирные иллюзии», «благодушествование» приобрели широкие права гражданства. Далеко не все ее ответственные политические руководители понимали специфические задачи, лежавшие на Красной армии. Председатель Реввоенсовета Троцкий договаривался, отыскивая лапидарные формулировки, почти до полной ликвидации вооруженного фронта. «Сейчас первая задача, — говорил он на IX Съезде партии, — «переход к милиционной системе», — «всю основу для народной обороны, самую народную оборону, влить в организацию труда» [1]. Вслед за Троцким многие политические руководители армии механически переносили задачи трудового фронта в армию.

В период напряженной и систематической работы главкома и Штаба РККА по подготовке польского фронта, по разработке плана кампании, планов начального оперативного развертывания армий Западного и Юго-западного фронтов, по сосредоточению сил, ПУР непростительно отставал в своей работе. Пофронты и поармы не получали от него оперативно-политической ориентировки, новых специальных заданий по изучению противника и его намерений, хотя знали мы польскую армию в то время крайне недостаточно. Сам ПУР не проработал ни одного организационно-политического мероприятия и поэтому впоследствии все нужды армий обоих фронтов встали перед ним совершенно неожиданно и одновременно.

Ни одна проблема советизации новых районов также не ставилась всерьез.

Таковы минусы политической подготовки кампании.

★

Партийно-политическая работа в красноармейских частях, *политическое обеспечение кампании* сыграли исключительно большую роль. Политическая сознательность, революционный энтузиазм побеждали, казалось, непреодолимые препятствия и возмещали крупнейшие недостатки организации войск и кампании, ее оперативно-тактического руководства, ее материального обеспечения. Поход на Варшаву, героические действия армий Юго-западного фронта и особенно конармии удавались так блестяще в первую очередь благодаря усилиям партийных кадров частей, благодаря партийно-политической работе.

Но мы не можем обойти молчанием эти недочеты тем более, что в момент кризиса кампании — в Варшавскую операцию — наступил и

[1] IX Съезд. Стенографический отчет, стр. 360.

кризис политработы, кризис наступательного и воодушевляющего влияния партийных организаций. Могучая количественно, составлявшая почти 30% состава армий, партийная организация оказалась бессильной противостоять контрудару поляков и не допустить поражения на Висле. Революционный энтузиазм и беззаветный героизм не удержались на необходимом уровне, так как оперативно-материальная база сражения оказалась крайне суженной и почти необеспеченной. Сражение на Висле дает яркий образец отрицательного воздействия необеспеченной оперативно-материальной базы на сильные партийно-политические ресурсы. Однако было бы неправильно упадок политработы объяснять исключительно отрицательными сторонами оперативного и материального обеспечения. В самой партийно-политической работе были заложены такие крупнейшие недостатки, действие которых с особой силой сказалось именно в критический момент кампании.

Из советско-польской и врангелевской кампаний Красная армия вышла с так называемым «кризисом политодов».

На II Всероссийском совещании политработников Красной армии и флота после ожесточенной критики ПУРа и всей системы партийно-политической работы в армии подавляющим большинством голосов была принята следующая резолюция [1]:

«Заслушав доклад ПУРа о его деятельности, II Совещание политработников констатирует: а) *полное отсутствие идейного политического руководства со стороны ПУРа местными органами*, б) *оторванность его от основных, военноорганизационных, боевых и политических интересов, которыми жила и живет армия*, в) *неудовлетворительную и случайную связь с местами* и г) *отсутствие руководства политработой в самой красноармейской массе как на фронте, так и в тылу*.

Совещание *считает необходимым превратить ПУР в действительно руководящий центр всей политработы в Красной армии и флоте*, для чего необходимо:

1) в корне перестроить весь громоздкий аппарат ПУРа в сторону его численного сокращения и качественного улучшения;

2) ликвидировать безначалие в ПУРе, обеспечив в нем твердое, ответственное и постоянное политическое ядро, путем привлечения для руководства важнейшими отделами армейских и флотских работников;

3) перенести центр тяжести работы ПУРа в стороны организационного и идейного руководства местами, для чего необходимо усиление руководства ПУРа со стороны ЦК РКП.

В частности совещание обязывает ПУР:

а) регулярно и своевременно давать политические директивы для подготовки в армии и флоте кампаний и операций;

б) перенести центр тяжести политработы в части и казарму, качественно улучшив состав политруков;

в) пересмотреть и разработать программы политкурсов и политработы в частях;

г) наладить издание дискуссионного журнала по вопросам строительства и реорганизации армии и флота с привлечением сотрудничества в таковом журнале фронтовых и окружных работников;

д) регулярно созывать совещания политработников для обсуждения всех нужд армии и флота и вопросов ее строительства и

е) усилить политработу во флоте, объединив таковую в ПУРе и извлекая из армии и флота всех моряков политработников».

Резолюция совещания достаточно красноречива и не нуждается в дополнительных комментариях.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 496.

Работа пофронтов также не соответствовала всем требованиям, которые к ней предъявлялись. Вот отзыв о деятельности позапа, важнейшего пофронта войны, данный одним из энергичнейших начпоармов т. Хатаевичем:

В конце июня 1920 г. он телеграфировал начальнику позапа:

«Опыт убедил, что совершенно *не существует единого плана постановки политработы в пределах фронта; в каждой армии существуют специальные правила работы и способы подхода к ней и в каждой армии свой способ организации технического аппарата, как поармов, так и подивов, свои специальные штаты... Такое положение дела крайне болезненно отражается на работе...* Между поармами фронта не существует никакой связи и контакта... *Позап* тоже *не дает общей руководящей нити.* В данный момент работа позапа по моему исчерпывается механическим распределением поступающих в его распоряжение сил, финансированием, снабженческой и издательской деятельностью. Что касается организационного руководства, то таковое проводится постольку, поскольку позапу приходится давать разъяснения на выдвигаемые с мест вопросы и намечать ответственных руководящих работников политотделов... *Такое положение совершенно ненормально. Необходимо... устранить то кустарничество и чересполосицу деле постановки политработы, какое наблюдается на Западном фронте».*

В заключение т. Хатаевич предлагал созвать в ближайшее время соответствующее совещание для обмена мнений и устранения недочетов [1].

«Не отставали» от пофронтов и некоторые поармы. Политорганы и их работа в целом обладали крупнейшими организационно-штатными дефектами, страдали болезнями организационно-политической неурядицы. Эти недостатки отражались на всей работе. Не учитывая опыт прошлого или учитывая его крайне поверхностно и недостаточно, руководящие политорганы армии не концентрировали всех усилий на том политическом обеспечении оперативных действий, которые в современных условиях признаны основным методом политработы в военное время. Мобилизуя все живые революционные силы на тот или иной фронт, партия в широчайшем масштабе осуществляла политобеспечение кампании. Между тем внутри Красной армии, на отдельных участках фронтов, в тех или иных операциях целеустремленности политработы не существовало (или в большинстве случаев не существовало). Внимание и силы разбивались на многие частные задачи, поэтому важнейшие конкретные вопросы работы, связанные именно с данной операцией и данным боем, ускользали из поля зрения. Из-за этого страдала вся работа и часто вхолостую вертелась вся система.

Не имея установки на политобеспечение, пофронты и поармы развертывали самую разнообразнейшую политпросветительную деятельность и вместе с тем опускали даже такую важнейшую задачу политработы, как своевременное политическое ориентирование парторганизаций и политорганов в новых условиях и новых задачах. Подобные случаи имели место в период июльского наступления, когда перенесение операции в этнографическую Польшу поставило политработу в новые условия, при советизации Восточной Галиции, при столкновениях с войсками и властями буржуазной Литвы в период нашего

[1] Архив Красной армии, д. 60/369.

отхода из-под Варшавы, при начавшемся откате, неорганизованном и зачастую паническом, с Вислы и т п.

Серьезнейшие и важнейшие вопросы практической и повседневной деятельности политорганов также не согласовывались с потребностями операций и фронта. Организационные формы работы выдвигались снизу, строились как и тактика под огнем неприятеля, а высшие политорганы не были даже в состоянии своевременно нащупать их и узаконить. Так было с так называемыми полевыми политотделами, так было со многими формами работы среди своих войск, противника и населения. Вопросы комплектования партийно-политическим составом, снабжения политпросветимуществом, организации технических средств политработы разрешались чаще всего стихийно, без всякого планового согласования со штабами, службами и оперативным руководством.

Несмотря на большой размах и энергичный темп, работа в войсках бѣлополяков, в их тылу, а также и в нашей прифронтовой полосе строилась почти всегда импровизированно, без увязки с оперативными условиями и задачами. В частности, польскую армию и ее тыл мы знали безусловно плохо. В нашем знании противника преобладали общеполитические мотивы и выводы, конкретные же сведения о конкретном противнике у поармов и подивов были явно недостаточны.

Но это не все. Нашим руководящим инстанциям иногда не было известно даже состояние частей Красной армии. В этом повинны также и политорганы. Революционный героизм красных армий заслонил в общественном сознании большое утомление и физическую невозможность нового напряжения на случай контрудара противника, фактически создавшихся при нашем походе к Висле. Полностью и целиком прав один из ответственных работников 16-й армии т. Цельмин, заявивший на совещании при поарме 28 октября 1920 г.:

«Большую роль в нашем поражении сыграла плохая осведомленность центра о боеспособности частей» [1].

Разумеется, в настоящее время при изучении деятельности политорганов в советско-польскую войну трудно соблюсти полную объективность, ибо над нами все же довлеет современность, с ее условиями и требованиями. Но при всем этом решительная критика политработы в советско-польскую кампанию 1920 г. оправдывается всем приведенным нами фактическим материалом. Наши политорганы отставали от требований жизни: первая попытка учета опыта политработы была произведена только после гражданской войны.

★

В заключение — *о характере кампании и о политических причинах поражения под Варшавой.*

Вот что говорил в начале войны по этому поводу В. И. Ленин:

«Война с Польшей нам навязана, ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имели; но несмотря на всю нашу уступчивость, нам все-

[1] Архив ВПАТ, д. 541.

таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить себя и Украину от натиска польских империалистов... Мы должны разъяснить всем рабочим и крестьянам, почему подстрекаемая Антантой Польша начала войну с нами... это сделано для того, чтобы увеличить барьер, углубить ту пропасть, которая отделяет пролетариат Германии от нас» [1].

Следовательно мы шли не на «военную интервенцию», а на вынужденную самозащиту, ибо на нас нападали. Вся политика советского правительства, вся его уступчивость белополякам, чтобы избегнуть войны, свидетельствует о безусловной правильности этого положения.

Но исторические условия не были застывшими, они развивались и притом бешеным темпом. Ленин предвидел тенденцию их развития. Он знал, что польское нападение «не новый план», а «обломки старого плана» Антанты, имевшего целью удушить Советскую революцию.

Выступая на съезде кожевников 8 октября 1920 г., Ильич говорил:

«... Когда разгорелась война с Польшей, от которой мы так хотели избавиться ценой хотя бы больших уступок, эта война с Польшей оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны... Наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем... Версальский мир... Вот почему подход красных войск особенно к Варшаве оказался международным кризисом... Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления... и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир... Вот каков ход развития польской войны. Вот почему мы, зная, что польская война близко связана со всем положением международного имперализма, шли на самые большие уступки, лишь бы избавить от ее тяжести рабочих и крестьян. Затем мы пришли в столкновение с Версальским миром [2]...»

Таков истинный характер нашей войны с белой Польшей.

На причины поражения под Варшавой и неудачи в осуществлении планов красного командования существуют различные точки зрения

Первая из них, наиболее ярко представленная т. Тухачевским, считает, что кампанию «проиграла... не политика, а стратегия» [3]. В известной мере эта точка зрения находит отражение в тезисе т. Егорова о том, что «корни неудач варшавской операции лежат исключительно в методах управления Москвы и Минска» [4].

Другая точка зрения «винит» и стратегию и политику. Но ее последователей нужно диференцировать. Часть авторов — Свечин, Сергеев, отчасти Егоров (его позиция — эклектична), совершенно не усвоила международного значения войны.

На ряду с этим мы имеем и такие оценки: т. Антонов-Овсеенко к 5-летней годовщине Октябрьской революции писал:

«Наша генеральная вылазка из осажденного лагеря не удалась. Политические и военностратегические ошибки, совершенные нами тогда, ныне очевидны. Мы переоценили разложение польской армии, переоценили и революционную

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 199 — 200. Подобных заявлений Ленина можно привести еще несколько.

[2] Там же, стр. 333 — 337.

[3] Тухачевский, Поход за Вислу.

[4] Егоров, Львов — Варшава, стр. 178.

готовность польского пролетариата и не учли возможности национального подъема широких польских, преимущественно крестьянских, масс» [1].

Член РВСР т. Данишевский утверждал:

«Мы не учли в достаточной степени ни национального, ни религиозного момента, мы не считались с этими предрассудками... мы гнались за территорией... Целесообразнее всего было остановиться на... этнографической... границе... привести в порядок свои армии и готовиться к отпору нового... прыжка на Советскую Россию... Недопустимо итти на «авось» и добровольно форсировать события при невыясненной или недостаточно выясненной обстановке... Можно было и не переоценивать начавшееся мировое выступление противника... То же можно было предвидеть и в отношении пролетариата Польши...»

Читая т. Данишевского, невольно хочется сказать, — «как не трудно быть умным и благоразумным post factum»?

Что говорил о причинах наших неудач Ленин?

Отчитываясь за деятельность ЦК на X Съезде РКП в марте 1921 г., В. И. заявлял:

«При нашем... *слишком быстром продвижении* почти что до Варшавы, — несомненно была сделана ошибка, я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко, я думаю, что это должно будет составлять дело будущих историков... *Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами*» [2].

Накануне X Съезда Ленин говорил, что «в польской войне *мы... пошли несколько дальше, чем нужно* — к воротам Варшавы [3]...»

В сентябре 1920 г. В. И. видел «*одну из главных причин* нашего поражения» *в том, что «мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши»* [4].

В октябре 1920 г. он усматривал «*главный источник новых трудностей* для нас теперь» в том, что хотя «рабочие зрели не по дням, а по часам, и что *к рабочей революции дело подходит неуклонно, но все же слишком медленно*, если сравнить с быстротой развития в России... В Европе... война кончилась. Армии демобилизовались. Солдаты разошлись по домам. Рабочие и крестьяне разоружены. Там теперь развитие идет медленно, но оно идет» [5].

Блестяще владея материалистической диалектикой, В. И. отмечал одновременно и другую сторону этого «слишком медленного развития революции»:

«Хоть и медленно, но оно идет. *Как только международная буржуазия замахивается на нас, так ее руку схватывают ее собственные рабочие. Вот в чем значение международной войны против Польши. Вот где источник кризиса международного* [6].

«Наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что *совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил*... В новом положении прежде

---

[1] Антонов-Овсеенко, За 5 лет, сб. ЦК РКП(б), стр. 163.
[2] Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 108 и 92.
[3] Там же.
[4] Ленин, т. XVII, стр. 309.
[5] Там же, стр. 337/8.
[6] Там же.

всего сказался тот факт огромного значения, что *буржуазия стран, живущих под гнетом Антанты, — скорее за нас... Вся Германия закипела...*

Другим последствием... (нашего продвижения было. — *П. С.*) *могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии.* Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши... то *мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту,* на совершенно новую ступень развития... Эти огромные сдвиги в английском рабочем движении оказывают *могущественное воздействие на мировое рабочее движение и в первую голову на рабочее движение Франции*» [1].

И сам итог войны Ленин не считал «голым проигрышем», так как война показала, что «Польша победить нас не может, мы же недалеки от победы и были и есть».

Мы сознательно так длинно цитировали Ленина. Из всех его выступлений мы прежде всего видим, что он не упрощал вопроса, а старался анализировать события во всей их сложности и запутанности, старался дойти до объяснения конкретных мотивов нашей конкретной политики.

Весь *ход* событий вел нас от самозащиты в пределах России и Украины к столкновению с Версальским миром под стенами Варшавы. Ход войны «коренным образом изменял международное политическое положение», привел к «двоевластию» в Англии, «к противоестественному блоку черносотенцев» Германии «с большевиками», к развалу государственной работы и организации «внутреннего фронта» в Польше.

В этих условиях необходимо было действовать, надо было бросать все и вся на разгром белополяков, ибо революционная волна во всех крупнейших капиталистических странах, хоть и медленней наших желаний, однако в 1920 г. шла вверх. В самой Польше, несмотря на националистический подъем, зрела революция, о которой не смог умолчать даже Пилсудский [2], а польская армия переходила «ту грань (изменение социального состава), за которой обеспечена была ей сначала максимальная победа, а затем максимальное поражение» (Ленин). К тому же по оперативным предположениям «мы имели полную возможность избежать катастрофу» [3].

Для нас бесспорно, что в кампании были допущены политические и специально военные (оперативные) ошибки. В тот период нужно было защищаться и в защите ставить и пытаться решать крупнейшие и сложнейшие задачи «*революционной практикой*». *(Ленин.)*

Предоставим филистерам исправлять историю составлением рецептов задним числом и на все случаи жизни.

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 307/11.
[2] Пилсудский, 1920 г.
[3] Тухачевский, Армейская операция, стр. 73.

Приложение 1.

МАНИФЕСТ ВЦИК

к польским рабочим, крестьянам и солдатам.

ТОВАРИЩИ.

Польское правительство начало наступательную войну против советских республик России и Украины. Кому нужна эта война? Хотели ли мы ее, хотели ли вы ее? Нет, товарищи.

С первых дней рабоче-крестьянской революции в России советское правительство признало право польского народа, как и всех других народов, на полную свободу и независимость. Щадя кровь русского и польского трудового люда, советское правительство неоднократно предлагало польскому вступить в мирные переговоры, для того чтобы в полюбовном соглашении разрешить все разделяющие их вопросы. Но польское правительство или вовсе не отвечало на наши мирные предложения, или ставило совершенно неприемлемые условия. Оно отвергло наше предложение заключить общее перемирие на всем фронте и потребовало ведения переговоров в Борисове, находящемся в среде военных действий. Тщетно предлагали мы вести переговоры в Москве или Варшаве, на какой-нибудь нейтральной территории, наконец в Париже или Лондоне. Не желая мира, польское правительство неожиданно начало наступление на территории братской нам Украинской советской республики.

Война разгорелась, и снова льется русская кровь, льется польская кровь.

Нужна ли эта война русскому народу? Нет. Мы не посягаем ни на чье добро. Мы хотим мира, чтобы спокойно заниматься честным трудом на благо рабочего класса. Нужна ли эта война польскому народу? Нет, она ему также не нужна. Но она нужна польским панам, помещикам и капиталистам. Она нужна буржуям Антанты, которые подстрекнули Польшу на эту безумную авантюру. Не верьте вашему правительству, если оно скажет вам, что вы защищаетесь от захватных планов советского правительства. Последнее не только не посягает на достояние Польши, но и, напротив, в интересах мира готово было уступить Польше значительные территории, даже не населенные в большинстве поляками. На самом деле вы идете проливать кровь за миллиарды, ссуженные русскому царизму французскими банкирами. Вы идете завоевывать для польских панов чужие земли и подчинять игу польских помещиков миллионы украинских, белорусских и русских крестьян и рабочих.

Вам, рабочие, крестьяне и солдаты Польши, эта война не только не принесет никакой пользы, но и принесет огромный вред. Мы уже не говорим о пролитой крови, о потере множества жизней, о новой массе калек и увечных, о новых опустошениях, экономическом разорении, росте налогов и пр. Мы не говорим о безнадежности затеянной вашим правительством войны, которая неизбежно окончится поражением, ибо весь русский трудовой народ твердо решил до конца бороться против преступного нападения польской буржуазии. Но если бы даже война принесла временные удачи польскому правительству, рабочие и крестьяне Польши от этого ничего не выиграют, но рискуют многое потерять.

Украинские крестьяне ненавидят польских панов, как своих вековечных угнетателей. За Петлюрой, продавшимся вашему правительству, на Украине не стоит никто. Завоевав правобережную Украину, Польше придется содержать там большую армию, тратить на сохранение своей власти сотни миллионов. Кто

заплатит за все это? Обездоленный польский рабочий, разоренный польский крестьянин. Вы завоюете своим панам новых крепостных, а себе приобретете новых палачей, вдобавок к собственным жандармам.

Товарищи, воюя с Советской Россией и Украиной по приказу своих господ и по наущению иноземных империалистов, вы заклепываете кандалы у себя на ногах и увековечиваете свое рабство. Вот почему вы ничуть не заинтересованы ни в войне с нами, ни в победе вашего правительства.

Не верьте, что Красная армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших панов, советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне.

Не войну и насилие, а мир, братство и союз предлагаем мы.

На наших знаменах начерчен огненными буквами тот клич, под которым сражались когда-то польские борцы за свободу: «За нашу и вашу вольность».

Долой польское правительство помещиков и капиталистов!

Долой преступную братоубийственную войну!

Да здравствует мир между трудящимися массами Польши и России!

Да здравствует свободная рабочая и крестьянская Польша!

Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казачьих депутатов

Приложение 2.

ПРИКАЗ ПО ПОДИВУ 27 № 117/а д. ШЕЙБАКИ—I/IX 1920 г.

«Последней операцией нам нанесен тяжелый удар. Враг наметил слабое место нашего фронта, сконцентрировал против него отборные свои части, повел наступление и опрокинул наши части. Благодаря невыдержанности, позорной трусости некоторых частей фронта наступление белополяков стоило нам тысяч бесцельных жертв.

Понесенное нами поражение подняло дух отчаявшейся в борьбе с Советской Россией буржуазии. Прижатая было к стенке польская шляхта сразу переменила тон и вновь стала немедленно непримиримой. Ее мирная делегация предпочитает заниматься шпионажем в нашем тылу, а не переговорами о мире. Мировая буржуазия с новой силой начинает снабжать польскую армию снаряжением, обмундированием и т. п. Война с Польшей затягивается, требует тысяч и тысяч новых жертв. Удар тяжел, но поправим. Ликование буржуазии преждевременно. Усиленной работой мы должны восстановить былую мощь и силу нашей славной дивизии, с честью вышедшей из последней операции. 27-я дивизия, получив пополнение, должна вновь стать непобедимой, вновь стать образцовой для других красноармейских частей фронта. Для этого оставшиеся бойцы дивизии должны стать хранителями дивизионных традиций и образцовой дисциплины, сознательности и стойкости для вновь прибывающих. Пополнение подвергнуть основательной обработке, спаять его, сделать стойким, твердым, способным с честью носить славное имя бойца 27-й стр. дивизии. Самая интенсивная работа, неустанный труд должен быть проявлен всеми коммунистами от самых ответственных до рядовых. Вся энергия, все силы должны быть отданы на воспитание и на выработку из прибывших тов. — стойких бойцов. Нанесенный частичный урон должен компенсироваться проявленной волей и энергией и результаты работы должны рассматриваться, как результаты проявленной энергии; на работу должны встать все. Ни один коммунист не должен остаться неиспользованным.

Всем комиссарам и политработникам частей приказываю:

1) По получении сего приказа в 24 часа привести в порядок дела бюро РКП и произвести учет всех наличных партийных сил, и через 48 часов предоставить в подив цифровые сведения о коммунистах, кандидатах и именные списки на комиссаров, агитаторов и политруков.

2) Распределить силы равномерно по ротам и казармам.

3) Дать всем определенные темы и задания.

4) Назначить при каждом политруке чтецов в каждом взводе и, если есть возможность, в отделениях.

5) Развернуть самую сильную агитпропработу, устраивая ежедневно на заранее приготовленные темы митинги и, проводя в каждой роте, обязательно, 2-часовые беседы по политвопросам и по вопросам жизни Красной армии.

6) Темами митингов и бесед взять: «Война между Польшей и Россией», «Наши задачи в целом на Западе», «Красная армия и за что она борется», «Красноармеец и польский солдат», «Борьба Интернационала буржуазии против Советской России», «Значение польской кампании для Советской России и всего международного пролетариата», «Польша и ее правительство», «Борьба за уничтожение блокады и буфера во имя пролетарской революции», «Красноармеец — солдат революции», «Красная армия и III Интернационал», «Основы советской конституции», «Мероприятия советской власти в целях улучшения положения крестьянских масс (крестьян, рабочих, семей красноармейцев)», «Декреты СНК о социальном обеспечении».

7) В свободное от занятий время устраивать групповые чтения газет и журналов с разъяснением при помощи указанных в п. 4 чтецов под общим руководством политрука и под его ответственность.

8) Требовать от каждого политрука строгой отчетности за проведенный день.

9) В повседневной жизни требовать от коммунистов и кандидатов РКП точности, исполнительности, дисциплинированности, борьбы с разгильдяйством, всегда помня, что коммунист должен быть образцом красноармейцам.

10) Усилить работу среди членов партии и кандидатов, устраивая собрания, совещания, руководствуясь приказом по подиву за № 47, используя ряд указанных там тем.

11) При проведении работы комиссару быть душою дела, всюду собственным примером одухотворять работу, лично участвуя и проявляя самую широкую инициативу.

12) О ходе работы, ее удачах и недостатках сообщать в ежедневных сводках.

Еще раз напоминаем всем комиссарам, работникам и коммунистам о важности напряжения политработы в частях в настоящий момент.

Предупреждаю, что всякое халатное отношение к работе, разгильдяйство, нерациональное использование досуга красноармейцев и политсил частей повлечет за собой виновным тяжкие репрессивные меры.

Начподив 27 *Мардаровский.*

Секретарь: *Лихачев.*[1]

Приложение 3.

ПРИКАЗ

войскам 6-й кавдивизии 1-й Конармии.[2]

11 августа 1920 г. **с. Мошков.**

§ 1.

Борьба с панской Польшей принимает самый решительный характер. На полях Восточной Галиции и под Варшавой решаются судьбы польской буржуазии. Польская буржуазия должна быть уничтожена и она будет уничтожена. Трудовые массы Польши будут освобождены. Момент кладет на нас новые обязанности. Эти обязанности мы должны во что бы то ни стало выполнить. Устранить недочеты, которые у нас везде имеются, мы должны в самое короткое время и самым решительным образом. Главными и основными нашими недостатками является

---

[1] Архив Красной армии, д. 60—326.

[2] Там же, д. 117.

наше отношение к населению, к пленным и антисемитизм. Необходимо достигнуть, чтобы грабеж населения красноармейцами прекратился. Нужно в каждом бойце укрепить сознание, что крестьянство Галиции бедняки — наши друзья, обижать их нельзя, что пролетаризация буржуазии и кулачества дело советской власти, а не отдельных лиц и групп, что исход борьбы зависит в значительной мере от отношения населения к самой борьбе и борющимся сторонам.

Необходимо, чтобы каждый красноармеец понял классовый характер настоящей войны.

Польская армия в большинстве своем состоит из одураченных буржуазией трудящихся, которые начинают понимать, что они одурачены, часто выражают желание перейти и переходят и сдаются в плен. Каждый боец должен беспощадно рубить врага, уничтожать его в то время, когда он сопротивляется — убивай, чтобы не быть убитым, но безоружный и сдающийся нам польский солдат — наш друг и союзник в борьбе с польской буржуазией и уничтожать его величайшее преступление.

Необходимо добиваться, чтобы бойцы поняли, что буржуазия всех национальностей — наши враги и что все трудящиеся, к какой бы нации они ни принадлежали и какую бы веру они ни исповедывали, наши друзья.

Наша цель — социалистический строй во всем мире. К этой цели мы придем рука об руку с рабочими и крестьянами немцами, поляками, евреями, неграми, и единство нашей цели и наша пролетарская спаянность — залог нашей победы.

Поэтому приказываем:

Усилить в первую очередь партийно-политическую работу среди бойцов и о ходе самой работы непременно и, несмотря ни на что, не реже 2 раз в неделю сообщать в подив.

Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным и всякий позорящий имя бойца 1-й Конармии должен изгоняться из ее рядов и предаваться революционному суду.

Вся ответственность за исполнение приказа ляжет на командиров и комиссаров частей.

§ 2.

На днях нашей конницей должен быть занят Львов — еще одна твердыня польской буржуазии. Взятие Львова — экзамен для наших частей. В освобожденном от польских панов Львове не должно быть ни одного случая грабежа, насилия или беззакония. В Львове красные войска должны продемонстрировать свою дисциплинированность, революционную спаянность. Все честные бойцы должны следить сами за соблюдением порядка и всех, кто этот порядок будет нарушать, немедленно арестовывать и направлять в трибунал.

Каждому командиру и комиссару особенно должно следить за поведением своих бойцов во Львове.

Агенты польской буржуазии и местные жулики, бандиты при вступлении наших частей будут пытаться громить население, прикрываясь именем красноармейца, они будут пытаться положить несмываемый позор на нашу Красную армию, внести в ее ряды разложение и набить себе карманы.

Для беспощадной борьбы с этим приказываем: в каждом полку выделить команду из 20 — 25 наиболее сознательных бойцов, на эти команды, возглавляемые комиссарами полков, возложить обязанность по охране города и прекращение на месте попыток грабежа и бандитизма. Отрядам нести обязанность по охране города впредь до организации власти в Львове РВС и поконармом. Такой же отряд будет организован при подиве под руководством начальника подива. Все полкотряды ему подчиняются и им руководятся.

Доблестная Красная конница выдержит этот экзамен. Она покажет образец своей сплоченности и свято охранит чистоту Красного знамени, которое взовьется над освобожденным Львовом.

Комдив *Апанасенко*.
Военкомдив *Винокуров*.
Начподив *Яковлев*.

Приложение 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЛУШАЙТЕ ПОЛЬСКИЕ СОЛДАТЫ.

Солдаты польской армии!

Читаете ли вы польские газеты?

Читаете ли вы газету лакейской ППС «Роботник»? Знаете ли вы о том, в чем должна была признаться эта газета польских социал-предателей, польских социал-лакеев?

Слушайте про это.

8 июня «Роботнию» писал в передовой статье:

«Дальнейшая война Польши с Россией была бы исключительно в интересах Англии. Уже само наступление польских войск на Киев чрезвычайно выгодно английским интересам (вследствие чего сама Англия молчаливо согласилась на польское наступление), потому что оно оттягивает силы большевиков с Кавказа.

Поэтому-то Англия именно тогда начала снова посылать амуницию для крымской армии Врангеля, для которой не так давно английское правительство просило Чичерина об амнистии, на что он согласился в связи с наступлением польской шляхты».

Вы слышите польские солдаты?

Понимаете, что пишет газета ваших социал-предателей.

В апреле партия польских «социалистов», устами своего вождя *Дашинского согласилась на войну, благословляла поход на Украину*, а в июне, когда положение на фронте начало ухудшаться, в июне — эта предательская и трусливая партия, заслужившая презрения пилсудчиков, высказывается открыто и заявляет, что вы, польские солдаты, проливаете свою кровь *«исключительно в интересах Англии»*, т. е. английских банкиров и генералов

Но это еще не все. В этой же статье «Роботник» высказывается еще шире и пишет так:

«Дальнейшая война Польши с Россией — была бы войной Англии с Россией, при помощи польского солдата, польской крови, усиливающейся нужды в Польше»..

«Англия борется со своими колониями с помощью колониальных войск. Польша не имеет колониальных войск, но неужели нужно позволять, чтобы ее сыновья стали колониальными солдатами, в интересах чужого государства».

Итак, сделали вас колониальными невольниками. Использовали вас для борьбы, как негров, индусов, сенегальцев. Для капиталистов Англии, Франции и Америки вы становитесь тем же самым пушечным мясом, как и дикие африканские племена. *Вы исполняете подлую роль палачей.*

Эту жестокую правду говорили вам и мы, рабочие-большевики. Такой жестокой правды не могут скрыть даже *польские социал-предатели.*

Солдаты пилсудчики! Вам говорили, что вы защищаете отчизну. Теперь вы видите ясно, что вы защищаете *золотые мешки* английских, французских, польских и американских капиталистов.

«Оборона отчизны», это — сущая ложь. Польские рабочие еще не имеют отечества, оно находится еще в руках буржуазии, помещиков, генералов и их лакеев. Польские рабочие должны и могут завоевать себе отчизну. Добьются они этого тогда, когда по нашему примеру победят своих вековых угнетателей, когда сами возьмут власть в свои руки и сбросят буржуазию и генералов.

Солдаты польской армии!

Вы ведете войну как рабы, долой эту позорную войну!

Вы проливаете кровь за интересы английских и французских капиталистов — перестаньте быть кровавыми лакеями капитала. Сделали из вас колониальных невольников — восстаньте против буржуазной неволи!

Бросайте ряды буржуазно-шляхетской армии. Переходите на сторону красных войск. Становитесь под знамя пролетарской революции. Рвите позорные кандалы неволи.

Долой буржуазию, долой правительство лакеев буржуазии!
Долой войну за интересы капитала!
Да здравствует власть рабочих и крестьян!
Да здравствует советская Польша!
Да здравствует пролетарская революция!

Политический отдел Н-ской конной красной армии

Июнь 1920 г.

Издательство Политического отдела Революционного военного Совета N Красной армии. [1]

Приложение 5.

БЫЛ У ТЕБЯ, ХАМ, ЗОЛОТОЙ РОГ...

Советская власть предлагала польскому народу и правительству мир.

Как первое условие начала мирных переговоров она поставила немедленное заключение перемирия на всем фронте, чтобы не проливалась напрасно солдатская кровь. Но польские паны считали, что пушечного мяса имеют достаточно. Подготовляли они большой поход на Украину, чтобы вернуть себе имения и старое ярмо на спины украинских крестьян снова взвалить.

Кто же должен проложить им дорогу

Мужик польский в солдатском мундире. Хамом для них был ты и есть, польский солдат. Хамом был твой прадед, которого кнут управляющего выгонял в поле. Хамом для ясновельможного помещика является и твой отец. Хамом для офицера являешься и ты, крестьянский сын, защищающий интересы польской шляхты на Украине. Был у тебя, хам, золотой рог? — говорил тебе с горечью поэт Выспянский.

Польский крестьянин, был у тебя золотой рог мира, которого так жаждали твои братья в стране. Имел ты в своих руках оружие, от которого зависел вопрос мира или войны.

Зачем ты молчал тогда, когда польские паны отказались от перемирия. Зачем ты шел послушно на братоубийственный бой, хотя тебе рабочий и крестьянин Украины протягивал руку мира.

Зачем золотой рог мира на военную трубу заменил?

За что борешься польский крестьянин?

Говорят, что отчизну тебе охранять надлежит. А разве отчизна твоя здесь на Украине за Днепром находится?

Борешься ты во имя отчизны однако не той, рабоче-крестьянской, которая у нас существует, а отчизны капиталистов, помещиков, спекулянтов и дармоедов, что жиреют от пота рабочего и крестьянина

Говорят, что ты должен освобождать украинский народ. Этот ли многомиллионный трудящийся народ или сброд приспешников Петлюры, что сначала немецким, потом английским, и наконец ясновельможным польским генералам продался. Разве народ украинский, который, изгнав немецких юнкеров, деникинских разбойников и петлюровских гайдамаков, сам бы не сумел справиться, если бы ему обиду какую причинили. *Этот народ имеет свою рабоче-крестьянскую власть и никакой другой на Украине не потерпит.*

Обманули тебя, польский крестьянин, твои паны. Обманули, предательски загнали тебя в такие дебри, из которых не выберешься. Бросили на миллионы крестьян и рабочих, которые будут обороняться до последнего от ясновельможных.

Не говорят уже о мире. Война идет на жизнь или на смерть.

Ваши паны хотели войны и будут иметь ее до тех пор, пока польские рабочие и крестьяне не свергнут их правительства.

Был у тебя, хам, золотой рог.
Была у хама шапка из перьев...

Шапку вихрь несет,
Рог гудит в лесу;
Тебе остался только шнур..

Чтобы самому на нем не висеть, накинь его на шею вызвавшим войну: польским панам, генералам, помещикам и спекулянтам.

А потом заиграешь в золотой рог мира.

Поляки-красноармейцы.

Июнь 1920 г

Приложение 6.

ИНСТРУКЦИЯ ИНСТРУКТОРАМ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ [1].

1. Главный вопрос в деревне — вопрос о земле. Новые коммунальные хозяйства возбуждают недоверие крестьян, как собственников.

Агитация наших врагов в деревне берет корни именно из этого недовольства.

Первейшая обязанность инструктора разъяснить значение коммуны, как новой высшей формы хозяйства и землепользования.

2. Инструктор *внимательно должен изучить социальный состав села или деревни, в которых он ведет работу, и на конкретных примерах показать, кто такой кулак, середняк и бедняк.*

3. В острой форме в деревне *стоит вопрос об отобрании хлебных излишков,* которому противится крестьянин, как продавец продуктов своего хозяйства. *С возможной ясностью и простотой следует изложить крестьянству отношение города и деревни.*

4. *Разъяснению задач советской власти должен посвятить все свои силы инструктор.*

Все стороны нашего строительства должны найти отражение в его деловых докладах. О задачах Красной армии прежде всего.

5. *Приложить все усилия к организации агитационных пунктов в селах и деревнях, с какой целью создать избы-читальни,* действуя в полном контакте с инструкторами культпросвета.

6. Крупной задачей инструктора — *подсмотреть работников на местах и сделать из них более активных проводников своих начинаний.*

7. Связать с местными организациями расположенные в данном селе или деревне воинские части через их политических представителей.

Начподив 57 *Славинский.*

За начоргос *Угаров.*

Приложение 7.

ПОЛОЖЕНИЕ

о ревкомах в местностях, очищенных от неприятеля.

(Приказ Западного фронта № 873 19/V 20 г.)[2]

§ 1. На основании постановления ВЦИК от 24/9 1919 в местностях, освобожденных от неприятеля, по мере продвижения Красной армии, реввоенсоветами армий через отделы ревкомов образуются губернские, волостные и поселковые ревкомы, состоящие из 3 до 5 членов, при непременном условии участия в них представителя Отдела ревкомов армии.

§ 2. Местные ревкомы, образуемые вслед за вступлением в освобожденную от неприятеля полосу нашей Красной армии, являются высшим органом местной

---

[1] Архив ВПАТ, д. 542, л. 143.

[2] Там же, д. 544, листы 197 — 198.

и революционной, военной и гражданской власти и им подчиняются все местные, как оставшиеся, так и вновь сформированные учреждения и органы власти.

§ 3. Права ревкомов, помимо прав, предоставленных ревкомам постановлением ВЦИК от 24/9 — 1919 г., определяются в каждом отдельном случае и на определенный срок приказом реввоенсовета соответствующей армии, причем ревкомам может быть предоставлено:

1) Объявить местность на осадном положении, с правом непосредственной расправы с бандитами, грабителями, шайками дезертиров и бродящего в тылу неприятеля.

2) Издавать обязательные постановления:

а) о выдаче всякого рода оружия, огнеприпасов, амуниции и воинского снаряжения под угрозой применения высшей меры наказания в случае сокрытия таковых;

б) о принятии на учет помещичьих и частновладельческих земель и усадеб, всевозможного рода складов, фабрично-заводских предприятий, сельских машин и инвентаря, скота крупного и мелкого, золота, серебра, кредитных билетов свыше определенной суммы, продовольствия и прочего имущества, учет коего ревкомом будет признан необходимым в интересах Советской республики;

в) привлекать к трудовой повинности местное население, подводы, мобилизовать скот и необходимые орудия производства.

3) Учреждать милицию, а там где нет военных властей — назначать и смещать комендантов и других должностных лиц в порядке военных приказов.

4) Производить регистрацию отдельных элементов населения, задерживать и подвергать аресту лиц, своим происхождением или деятельностью внушающих опасность революционному порядку.

5) Подвергать административным взысканиям в форме штрафа и ареста в размерах, установленных узаконениями рабоче-крестьянского правительства или приказами соответствующих реввоенсоветов.

6) Привлекать в особо важных случаях к суду военнореволюционных трибуналов.

§ 4. В соответствии с постановлением ВЦИК от 24/IX — 1919 г. на обязанности ревкомов лежит:

1) Окончательно очистить подчиненную ревкомам территорию от врагов рабоче-крестьянского правительства, каковые могут остаться в среде населения и вести там организацию неприятельских сил, шпионажа и пропаганды во вред укрепления советской власти.

2) Оказание всевозможного содействия Красной армии, перечисленного в § 16 «Положения о ревкомах» от 24/1X — 1919 г., по обороне и снабжению ее всем необходимым.

3) Принимать все меры к ознакомлению широких масс населения посредством письменной и устной агитации о сущности советской рабоче-крестьянской власти.

4) Поддерживать твердый революционный порядок и давать энергичный и быстрый отпор всевозможным его нарушителям, не останавливаясь перед самыми строгими репрессиями и карами.

5) Организовать сочувствующие советской власти слои населения вокруг коммунистических ячеек.

6) Организовать по мере надобности соответствующие отделы исполкомов для налаженния текущей гражданской работы.

§ 5. Все волостные, поселковые ревкомы подчиняются уездревкомам, уездные — губернским, с подчинением всех раввоенсоветам армий через соответствующего начальника отдела ревкомов, действующих в порядке положения от 22/1X — 1919 г.

Общее управление ревкомами фронта сосредоточивается в руках начальника отдела ревкомов фронта, непосредственно подчиненного реввоенсовету фронта и действующего на основании особого Положения.

Приложение 8.

ПРИКАЗ 16-й АРМИИ [1].

№ 696. 13 июня г. Могилев.

Упорно напряженная борьба на фронте требует максимальной затраты сил и средств не только на позициях фронта, но и в тылу его как в гражданских, так и в военных органах, что должно обеспечить скорейшую победу над классовым врагом.

Укрепление тыла, умелое использование его для нужд армии есть прямая и реальная помощь передовым частям, успех которых зависит от хорошо организованного тыла.

Вся работа и ответственность за тыл лежит непосредственно на ревкомах, которым предоставлены приказами по армии за №№ 1407, 1314 и 636 широкие права, включительно до объявления местностей на осадном положении, и поэтому на них ложится громадная ответственность в области быстрой и организованной работы, а главное — умелое использование тыла в интересах армии.

Всем ревкомам — от губернского до волостного — теперь же перейти к активным действиям непосредственной работы, обеспечивающей помощь Красной армии, для чего основным положением ревкомов должен служить следующий порядок всей работы:

1) *Работа должна итти во всех отношениях совершенно по-военному*, не допуская в процессе работ медлительности, нерешительности, бюрократизма и т. д.

2) *Не допускать без надобности коллегиальности*, а где существует, по возможности, сокращать ее, возлагая всю ответственность на отдельных товарищей, проверяя и направляяих работу, как можно чаще.

3) *Свести к минимуму обсуждения различных вопросов на заседаниях*, собраниях, употребляя это время на практическую работу для помощи Красной армии.

4) *Установить самую прочную связь между ревкомами.*

5) *Налечь на аккуратное выполнение различных нарядов населением для Красной армии в области хозяйственных заданий*, рассматривая это, как действительную помощь от населения, а не на словах в резолюциях.

6) В районе ревкомов *поставить дело сбора оружия, патронов и вообще военных припасов, снаряжения, обмундирования и пр. на должную высоту.*

7) *Преследовать с беспощадностью продажу военных предметов на рынках, как частными лицами*, так и военными.

8) *Развить самую энергичную деятельность по оказанию помощи семьям красноармейцев*, теперь же, учтя, сколько всего нуждается, сколько получили, превращая эту работу не в благотворительность, а как агитацию в широком понятии обеспечения трудящихся, отдающих свои жизни на торжество коммунизма.

9) *Борьба с дезертирством должна быть боевой задачей ревкомов.* Каждый член партии должен день и ночь думать об очищении района ревкома от этих сознательных или бессознательных предателей Красной армии. *Уезд с дезертирами не помощь Красной армии, а помощь панам*, и всякая работа ревкома будет хронически или вдруг сведена на-нет присутствием дезертиров. Инструкций для изловления есть достаточно на местах, остальное дело за инициативой самих ответственных работников, и каждый член ревкома в этом направлении обязан сделать то, что делает для позиций красноармеец прорывом через проволочные заграждения, поражая классового врага наповал. *Дезертиры и их укрывающие должны быть уничтожены всеми способами, какие изыщет ревком, кроме тех, какие уже в его распоряжении имеются.*

10) *Военную работу поставить на первую линию всей работы ревкома.* Здесь следует всей мощностью военных комиссариатов овладеть всею заданной работой настолько, чтобы, выполняя эту работу, помогать и гражданским заданиям (как трудовая повинность). Комиссии по переосвидетельствованию больных, учет граждан, учет повозок, лошадей для военных надобностей, состояние гарнизонов, охрана города, формирование и т. п. должно выполняться самым аккуратным

---

[1] Архив ВПАТ, д. 544, Листы 115 — 116.

образом, для чего эту важную работу следует проверять лично *председателю ревкома.*

11) *Все производство следует поставить в полном соответствии с требованием фронта.* Малонужные сейчас производства не расширять, а совсем ненужные ликвидировать, усилив за этот счет производства, имеющие прямое отношение к снабжению Красной армии. *Уровень производительности в местной промышленности должен быть поднят до максимума. В этом отношении необходимо среди рабочих развить самосознание,* чтобы каждый товарищ знал, что вырабатываемый им успешно предмет есть лишний удар панам. Прогрессирующее понижение производительности должно рассматриваться, как прорыв трудового фронта, и с этим ревком должен бороться самым решительным образом. Все местные ресурсы в области использования имеющегося сырья, остановившихся мастерских, фабрик, могущих принести пользу для снабжения Красной армии, должны быть главной работой ревкома и тут необходимо проявить инициативу ответственным работникам, район которых находится в непосредственном соприкосновении с фронтовой линией.

12) *Ревкомам следует быть в готовности расширить зону своей власти при продвижении нашей армии и, наоборот, свернуться при отступлении. В том и другом случае должен быть выработан заранее соответствующий план действий.*

13) *Ревкомам иметь в виду, что, находясь в прифронтовой полосе, неприятель всячески старается использовать ее включительно до вооруженных налетов или своими отрядами, или через своих подсобников в виде дезертиров, бандитов, с целью расстроить наш тыл.* На такой случай всем ревкомам руководствоваться приказом по армии за № 1471 от 29 ноября 1919 г., из которого вытекает необходимость использования абсолютно всех партийных и других сил в районе ревкома, объединяясь в действиях с окружающими ревкомами, при полном содействии воинских частей.

14) *Работу по проведению трудовой повинности* как для армии, так и для нужд производства следует поставить в первую очередь, доведя ее выполнение до 100%, устраняя при этом всякие недовольства среди крестьян, достигая этого главным образом путем планомерного и справедливого распределения нарядов, правильного использования, а также и усиленной агитации.

15) С получением сего теперь же *установить порядок докладов каждого отдела в ревкоме два раза в месяц,* которые должны давать ясный ответ на вопрос: «*Что сделано за две недели для помощи Красной армии*», обосновывая все цифровыми данными, не загромождая их ненужными или ничего не говорящими фразами. Доклады должны излагаться кратко, объективно, правдиво, отражая действительность, не останавливаясь перед раскрытием дефектов, с указанием, чем и как можно помочь.

Приложение 9

ПРИКАЗ [1]

21 апреля 1920 г., г. Новозыбков.

№ 101.

При сем объявляется инструкция для воинских частей и волостных ревкомов прифронтовой полосы, подчиненных РВС 16-й армии.

1) Представителями от воинских частей в волостных ревкомах должны быть члены РКП, имеющие практический опыт в советском строительстве и организационные способности.

2) Являясь представителями армии, они пользуются правами члена волревкома, принимают деятельное участие в непосредственной работе по советскому строительству, обращая самое серьезное внимание на беспощадную борьбу с дезертирством, правильное выполнение гужевой повинности, на успешное выпол-

---

[1] Архив ВПАТ, д. 994, лист 37.

нение всех продовольственных нарядов и заготовок по заданиям уездпродкома и опродкомарма, проводят в жизнь все распоряжения и приказы РВС армии, а также и гражданских высших органов власти.

3) Устраняют всякого рода конфликты между гражданским населением и красноармейскими частями.

4) Ведут культурно-просветительную работу среди местного населения, устраивают митинги, собеседования, организуют клубы, читальни и т. п.

5) Ведут партийную работу, организуя комячейки, поставив их на должную высоту и воспитывая их в коммунистическом духе и приучая к самодеятельности.

6) Следят за настроением населения и отношением его к советской власти и за лицами, ведущими вредную агитацию против советской власти, для чего принимают немедленно меры к устранению провокационных слухов и доводят до сведения подивов, совотделения и уездревкома.

7) Посещают села и деревни на предмет постановки в сельских советах культурно-просветительной работы среди населения.

8) Обращают особое внимание на работу союза работников земли для партийной работы в них и т. п.

9) Каждые 1-го и 15-го числа доставляют подробный отчет о своей деятельности военкому своей части.

Начпоарм *Пикель*.

Начальник общего отделения *Муров*.

Приложение 10.

УТВЕРЖДАЮ:
Начпоарм 12 Дегтерев.
1 июля 1920 г.

ИНСТРУКЦИЯ

комячейкам ВКП (б) 12-й армии по организации кресткомиссий.

§ 1.

Крестьянские комиссии организуются при полковых ячейках, а также при ячейках отдельных частей и учреждений для работы среди крестьян.

§ 2.

Кресткомиссии выбираются общими собраниями ячеек из 3 действительных членов партии, хорошо знакомых с бытом и условиями крестьянской жизни, разбирающихся в вопросах сельского хозяйства, партийного и советского строительства.

§ 3.

На первом заседании кресткомиссия выбирает из своей среды председателя комиссии и секретаря.

§ 4.

Секретарь кресткомиссии на ряду с общеполитической работой ведет дневник работы комиссии и информирует печать через литературные комиссии о работе комиссии и ее результатах.

§ 5.

Комиссия в порядке партийной дисциплины, с согласия секретаря комячейки, может привлекать к своим работам всех членов комячейки.

§ 6.

Кресткомиссия держит тесную связь с комячейкой, военкомом и крестсекцией соответствующего подива.

§ 7.

Если в одном населенном пункте расквартировано несколько воинских частей или учреждений, то кресткомиссии этих частей объединяются для совместной работы, устраивая для этого общие собрания комиссий, где вырабатывается план работы комиссий и выбирается временно один руководитель, которому подчиняются все комиссии.

§ 8.

Если кресткомиссии находятся в одном с подивом населенном пункте, то распоряжения получают от крестсекции политотдела, не избирая временного руководителя.

§ 9.

Комиссия ответственна перед общим собранием ячейки и подивом.

§ 10.

Члены кресткомиссии никакими привилегиями по службе не пользуются и от служебных нарядов не освобождаются.

Примечание. По распоряжению соответствующих начальников наряд может быть снят или перенесен на другое время.

§ 11.

Кресткомиссия не предпринимает никаких шагов для устранения замеченных ею упущений или преступлений, она лишь раскрывает и выясняет их, донося об этом соответствующему военкому и через него в политотдел.

РАБОТА КРЕСТКОМИССИИ.

§ 12.

Основной задачей комиссии является борьба с преступными действиями, грабежами, незаконными реквизициями у трудового крестьянства со стороны несознательных элементов Красной армии и местных властей, путем устройства митингов, собеседований, разъяснений, надзора и т. д. В этой работе комиссия должна войти в тесный контакт с Особым отделом, привлекая виновных к ответственности.

§ 13.

Разбирает и улаживает все конфликты, возникающие между местным населением и Красной армией.

§ 14.

Разъясняет везде и всюду значение и необходимость помощи крестьян Красной армии, связывает фронт с тылом общностью интересов.

§ 15.

Следит за правильным и справедливым размещением людей и конского состава в занимаемых пунктах.

§ 16.

Следит за выполнением декретов и инструкций о социальном обеспечивании семей красноармейцев, помогая их семьям через устройство трудовых субботников, привлекая через местные власти к помощи семьям общественной запашкой полей, снабжением их инвентарем и семенами, разъясняет семьям красноармейцев способы и порядок получения красноармейского пособия.

§ 17.

Организует сельские ревкомы и комитеты незаможных селян по соответствующим положениям, контролирует и инспектирует их путем деятельного и всестороннего обзора их работы, о всех упущениях и преступлениях местных властей сообщает уездкому и политотделу.

§ 13.

Разъясняет населению декреты, касающиеся жизни крестьян и проведения этих декретов в жизнь, по преимуществу земельного закона, продовольственного, социального обеспечения, отделения церкви от государства и школы от церкви и т. д.

§ 19.

Комиссия ведет решительную борьбу с дезертирством путем соответствующей агитации и требует от местной власти применения суровых мер к злостным дезертирам.

Борется с самогонщиками и картежной игрой.

§ 20.

Разоблачает и пресекает через военкомов на местах контрреволюционную агитацию и подпольную работу бежавшей в села буржуазии, кулачества и интеллигенции. Для устранения указанного комиссия обязана, оставляя район своей работы, выбрать из среды беднейшего крестьянства одного или нескольких товарищей, контрагитаторов, твердо стоящих за советскую власть и разделяющих нашу программу, и вменить ему в обязанность связаться с волостными или уездными ревкомами и доносить им о настроении деревни.

§ 21.

Организует культурно-просветительные кружки, клубы, хаты-читальни и т. д. При их организации необходима осторожность подхода к деревне, так как излишняя спешность в данном случае может создать кроме непонимания еще нежелательные эксцессы.

§ 22.

Организует и проводит сельские сходы и детские праздники (в контакте с ячейкой) в целях привлечения крестьянства к Красной армии.

§ 23.

При входе частей в населенные пункты призывает крестьянство устраивать торжественные встречи Красной армии с хлебом-солью. Самые встречи организовывает с возможной торжественностью (речи, пение, музыка, украшение домов, плакаты и т. д.).

§ 24.

Организует по особой инструкции из крестьян комитеты помощи раненым и больным красноармейцам.

§ 25.

Распространяет среди населения газеты и литературу, собирает у красноармейцев прочитанные газеты и передает их населению.

§ 26.

Организует среди населения комячейки и ячейки комсомола.

Начоргчасти Политотдела РВС 12-й армии *Я. Мейер.*

Начинструктотделения *А. Лебзин.*

Приложение 11.

ТТ. КОММУНИСТАМ И ПОЛИТРАБОТНИКАМ КРАСНОЙ АРМИИ.

Товарищи, Красная армия вступает в коренную Польшу. Она должна действовать таким образом, чтобы Польша видела в ней освободительницу, а не завоевательницу. Она должна беспощадно, в самом зародыше, пресекать все, что способно напоминать о ненавистных старых царских армиях, вторгавшихся

в чуждые страны. Она должна действовать таким образом, чтобы облегчать, а не затруднять для наших польских товарищей предстоящую работу социалистического строительства. Она должна стремиться к тому, чтобы Польша, превратившись в Советскую Польшу, быстро сделалась сильным союзником Советской России в общей борьбе против угнетателей и эксплоататоров.

1. Разъясняйте Красной армии, почему польское население встречает ее с некоторым недоверием. Разъясняйте, что царские палачи, давившие и грабившие Россию, с удвоенным и утроенным зверством обрушивались на Польшу. Разъясняйте, что царские армии приходили в Польшу всегда лишь на помощь этим палачам, что они приносили с собою массовые виселицы, расстрелы, тюрьмы, военнополевые суды для польского пролетариата и крестьянства. Только своим поведением Красная армия может вытравить эти кровавые исторические воспоминания.

2. Усильте борьбу с случаями грабежей и насилий. Красноармеец идет на борьбу за свободу, а не за добычу. Польскую капиталистическую и помещичью собственность он хочет превратить в общую собственность всего трудового населения Польши, а не в свою собственность. Мешечник, шкурник, мародер, бандит,— преступник перед угнетенными всего мира, томящимися в неволе,—всякий красноармеец, который вторгается в дома польских граждан и учиняет насилие и грабеж. Он ослабляет и разлагает Красную армию, несущую свободу всему человечеству. Он подготовляет ей такую же участь, какая постигла армии панскую, колчаковскую и деникинскую, превратившиеся в шайки бандитов. Он замедляет и затрудняет ее продвижение, создает для нее новых, уже сознательных врагов, оставляя за собой заслуженную ненависть и презрение. Бандитам нет места в рядах Красной армии! К немедленному расстрелу бандитов!

3. Самое бережное отношение к пленным! Внимательное товарищеское отношение к польским рабочим и крестьянам!

4. Беспощадная борьба с польскими контрреволюционерами! Но помните, товарищи, что обманом и ложью они сумели натравить на рабоче-крестьянскую Россию польских крестьян и рабочих. Точно так же они сумели втянуть их в свои желтые и черносотенные союзы. Если рабочий или крестьянин — член такого союза, это еще не значит, что он сознательный контрреволюционер. Время и обстоятельства покажут ему, что он заблуждался, что его место — в рядах борцов за свободу порабощенных крестьян и рабочих, а не в рядах поработителей. Ловите, преследуйте, но не рядовых членов, а сознательных контрреволюционеров, вожаков и заправил черносотенных и желтых организаций. Больше внимательности и осторожности!

5. Старательно охраняйте фабрики, заводы, усадьбы и их имущество от расхищения и разгромов! Помните, что разгром фольварков (помещичьих усадеб) оставил бы без работы сотни тысяч батраков и безземельных крестьян и ухудшил бы общее продовольственное положение Польши, не принеся никакой пользы крестьянству.

6. Помогайте польским товарищам возможно быстрее наладить собственное управление в местностях, освобожденных от панской армии. Таким образом вы упрочите дело Красной Польши и освободите свои силы для того, чтобы двигать это дело дальше.

7. Повсюду первым делом разыскивайте местные организации Польской коммунистической рабочей партии, содействуйте укреплению и расширению этих организаций, не разрешайте ни одного сложного и крупного вопроса без совещания с ними.

Ускоряйте освобождение Польши от капиталистической и помещичьей власти! Всеми силами приближайте то время, когда в лице Красной Польши вырастет сильный союзник Красной России!

Член Революционного военного совета республики *И. Смилга.*

Председатель Временного революционного комитета Польши *Ю. Мархлевский.*

Приложение 12.

ИНСТРУКЦИЯ [1]

о польской работе поармов

(Из приказа РВС Запфронта № 42 от 1-IX 1920 г.).

Главной задачей поармов при продвижении Красной армии в Польшу является привлечение к активному участию в революционном строительстве советской власти в Польше всей трудящейся массы, т. е. местного населения и самой Красной армии.

1) Поэтому во главе всей агитационной и пропагандистской работы в Польше следует ставить разъяснение причин прихода Красной армии в Польшу, а именно: а) необходимость обезопасить Советскую Россию от повторного вторжения польских белогвардейцев, являющихся наемниками международной контрреволюции, путем их обезоружения; б) необходимость польским рабочим и крестьянам свергнуть иго помещиков и капиталистов, организовать советскую рабоче-крестьянскую власть и прекратить кровавую братоубийственную бойню путем заключения прочного мира между советским правительством России и Польши.

2) Для осуществления этой основной задачи главным и необходимейшим оружием является восстановление разгромленной польским белогвардейским правительством классовой организации трудящихся масс Польши, т. е. в первую голову восстановление и усиление местных организаций коммунистической партии, а затем восстановление, соединение, развитие и организация имеющихся профсоюзов в производственные рабочие союзы и вовлечение при посредстве их в надлежащим образом руководимые и поддерживаемые организации широких масс трудового населения в борьбу с остатками старого строя и контрреволюционными попытками сохранить и восстановить его и в созидательную работу революционного коммунистического строительства.

3) Весь аппарат поармов должен принимать самое активное участие в строительстве советской власти, являющейся непосредственной задачей отделов ревкомов. Поармы обязаны представлять с этой целью из своего резерва необходимый штат инструкторов по всем областям советского строительства, отнюдь не отрывая их преждевременно от работы.

4) Для непосредственного руководства и наблюдения за польской работой поармов учреждается особая должность *польпомначпоармов*, действующих в общем порядке подчинения через организационный аппарат поарма без создания каких бы то ни было самостоятельных органов.

5) Деятельностью *польпомначпоармов* руководит польпомначпузап через соответствующих начпоармов.

6) Польпомначпоармы имеют своего секретаря машинистку и курьера за счет сотрудников резерва.

---

[1] Архив ВПАТ, д. 1093 ,лист 11.

УКАЗАТЕЛЬ

основных источников и материалов, использованных автором.

Ленин, тт. XVII, XVIII, XIX, XX. ч. 2, издание первое.
Какурин и Меликов, Война с белополяками.
Тухачевский, Поход за Вислу.
Троцкий, Как вооружалась революция, т. II, кн. 2 я.
Степанов, С Красной армией на панскую Польшу.
С. Крушевский и М. Здзярский, Быт рабочих в Польше в 1913 — 1921 г.
Аграрная революция в Европе. Сборник под редакцией М. Зеринга.
Ланцуцский, ППС.
Савинков, За родину и свободу.
Е. Шиловский, На Березине.
Мовчин, Последовательные операции по опыту Марны и Вислы.
Егоров, Львов — Варшава.
Гая, На Варшаву.
Крицман, Героический период великой русской революции.
Ю. Мархлевский, Из истории Польши.
Ю. Пилсудский, 1920 год.
А. Варский, С.-д. Польши и Литвы и II Съезд РСДРП. «Коминтерн» № 14 и 16 — 17 1929 г.
С. Каменев, Война с белой Польшей, — «Военный вестник» 1922 г. № 12.
Октябрьская революция, Первое пятилетие, Сборн. Гиз Украины.
За 5 лет, Сборник ЦК РКП(б) 1922 г.
Кадишев, Военная печать, БСЭ, т. XII.
«Революционный фронт», орган РВС Юго-западного фронта, № 3, 8, 9, 10, 11, 12 и 15.
«Революция и война», орган РВС Западного фронта 1920 г. № 1, 2, 3, 4 — 5.
«Военный зарубежник» № 14 — 15, 1922 г. ст. Кукеля.
«Советская Украина и Польша», Сборник НКИД УССР.
Стенографические отчеты IX и X Съездов РКП(б).
«Бюллетень НКИД РСФСР» за 1920 г.
«Вестник НКИД РСФСР». 1920 г. № 9 — 10, 8, 6 — 7 и 3.
«Красная книга» НКИД РСФСР.
«Ежегодник Коминтерна» 1923 г.
«Известия ЦК РКП (б)» за 1920 г.
II Конгресс Коминтерна, — стенографический отчет.
«Коммунистический Интернационал» № 1 — 16. 1919/20 г.
«Вестник агитации и пропаганды» № 1 — 8 1920/21 г.
«Политработник» № 1 — 11, 1920 г.
Историческо-стратегический очерк 16-й армии.
Эстрейхер-Егоров, Опыт советизации тыла на польском фронте в 1920 г.
«Война и революция» 1925 г., кн. II, ст. т. Бриль.
Комплекты газет (за 1920 г.):

«Правда», «Известия ВЦИК», «Коммунист» — орган ЦК КП (б)У, «Красная звезда» (15-й армии), «Красноармеец» (16-й армии), «Красная армия» (12-я армия) и других армий.

Архив ВПАТ:

дела 318, 605, 606, 602, 601, 810, 798, 799, 787, 781, 799, 756, 784, 767, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 848, 849, 858, 852, 853, 854, 773, 582, 1052, 739, 505, 1091, 1092, 583, 587, 827, 347, 719, 718, 717, дело 8 кавдивизии, 961, 1056, 679, 733, 671, 675, 676, 1007, 1008, 995, 544, 541, 542, 543, 758, 657, 658, 662, 663, 660, 825, 731, 732, 758, 794, 795, св. 101, дело 11 и св. 77 дело 20 (ст. номенклатура), альбом листовок.

Архив Красной армии:

дела 71—534с, 71—535с, 71536с, 7632, 3669, 71—859с, 71—601с, 82596с, 82—595с, 81—199с, 78—172с, 57946с, 57950с, 57949с, 72187с, 57—947с, 59—909с, 60—104с, 60—322с, 74—338с, 60—323с, 74—340с, 60—362с, 71—840с, 71—838с, 71—837с, 71—834с, 71—922с, 71—922с, 71—643с, 193499, 193486, 58056с, 193487с, 193490с, 60—165с, 76066с, 59248с, 60—187с, 60—189с, 60—215с, 59—084с, 59—612с, 59—177с, 59—317с, 60—116с, 59—927с, 60—131с, 60—128с, 60—131с, 60—127с, 60—124с, 60—120с, 60—137, 60—195с, 199—829, 199—864, 199—863, 199—826, 199—828, 234—499, 234—502, 234—493, 73—765, 73—466, 73—768, 43607, 73747, 73—754, 73—746, 73—749, 45—170, 45—134, 45—175, 532, 538, 652, 689, 601, 577, 563, 566, 523, 709.

Дела 1-й Конармии (номера армии): 160, 76, 186, 120, поупраформа с ноября 20 г. переписка поарма с бронечастями, 199, 176, 117, 12, 177, 7, 2, 1 и 19.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОЙНА И ЭКОНОМИКА

Бинштok, В. и Каминский, Л. Народное питание и народное здравие. С предисл. Н. А. Семашко. М.—Л. 1929. (Труды Научно-исследовательской секции ЦС Осоавиахима. Война и народное хозяйство. Серия первая. „Мировая война и народное хозяйство в России". №44). Стр. 90. Ц. 1 р. 30 к.

Авторы подробно рассматривают вопросы питания военного и гражданского населения во время войны, социальных болезней, вызванных войной, и санитарного обслуживания армии и населения во время империалистической войны 1914—1918 гг. Авторы использовали всю имеющуюся литературу по этим вопросам, что делает этот труд особенно ценным для военного читателя, не имеющего возможности изучить всю массу литературы по затрагиваемым вопросам. Книга предназначается для всех работников в области санитарии как в Красной армии, так и среди гражданского населения.

Вишнев, С. Военная промышленность иностранных государств. М.—Л. 1930. („Война и экономика"). Стр. 150. Ц. 1 р. 40 к.

Книга дает краткий очерк состояния и основных тенденций в развитии военной промышленности как крупнейших капиталистических стран, так и сопредельных с СССР мелких государств. Работа богато иллюстрирована цифрами, фотографиями и схемами размещения различных военных заводов на территории главнейших стран. Высший и старший командный состав и особенно деятели военной промышленности и снабженческих органов РККА найдут в книге богатый материал для изучения и сравнения.

Война и топливо 1914—1917 гг. Труды Научно-исследовательской секции ЦС Осоавиахима М. — Л. 1930. („Война и народное хозяйство". Первая серия. „Мировая война и народное хозяйство России". №№ 24 — 28). Стр. 191.

От Научно-исследовательской секции ЦС Осоавиахима. П. Шох.— Проблемы топливоснабжения по опыту мировой войны. П. Шелякин.— Война и угольная промышленность. В. И. Фролов. — Война и нефтяная промышленность. Проф. И. И. Вихляев.—Война и торфяное топливо. А. А. Апушкин. — Война и древесное топливо. Указатель литературы.

ПОКУПАЙТЕ КНИГИ В МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА